



КНИГА 2

ШАЛЮХА

НИНА
ЛЕННОКС

Мечта
 бредом, которое подается холодным. Но только не в этом случае.
 Она ворвется в его жизнь сумасшедшим пожаром, безумным
 вихрем, бурей, что не оставит после себя ничего. Лишь разруху,
 хаос и боль. Она оломится за себя и стонит в этом сумасшествии
 сама. На осколках прошлой жизни, на кровавых остатках былых
 чувств возродится... любовь. Любовь, закованная в боли,
 проверенная страданиями, навсегда пропишется в
Генриетте



КНИГА 2
Нина Леннокс

ШАЛЮХА

МОЙ ВЫБОР - НЕНАВИДЕТЬ

Annotation

Мечь — блюдо, которое подается холодным. Но только не в этом случае. Она ворвется в его жизнь сумасшедшим пожаром, безумным вихрем, бурей, что не оставит после себя ничего. Лишь разрушения, хаос и боль. Она отомстит за себя и сгорит в этом сумасшествии сама. На осколках прошлой жизни, на кровавых остатках былых чувств возродится... любовь. Любовь, закаленная в боли, проверенная страданиями, навсегда пропишется в венах... Предупреждение: 18+, постельные сцены Вступайте в группу автора https://vk.com/ninalennox_official

•
Шлюха.

Часть 2.

Автор: Нина Леннокс

Аннотация:

Мечь — блюдо, которое подается холодным. Но только не в этом случае. Она ворвется в его жизнь сумасшедшим пожаром, безумным вихрем, бурей, что не оставит после себя ничего. Лишь разрушения, хаос и боль. Она отомстит за себя и сгорит в этом сумасшествии сама. На осколках прошлой жизни, на кровавых остатках былых чувств возродится... любовь. Любовь, закаленная в боли, проверенная страданиями, навсегда пропишется в венах...

Предупреждение: 18+, постельные сцены

Глава 1.

Осень. Холод раздражал. Начало октября, а противный холод мурашками ползал по коже, забираясь под неё, жая нервные окончания и раздражая. Женщина открыла глаза и снова

закрыла. Чертов дождь. Ну, конечно. Уже третий день подряд лил чертов дождь.

Раздраженно вздохнув, она перекатилась на живот, протягивая руки в поисках любимого

тела. Снова холод и пустота. Уже встал. Разочарованно хмыкнув, она вернулась в исходное

положение и уставилась бездумным взглядом в потолок. Почему она чувствовала себя такой уставшей? Это все из-за работы... А еще эти тренинги, повышение квалификации.

Задолбали бумаги, подписи, печати, телефонные звонки. Сама захотела приносить пользу, хотя полностью обеспеченную жизнь предлагали. Нет, не в этом дело. Работа, вся эта

макулатура и придурки-рабочие давно превратились в рутину. Усталость поселилась на молекулярном уровне, постоянно вбрасывая в кровь дозу тоски и разбитости. Во всем был

виноват ОН. Будильник надрывно зазвонил, и девушка испуганно вскрикнула.

— Твою мать! — Со всей силы стукнула по нему, слыша треск. — Херов будильник.

Впервые встала раньше.

Собрав себя по кусочкам, она неохотно поднялась с постели. Надо было собраться!

Приближались важные, даже судьбоносные, события. И она была просто обязана

встретить их достойно. Зря, что ли, так долго к этому шла? Девушка неспешной

походкой

спустилась на кухню, на ходу потягиваясь. Бросила недовольный взгляд в окно,

проклиная

осень с её дождями и холодом. Настроение улучшаться не собиралось, всё

стремительнее

падая. Мокрые разводы на окне и шум дождя никак не способствовали бодрому

настрою.

И когда она стала так не любить дождь? Может, тогда, когда под звуки падающих

капель

медленно сходила с ума, распадаясь на части от боли? Когда в каждой капле дождя

видела

квинтэссенцию такой родной и до дрожи любимой боли? Боль заменила ей когда-то

все

времена года. Вместо желто-красной листвы с деревьев срывались кровавые слёзы,

вместо

каркающих ворон от кроны к кроне проносились падальщики... На месте сердца зияла

глубокая рана, пульсируя от боли, втягивая в себя всё живое, что было в её жизни. И

там, внутри, это всё умирало, чтобы никогда не вернуться назад.

Рука неосознанно коснулась области сердца сквозь пижамный топ. Так тихо бьется,

словно тикают часы, отмеряя, сколько ей осталось жить... Лишь бы успеть завершить всё

задуманное. Лишь бы успеть увидеть ЕГО страдания. Жизнь превратилась в чертов

круговорот боли и страданий. Либо боль причиняли ей, либо она. И неважно, где она

жила, ничего не менялось. Заповедный сосновый лес открывался сейчас её взору,

увешанный тысячами тяжелых дождевых капель, а тогда из окна на неё смотрели самые

обычные деревья. Тогда её окружали постройки Арбата, а сейчас — роскошь «Кристал

Истра». Варшавское шоссе сменилось Новорижским, её наряды стали в десять раз

дороже, рестораны, в которых она ужинала, носили приставку “премиум класса”, но почему

же

тогда боль не желала оставаться в прошлом?

— Почему ты вечно со мной? — прошептала девушка, слегка дотрагиваясь до

оголившейся части живота.

На кухне раздавались звуки какой-то деятельности, и она поспешила туда. Есть

хотелось

ужасно, кофе и чего-нибудь калорийного для поднятия настроения. А ещё бы Лешу

рядом... Как же он успокаивал её. Он стал её пристанью в бушующем море, её маяком в

темноте. Его сильное плечо и широкая спина всегда были в её распоряжении. Он

всегда

успокоит, всегда поддержит и поймет. Его любовь грела душу, разнося по телу искры

пламени, вновь зажигая застывшие струны души.

— Ирина Валерьевна, доброе утро, — поприветствовала её домработница. —

Выспались, матушка?

— Доброе, Ангелина Петровна. Выспишься тут, с этим треклятым дождем. Мне, пожалуйста, кофе.

Пожилая женщина добродушно улыбнулась ей и повернулась к кофемолке. Черный, с одним кубиком сахара. Она знала привычки и предпочтения хозяев на зубок. Алексей Викторович часто завтракал в кабинете, а то и вовсе уходил на работу, не позавтракав.

Но

с появлением этой молодой женщины, Ирины, он изменился. Теперь в его привычки входили приемы пищи только на кухне и только с женой. И она была за них так рада, словно мать. А она и была ему второй матерью. Сколько уже они вместе жили, и она готовила ему каждое утро завтраки? Кофемолка известила её о готовности кофейных зерен. Включив плиту и засыпав в турку все нужные ингредиенты, Ангелина Петровна погрузилась в приятные размышления. Ирина признавала только кофе, сваренный вручную, никаких пакетиков и упаковок. С её появлением в доме изменилось

абсолютно

всё. Сразу было видно, что теперь в нем жила женщина. Она была достаточно капризной, порой могла быть несносной, но пожилая женщина знала, что девушка не так проста.

Много раз она заставляла ее за тяжёлыми думами, стоящую у окна спальни, видела, как та с

тоской смотрела вдаль. Душа молодой женщины была изранена, и Ангелина Петровна чувствовала это. Леша делал ей намеки на её печальное прошлое, но никогда не говорил

больше положенного. Соблюдал закон “конфиденциальности личности”. Так он сам называл этот принцип неразглашения информации. От турки стал исходить интенсивный

запах, и женщина поняла, что передержала кофе, ненадолго задумавшись. Всего полминуты лишних поварился, ничего страшного.

— Приятного аппетита, Ирина Валерьевна. — Подала ей чашку кофе и шоколадное пирожное.

— Благодарю вас. И обращайтесь ко мне на «ты», и просто Ира. Я уже давно тут живу, а

вы всё никак не можете привыкнуть. — Девушка оторвалась от планшетного компьютера, в котором проверяла новости.

Доллар скачет, нефть дорожает... К чёрту эти ежедневные одинаковые сводки. Сейчас всё

равно в офисе планктон запрыгает с ошалелыми глазками с этим долларом, контрактами и

договорами. А завтра вечером ещё курсы по внутреннему и внешнему финансовому контролю. И три дня подряд слушать эту нудятину. Лучше бы сидела в спа с Маринкой.

Её

внимание привлек заголовок сайта желтой газетенки. «Владелец «Becker Development Company» на днях посетит Россию. Как сообщается, это будет деловая поездка, но, кто знает, может, у него опять интрижка с какой-нибудь русской моделью?» Она вся застыла.

Одного этого имени было достаточно, чтобы к чертям собачьим нарушить тот баланс, который она нашла за три года невыносимо сложной работы над собой. Девушка сделала глоток кофе и, поморщившись, с трудом проглотила.

— Что это?!

— Что не так, Ирина... Ира? — обратилась к ней обеспокоенно Ангелина Петровна.

— Что с кофе? — настойчиво повторила девушка. — Это не кофе, а жидкое д*рьмо. О чем

вы думали, когда варили эту жижу? О том, как побыстрее всё сделать и убежать домой? — Неожиданно для себя взорвалась она. А в голове так и стучало «Владелец «Becker Development Company» на днях посетит Россию». Так скоро... И таким сладким нектаром

разливалось предвкушение мести по жилам...

— Я... Я... Простите, — залепетала женщина, сбитая с толку агрессивным настроением хозяйки.

— Ангелина Петровна, все хорошо. — В дверях появился хозяин дома. — Будьте добры, оставьте нас наедине. С завтраком я справлюсь сам. — Ласково обнял пожилую женщину, заменившую ему когда-то мать, и, одарив её теплой улыбкой, отпустил. — Что с тобой

происходит, Ира? — Всё внимание было сосредоточено на молодой женщине перед ним.

— Всё в порядке, — ответила она, нервно водя пальцами по неактивному экрану планшета. Осуждающий взгляд мужа причинял несравнимый ни с чем дискомфорт. Его умиротворяющая сила и спокойная мощь придавливали её к месту, заставляя ощущать себя нашкодившим котёнком. Того и гляди, схватит за шиворот и отчитает.

— Не в порядке, душа моя. Что происходит? Ты ведь знаешь, что можешь довериться мне.

Мужчина подошел ближе и сел напротив. Взял чашку с кофе и отпил.

— Горчит немного. Добавь больше сахара, и проблема решена. За это ты накричала на Ангелину Петровну, милейшую женщину, ангела во плоти? — Осуждение плескалось в глазах грозowymi тучами. Он любил пожилую домработницу, она знала это.

— Прости, — прошептала девушка. — Нечего заниматься ерундой на кухне. Её задача хорошо готовить, а не размышлять о глобальных проблемах, или о чём она там размышляла...

Рука мужа легла на её руку, сжимавшую тонкий корпус планшета с невиданной силой.

Умиротворяющее тепло разлилось под кожей, успокаивая раздраженные нервные клетки.

Ирина вдохнула глубже. В голове отбойным молотком стучала новость о ЕГО приезде в Москву. Колени дрожали, нездоровое возбуждение от предвкушения смертельно опасной

игры стягивало низ живота в узел. Увидев, как загорелись маниакальным светом глаза жены, Алексей понял всё без слов. Забрал у неё планшет, не встречая сопротивления.

— Так я и знал. — Недовольно поджал губы, просматривая экран. — Опять он. Почему мне кажется, что всё это произошло не случайно? Ты выслеживала добычу, подстраивая

работу моей фирмы под свои планы? Так?

— Нет. — Тяжело сглотнула, но на лицо вновь вернулась маска безразличия. — Ещё я буду подстраиваться под этого болвана! Он сам профукал свою фирму, набрав в неё полнейших кретинов. Просто так сложились обстоятельства... Удачно. — Дерзкая улыбка изогнула губы. — Я люблю тебя, Леш, всей своей душой. А ты знаешь, что моя душа знала мало любви.

— Я верю тебе, Ира. Но порой мне упорно кажется, что свои кровожадные планы, которые ты холишь и лелеешь днями, ты любишь гораздо больше меня. Я не останавливаю тебя, так как свобода идет негласным пунктом в наших отношениях. Тебе дана почти безграничная свобода в сфере бизнеса и абсолютно не лимитированная — в отношении меня. Не делай мне и моим близким больно, прошу тебя. — Его твердый голос, пронизанный нотками спокойствия и уверенности в себе, скалой давил на её бунтующий нрав, подчиняя себе на психологическом уровне.

Ни одни цепи не могли удержать её нрав, но одно его слово, произнесенное не терпящей возражение интонацией, и взгляд, говорящий о его силе, ставили всех её беснующихся чертей на место. И за это она любила его еще больше. За то, что с ним она, действительно, была, как за каменной стеной. Эта стена защищала её не только от внешнего негативного воздействия, но и от себя самой. Стало дико стыдно за свое поведение. Ангелина Петровна была ни в чём не виновата. Не в её желании быть отомщенной — точно.

— Несколько дней назад ты сорвалась на охранника за то, что он отошел на минуту. Между прочим, подчиняясь МОЕМУ распоряжению. Сегодня — грубость с Ангелиной Петровной. Твоя нервозность, суетливость и раздраженность меня настораживают. Меня не проведешь, Ира. Неужели ты так и не поняла этого? — Лёд голубых глаз смешивался с карим золотом её, успокаивая бурю внутри неё.

— Леша, всё хорошо, — твердо произнесла она, забирая планшет. — Его приезд не имеет никакого значения. Это всё дождь.

— Ты уверена?

— Да. Дождь.

— Хорошо. Не забудь, что до его ничего не значащего приезда мы должны посетить открытие храма. Я надеюсь, что ты разберёшься со своим настроением. — Его настроение тоже упало. Надоело делить их совместную жизнь с третьим лицом — то он врвался в её сны, то теперь сопровождал её каждый день в реальности. А ему оставалось всё меньше места в ней.

— Леш...

— Ангелине Петровне должны быть принесены извинения. Немедленно.

Он вышел, забрав завтрак в кабинет. Девушка сжала зубы до скрипа от злости на саму себя. Будь проклят этот урод! Урод, превратившийся в кошмар её жизни. Что она

только ни

делала, ЕГО ухмылка не уходила из сознания. Но скоро всё изменится, скоро она положит

этому бреду конец... И, наконец-то... Сможет полюбить Лешу по-настоящему? Как женщина любит мужчину? До дрожи, до замедления дыхания, до паники в душе, когда

его

нет рядом. Нет, она, безусловно, любила его, и очень сильно, но это была больше любовь в

благодарность. С ним она чувствовала себя в полной безопасности, но женская суть была

одинока. Как всегда, одинока...

Собрав всё своё самообладание в кулак, она извинилась перед Ангелиной Петровной.

Её, действительно, стало заносить в последнее время. Стерва выпускала когти всё чаще, улыбаясь ярко-алыми пухлыми губами и окидывая людей снисходительным взглядом

карих глаз. Стерва в ней защищала маленькую девочку, которая так и не смогла

вырасти, не смогла оправиться от нанесенных судьбой ударов. Эта маленькая девочка, порой, трусливо выглядывала и пряталась обратно. Женщина презрительно фыркнула про себя.

Чертова мелкая размазня должна была давно сдохнуть, но вместо этого она каждый день

пыталась всё больше завладеть её сознанием, говоря о каком-то мифическом прощении, доброте к людям. О чем она, эта глупышка?

Алексей Викторович стоял спиной к двери своего кабинета, перебирая бумаги. Ирина подошла сзади и прижалась к нему, обвивая талию руками.

— Я так люблю тебя. Прости меня, — прошептала ему в спину и уткнулась в неё лицом, моментально успокаиваясь. Его широкая, сильная спина всегда становилась преградой между ней и страхами.

— Я не обижался, Ира, а значит, и прощать тебя мне не за что. — Повернулся к ней и притянул к себе, согревая своими объятиями. — Скучаю по твоим длинным локонам. —

Провел рукой по ее волосам, даря легкий поцелуй в макушку. — Очень скучаю.

— А я — нет. Они остались в прошлом вместе с... Ты понял, — тише добавила она и закрыла глаза, медленно убивая прежнюю себя внутри.

— Ты так в том уверена? Твои поступки говорят об обратном. — Заглянул ей в глаза. —

Я

очень беспокоюсь за тебя, любимая.

— Всё в порядке. Больше я ни на кого не сорвусь и никого не обижу.

— Нет, ты не услышала меня, дорогая. Я беспокоюсь не о людях, которые могут обидеться. Я переживаю за ТЕБЯ.

— И в этом весь ты. — Прижалась к нему сильнее, ей резко стало холодно. — За это я

тебя

и люблю.

— Я тоже тебя люблю, моя девочка, — нежно сказал он и, подхватив её под ягодицы,

поднял. — Всегда помни, что ты не одна. Я доступен для тебя двадцать четыре часа в сутки. На любом совещании, в любом месте, даже во сне. Просто зови меня, и я приду. Не борись с демонами в одиночку. — Хорошо. — Поцеловала его в губы и встала на ноги. — Я в офис. Надо растряссти этот штат ленивых задниц, — весело произнесла она и упорхнула из кабинета.

Штат ленивых задниц уже вовсю работал. Телефон в её кабинете разрывался от звонков, на столе стояли три чашки остывшего кофе, и кто-то даже свежую газету под дверь подсунул. Она обожала их, хотя, иногда они бесили её до чертиков. Но у них уже была слаженная команда, и газета под дверь воспринималась вполне обыденно. Быстро пробежавшись глазами по первой странице, она закинула газету в ящик стола. Скукота. Ничего интересного. Надо было проверить электронный ежедневник. Пока ноутбук загружался, она достала косметичку, собираясь подкрасить губы. Экран издал писк, и высветилось напоминание о важном событии. Встреча Леша с... мистером Бекером. Дыхание на секунду остановилось, затем заработало с новой силой.

«Мистер Бекер удивится тому, как выглядит Леша. Удивится», — думала она, медленно проводя ярко-бордовой помадой по губам. — Удивится. И ответит за всё. — Захлопнула зеркальце, ловя свой злорадный взгляд, полный яда и ненависти. — Ответит за всё, — обратилась к напоминанию на экране, сверля глазами имя гостя. — Кровь за кровь. И уж, поверь, твоей я напьюсь сполна. — Закрыла крышку ноутбука, сотрясаемая волнами нервного возбуждения. Воображаемый аромат крови врага щекотал ноздри, возбуждая даже электроны в ней. Ещё чуть-чуть, и она поставит его на колени.

Глава 2.

— Не думал, что когда-нибудь вернусь сюда, — сказал мужчина, снимая солнцезащитные очки.

Дороги блестели от недавнего дождя, воздух был пропитан сыростью, а солнечные лучи почти не грели. Он почувствовал себя крайне неудобно. Оказаться снова в этой стране, в этом городе... Жизнь циклична, и новый виток взял своё начало сейчас. Что ему принесёт возвращение на родину на этот раз?

— Аналогично. Бизнес, что поделаешь. Ты должен выиграть этот тендер, иначе фирма испытает ощутимый удар, — ответил ему второй мужчина, загружая багаж в машину. — Куда ты, Макс? — спросил он, видя, как тот открывает дверцу водителя. — Ты едешь на пассажирском.

— Нет.

— Да, чёрт возьми. Или ты не пил таблетки? — Острый взгляд был направлен на

Макса.

— Пил.

— Пачку. — Мужчина протянул руку.

— Хватит строить из себя мамочку. Заткнись и полезай в машину, поведу я, и точка. —

Вспылил, продолжая открывать дверь.

— Ты, наверное, не расслышал моей вежливой просьбы. Пачку, я сказал! —

Перехватил

его руку, ограничивая доступ к дверце машины.

— Отвали, я сказал! — Макс начал заводиться. Этот вечный тотальный контроль душил его. Он уже почти не дышал. Нога, наступающая на горло, давила все сильнее. —

Какого

хера ты делаешь, Стефан? — Попытался отнять кейс у брата.

— Какого хера делаешь Ты?! — почти кричал Стефан, рассматривая полный блистер.

— Какого черта две сегодняшние таблетки не выпиты?

— Да иди ты на...

Не успел Макс договорить, как кулак Стефана врезался ему в плечо. Его взгляд выворачивал наизнанку, словно орал, какой он придурок. Стефан нахмурился. Полный придурок.

— Какого хрена таблетки не выпиты? — по слогам повторил вопрос он, отталкивая

Макса

дальше от машины.

— Меня заколебало ездить на пассажирском сидении, будто я баба какая-то. Машина моя, братишка. С таблетками за руль садиться нельзя. Поэтому и не выпил. Цепочку логическую выстроил?

— Ну, хорошо. Ты, видно, забыл, что с тобой происходило всего полтора года назад.

Забыл, кто сидел с тобой днями и ночами в больнице, держа за руку? Забыл, кто чуть ли не

слюнки тебе вытирал? Ты всё постоянно забываешь. Забываешь, что кто-то положил свою

жизнь на алтарь твоего здоровья. У тебя чертова рыба память. — Стефан оттолкнул его

от себя, вкладывая блистер с таблетками ему в руку, и сел на водительское сидение. Через десять минут езды в гробовой тишине, Макс сделал над собой усилие и начал разговор.

— Прости. Просто прости. Сейчас я выпью эти две таблетки.

— Иди на хер. Можешь ничего не пить. Можешь опять повалиться с полгода в клинике.

Думаю, ты там всем понравился, — мрачно ответил Стефан, сосредотачиваясь на дороге.

— Я тебе больше не буду указывать и напоминать. Если глупый, маленький мальчик не может вырасти — это не мои проблемы.

Еще двадцать минут прошли в натянутой, как струна, тишине, грозившей выстрелить в одного из них.

— Я просто устал, — шёпотом произнес Макс. — Эта усталость стягивает вены, просто скручивает их в спираль. Таблетки будто отключают мозг, связывают руки, понимаешь?

Я

— не я, я сам не свой. И я дико устал так жить. — Уставился в окно, не задерживаясь взглядом на проносящихся мимо постройках и деревьях.

— Я всё понимаю, брат. Но до такой жизни ты дошел САМ. И чтобы больше не сорваться, не зайти за черту, врач назначил тебе эти таблетки. Я знаю всё про усталость.

Мы с отцом

устали не меньше тебя. Каждый день превратился в борьбу за твою жизнь. Ты думаешь, я

не устал, чёрт возьми? — Ударил по тормозам и повернулся к брату. — Всё, что от тебя требуется — пить эти грёбаные таблетки!

— Сейчас выпью.

— Не надо. Выходи, — приказал Стефан и вышел из машины.

Ничего не понимая, Макс вышел.

— Садись за руль.

— Но...

— Садись! Хоть что-то можешь сделать, не споря?

Он подчинился, но двигатель не завел.

— Чего ты ждешь?

— Мне нельзя, — обреченно сказал Макс. — Я это понимаю.

— Можно. За последние сутки активное вещество выветрилось из крови, а новые таблетки

ты не пил. Выпьешь их вечером, перед сном. Заводи, и поехали. Я проголодался. И ты меня достал. В общем, мне нужна еда и что-нибудь выпить.

Макс усмехнулся и завел двигатель. Он действительно хренов мудака. Все только и делают, что страдают из-за него. Даже он сам страдал из-за себя. Но сделать ничего с этим не мог.

— Бизнес-ланч, будьте добры, — Стефан сделал заказ.

— Кофе, — сказал Макс, отдавая официантке меню.

— И всё? Ты не ел почти полдня. Таблеткам требуются...

— Знаю. Знаю, черт возьми! Таблеткам требуется достаточное количество жиров, углеводов и бла-бла-бла. Но они притупляют аппетит. Я просто не хочу есть.

— Ок. Без проблем. Не хочешь — не ешь. Всё хорошо. — Стефан решил свести вероятность конфликта к минимуму. Слишком много раздражителей за один день.

Максу

нельзя много нервничать.

— Только не надо этого, ладно?

— Чего не надо?

— Не надо относиться ко мне, как к целке. Не надо беречь меня от всего на свете. Я поем, но позже. Сейчас, действительно, не хочется.

— Я тебя понял. Всё, правда, хорошо.

В это время им, как раз, принесли заказ, разряжая обстановку. В последнее время они всё

чаще стали ссориться. Оба были взвинчены перед этой поездкой. Стефан опасался за психическое здоровье брата. Всё-таки, с Москвой его связывали не самые лучшие воспоминания. Мать, Зара... И Марина. Он прогнал навязчивые мысли, которые

одолевали

его с завидной регулярностью. Без этой девочки его мир лишился целой палитры красок, он словно стал дальтоником. Но ничего другого, кроме как идти вперед в этой серой однообразности, не оставалось.

— Что ты знаешь об Алексее Нарватове? — спросил Макс, размешивая сахар в кофе.

— Ничего особенного. Бизнесмен, через три недели исполнится пятьдесят, женат.

Известный благотворитель и меценат. Насколько я знаю, он воссоздал многие храмы в Москве и ещё нескольких городах России, принимает активное участие в культурной жизни страны.

— Почему именно его фирма вышла в лидеры в борьбе за тендер?

— Его фирма — одна из самых успешных в России. Он восстановил Большой театр, реконструировал Третьяковскую галерею. На счету его фирмы огромное количество удачных проектов. Раньше фирма принадлежала его отцу, позже перешла к нему. Мать умерла от рака семь лет назад, отец скончался от сердечного приступа меньше года назад.

— То есть, мужик суровый, побитый жизнью? С таким будет сложно бороться. Вряд ли он пойдёт на компромисс...

— Не скажи. Он женат. Говорят, удачно. О жене информации особой нет, в журналах не

светится, на светских тусовках тоже. Если судить по рассказам людей, то ей тридцать три, и она является его партнером по бизнесу. Даже не партнером, а просто работает на него.

— Ясно. Молодая шалава, раздвигающая ноги за возможность доить старичка, — сделал

выводы Макс.

— Ты, как всегда, слишком категоричен. Может, она умная девушка?

— Лишь бы была красивой... — Макс плотоядно усмехнулся. — Я найду, чем с ней заняться.

— Только попробуй. Если переговоры сорвутся из-за тебя, я тебя лично придушу. Только

попробуй к ней подойти.

— Да ладно тебе. Крошка уже, наверное, соскучилась по настоящему мужчине.

— Поставь на этот раз желания фирмы выше желаний своего члена. Я не шучу, Макс. — Стефан выглядел мрачнее тучи.

— Ты чего так паришься? Будто я тебя собираюсь насадить. — Он увернулся от кулака, опять целившегося в его плечо.

— Я тебя предупредил. — Стефан рассчитался, и мужчины вышли.

— Кстати, как её зовут? — спросил Макс, садясь в машину.

— Жену Нарватова? Ирина, вроде.

— Иришка... Ммм... Отлично сочетается с «раздвинь ножки шире, детка»...

— Твою мать! — Стефан пришел в ярость. — Только попробуй. Я оторву твоего маленького дружка к чертям собачьим.

— Чего это маленького? — Макс было весело.

— А того это. Я его видел. — Парировал брат. — Заткнись, озабоченный, и поехали.

Машина тронулась с места. Макс показал брату средний палец, тем самым выражая своё отношение к его осведомленности о состоянии своих половых органов. А ту цыпочку он взял на заметку. Нужно будет обязательно познакомиться с ней в неформальной обстановке...

Тихая, расслабляющая мелодия заполняла процедурный кабинет. Две девушки лежали на кушетках, блаженно закрыв глаза.

— Мариш, я обожаю твой салон. Массажистки у тебя офигенные! — Девушка довольно вздохнула и устроилась поудобней. Камни на спине дарили ни с чем несравнимое удовольствие. Тепло побежало по коже, наполняя тело жизнью. Словно не было всей этой жизни, не было ничего, только умиротворяющая теплота.

— Ира, согласна, — пропела Марина и открыла один глаз, наблюдая за подругой. — Балинезийский массаж с полудрагоценными камням тоже был ничего.

— Я ещё хочу антицеллюлитный и шоколадный!

— Хватит с тебя сегодня. Тебя ещё пилинг ждет, маникюр, педикюр... В общем, Лёша жену увидит лишь под утро. Кстати, как у вас дела?

— Всё отлично, более чем. У него сейчас тендер в приоритете. Чувствую, будет жарко, — сказала она, думая о своём. Но жарко будет, точно.

— Вадик сказал, что Макс приезжает...

— Знаю.

— И как ты...

— Никак. Всё хорошо. Пусть приезжает, дальше что? Я должна заплакать? — Раздражение

вырывалось клубами из-под камней. Они просто не успевали перенимать негативную энергию.

— Нет. И не надо злиться на меня. Что я сделала? — приняла оборонительную позицию

подруга. — Я знаю, ты что-то задумала, я вижу это по твоим глазам. Только не говори, что

собралась с ним встретиться. Спрячься на время его приезда, ему не нужно знать, что ты жена Лёши.

— Что?! — Ирина подскочила. — Спрятаться? Ты предлагаешь мне спрятаться? От этого уroda? И сидеть, трястись от страха?

— Зара, успокойся...

— Не Зара! Не Зара. Забудь имя этой шлюхи навсегда. — Она снова была близка к срыву.

— Меня зовут Ира.

— Не проблема. Ира. Шлюху я забыть могу, но вот свою подругу — нет. Пусть её место заняла колючая стерва, я все равно её люблю, даже, когда она своими иголками колет

меня.

— Марина отвернулась в другую сторону, чувствуя себя обиженной.

Ирина вдохнула поглубже и велела корейнкам-массажисткам оставить их вдвоём.

— Прости, Мариш. Последние дни проходят в непрекращающейся нервотрёпке. Мне сносит крышу от одной мысли, что я его увижу. А все только и советуют мне, что спрятаться и не высовываться!

— Может, так будет лучше. Ты уверена, что сможешь дать ему отпор? И тендер этот...

Как

специально всё произошло.

— Всё произошло так, как и должно было произойти. Ничего я ему не готовлю, просто дружескую встречу, — мило улыбнулась, возвращая во взгляд твердость и решительность.

Ни к чему Марине знать о её планах. Никому это не нужно. — Как ваши отношения с Вадиком? Свадьба когда?

Марина закатила глаза.

— Не знаю. Меня пока и так всё устраивает. Мы помолвлены, колечко красуется на пальце. — Посмотрела на дорогое кольцо, усыпанное бриллиантами. — Салон свой есть.

Что ещё надо?

Девушки рассмеялись и стали собираться на следующие процедуры. Смех одной из них

был неискренним и лживым. Смешно ей совсем не было. Пока не произойдет эта встреча, пока их демоны не вступят в смертельную схватку, и один из них не умрет, она не успокоится...

В офисе царила суета. Приезжал сам Макс Бекер, владелец огромной корпорации. Помощник секретаря Алексея Викторовича заняла позицию у кофеварки, заранее приготовив все виды кофе, сахар и, на всякий случай, чай. Она и раньше варила кофе для

него и партнеров, но сегодня все стояли на ушах. Приезжал не заместитель, не генеральный директор, а сам владелец. А с ним ещё и вице-президент компании. Лишь бы

не испортить кофе, не положить сахара больше или меньше положенного...

Секретарь готовил бумаги, распечатывал документы, искал печати, лазил по сейфам, раскладывал папки. Всё было готово за месяц до их приезда, но нужно было перепроверить готовность бумаг, да и свою собственную. Сбравшись, он успокоился. Ещё ни разу он не подвел босса и не подведет.

— Алексей Викторович, доброе утро, — поздоровались в один голос сотрудники, когда тот вошел на этаж.

— Доброе утро. Наташа, ты чего такая взволнованная? — Окинул взглядом помощницу у кофеварки. — Отойди ты от неё, а то еще сломается от твоего волнения. — Он про себя

усмехнулся. Ох, уж, эти новички. Вечно волнуются, трясутся, а перед важными

встречами

их нужно чуть ли не отпаивать валерьянкой. — Сергей, принеси все нужные документы и

попроси Ирину Валерьевну зайти.

Секретарь ушёл исполнять распоряжение. Алексей расположился в кресле и потёр лицо.

Что же будет сегодня? Он бы мог прожить и без тендера, и так было много планов и заказов на строительство. Ещё и дизайнерский отдел открылся, есть, чем заняться. Но

Ире было необходимо дать выход своей энергии. Как бы его не задело осколками от взрыва...

— Дорогой, доброе утро! — сладко сказала она, появляясь в дверях. Положила документы

на стол и села к нему на колени. — Ты сегодня так рано ушёл. — Пальцы утонули в его жестких волосах.

— Некогда спать. — Поцеловал ее в щёку. — Как настрой?

— Боевой! — бодро воскликнула Ирина и наклонилась к его губам, желая поцеловать, но

остановилась. На его вопросительный взгляд показала на губы и рассмеялась. — Помада.

— Ладно. — Чмокнул её ещё раз. — Ира... ты уверена, что готова? — моментально стал серьёзным. — Может, ты, всё же, останешься в своем кабинете? Зачем ему знать, что

ты моя жена?

— Лёш, мы это обсуждали. Кажется, я это уже со всеми обсудила. И все советуют мне одно и то же! Я хочу видеть его лицо, когда он упустит этот тендер.

— Или хочешь увидеть его лицо, когда он увидит тебя в роли моей жены?

— Перестань меня обижать, упрекая в подмене понятий. Я понимаю, о чём говорю. Он упустит тендер, и я хочу это видеть.

— Почему ты так уверена, что он упустит его? У нас одинаковые шансы. Я не понимаю, зачем он приезжает, что хочет обсудить.

— Не знаю, что он хочет, но он проиграет, — уверенно произнесла она и встала. — Я присоединюсь к вам позже, у меня ещё есть дела.

Алексей Викторович покачал головой, провожая её. Жажда крови достигла пика, она не

остановится. И он не будет её останавливать. Пусть наступает на грабли сама и учится. Или просто получает рану за раной, если не в состоянии усваивать знания.

Через час в кабинет постучали, и секретарь представил ему гостей. Крупный мужчина с суровыми чертами лица и твердым взглядом — владелец фирмы Макс Бекер, мужчина

с яркими голубыми глазами — вице-президент Стефан Хейз, миниатюрная девушка в очках

— секретарь Венди.

— Добрый день, господин Нарватов. — Мужчины по очереди пожали друг другу руки.

— Можно просто, Алексей, — сказал он и сел во главе стола, рассматривая человека,

который причинил столько боли его жене. Мужественность так и рвалась из него, костюм трещал по швам от мышц, а лицо выражало полнейшее превосходство и контроль над ситуацией. Точно не урод, как она любила его называть. Посмотрим, что будет дальше.

— Хорошо, Алексей. Думаю, вы в курсе главной темы нашего разговора — тендер.

— Естественно. Я только не очень понимаю, о чём здесь можно говорить. Комиссия

еще в процессе отбора компаний.

— Об этом я бы и хотел поговорить. У меня есть предложение. Моя фирма нуждается в этом тендере, он поможет укрепить позиции и вернуть былое могущество на мировом рынке.

— Вы приехали просить меня отказаться от тендера, который и мне тоже, в случае победы, поможет выйти на мировой рынок? — Алексей Викторович посмотрел с некоторой иронией на мужчину напротив. Он явно шутил.

— Зачем вам мировой рынок? Проанализировав деятельность вашей фирмы, я пришел к выводу, что основное поле вашей деятельности — Российская Федерация, а моя фирма

строит объекты по всему миру. Мне нужен этот тендер.

— Не знаю, как ведутся дела у вас в Америке, но в России не принято приходить к главе компании и умолять отдать тендер. Если это все ваши предложения — попрошу меня более не задерживать.

Глаза Венди округлились от подобного обращения к боссу. Даже Стефан выглядел удивленным, хотя побывал уже не на одной встрече. И порой случались странные вещи, но

так разговаривать с Максом не позволял себе никто. Лицо Макса ожесточилось, сигнализируя об опасности. Что этот выскочка себе позволяет?

— Нет, не всё. Свои «мольбы» я могу подкрепить выгодным предложением. Я отдаю вашей фирме заказ на постройку театра в Венеции. Это довольно масштабный проект, отслеживаемый СМИ. Работа только началась, и я готов отдать вам рабочих, закупленные материалы и все наработки по строительству. Взамен я прошу тендер, — спокойно сказал

Макс, с трудом сдерживаясь, чтобы не сжать руки в кулаки.

— Нет. Я могу взять у вас этот проект только в случае проигрыша в тендере, как утешительный приз.

Страх в глазах Венди грозил потечь по щекам черными ручьями туши, но в дверь постучали, и в неё вошла эффектная молодая женщина. Все взгляды были прикованы к ней. Казалось, что даже секретарь была ею очарована. Обаяние и грация лани, внутренняя

сила львицы и орлиный взгляд создавали убойную смесь. Она прошла вдоль кабинета и устроилась по правую руку от Алексея Викторовича.

— Дамы и господа, имею честь представить вам свою жену. Ирина Валерьевна Нарватова, руководитель международного отдела, — представил он жену. — наших партнеров ты знаешь, — обратился к ней.

— Приятно познакомиться, — мило, но, в то же время, холодно улыбнулась каждому из них, обдавая волной неприступного холода.

Макс не мог оторвать от неё взгляда. Что с ней, черт возьми, было не так? Настоящая стерва, с виду. Холодная улыбка, официальный тон. Робот, просто красивый,

бездушный

робот. Но что было в ней такого, раз все его сенсоры пришли в боевую готовность? И

под

«сенсорами» он имел в виду не только член, готовый разорвать ткань брюк, лишь бы нагнуть дерзкую сучку, жену этого напыщенного идиота Нарватова, и отыметь её во

все

дырки, а потом кинуть обратно муженьку. Всё внутри активизировалось, словно на интуитивном уровне организм понял, с кем имел дело. Глаза скользнули ниже, плотоядным взглядом исследуя приоткрывшуюся коленку. Черные туфли на высоком каблуке... Он обожал сучек на высоких шпильках. Видеть эти шпильки на уровне своих плеч, выбивая в это время всю дерзость из малышки...

— Я думаю, что мы не можем прийти к некому консенсусу. Я так же, как и вы, заинтересован в тендере. Театр в Венеции является очень манящим предложением, но не таким, от которого нельзя отказаться. Полагаю, наша встреча окончена.

Что? Черт, он там что-то говорил, пока Макс рассматривал аппетитные ножки его жены.

Грудь... Её, что, не учили застегивать блузку на все пуговицы? Шлюха. И губы так ярко окрашены, истинная стерва. Увидеть бы алые поцелуи на своем члене... А лицо, такое знакомое, словно родное. Но он никогда не видел её раньше. Он был в этом уверен.

— Мистер Бекер, вы слышите меня? — донеслось до него, и в это же время Стефан пнул

его под столом, приводя в сознание.

— Да, простите, Алексей. Вы уверены в своем решении? Потому что я не намерен отступить, — говорил он, но взгляд был прикован к высокомерной сучке, сверлившей его

взглядом. Он так и видел, как она подносит этот карандаш к губам и проводит по нему языком...

Ирина прожигала его высокомерным взглядом, словно раскладывая по полочкам, какой он

неудачник и идиот. Её взгляд не выражал никакой заинтересованности, абсолютно. Высокомерие в чистом виде. Макс был взвинчен до предела. Почему она была ему знакома? Память работала, как сумасшедшая, пытаюсь узнать её, но имя постоянно ускользало. Не Ира... Не Ира... Что за гребаная фирма? Главу хотелось избить, а его женушку оттрахать, как можно жёстче. Он слегка ослабил галстук, выравнивая дыхание.

— Я также не намерен отступить. Значит, оставим право выбора за комиссией, — безапелляционно сказал Алексей Викторович, ставя точку в их разговоре. — Было приятно познакомиться. — Встал, подавая руку, тем самым явно давая понять, что встреча

окончена.

Макс медлил, просто сгорая от злости. Он привык встречать сопротивление, в бизнесе

иначе не получалось, но встречать такое сопротивление... Что-то ему подсказывало, что показная грубость Нарватова и его высокомерие имели под собой какие-то основания.

В

деловом мире было не принято так себя вести, и он не мог не знать этих элементарных правил. Что ж, это будет интересный опыт. Сломить его высокомерие и поставить на колени такую же высокомерную сучку-жену... Медленно он встал, выражая своими вальяжными и нерасторопными действиями отношение к партнеру, и пожал ему руку.

— Дорогой, дай мне пять минут наедине с мистером Бекером, — попросила Ирина. Недоверчивый взгляд Алексея Викторовича метнулся к ней, пригвождая к месту, как

бы

спрашивая, уверена ли она в своих действиях. Ответом ему стал стальной взгляд жены,

без

тени страха или сомнения. Он напомнил себе о граблях и её собственных ошибках, поэтому дал добро и удалился вместе со всеми остальными. Ирина томно перекинула одну ногу на другую и откинулась на стуле, не спуская глаз с Макса.

— Что ты хотела, малышка? — спросил он, пододвигаясь ближе, словно хищник к жертве.

— Да так, ничего. Хотела спросить, каково это, проигрывать? — кривая улыбка тронула

пухлые губы.

— Я ещё не проиграл. Готовься утешать мужа в постели, когда я выиграю тендер.

Почему

мне так знакомо твое лицо? Мы не виделись раньше?

— Виделись, не виделись... Какая разница? Все люди похожи... — туманно говорила она, подходя к нему. — Кого я тебе напоминаю? — прошептала, наклонившись к мужчине и заглядывая ему прямо в глаза.

— Не знаю... — Он растерялся. Кого-то, мать его, она напоминала. Но кого?!

— Неважно. Вспомнишь потом.

Эта сучка ему очень не нравилась. Сейчас бы разложить её на столе и стереть его в пыль

её движениями ему в такт. Жаль, волосы у нее короткие, не наматываешь на кулак...

— Что, представляешь, как имеешь меня? До чего же ты предсказуемый! — захохотала она.

— Заткнись. Таких шлюх, как ты, только и надо, что хорошенько трахать. Старичок твой тебя, наверное, не удовлетворяет?

Девушка изменилась в лице, вся легкость вмиг испарилась.

— Этот, как ты выражаешься, старичок ещё поимеет тебя с тендером, мой дорогой.

— Только в твоих мечтах, детка!

— Да что ты говоришь. Всегда был самоуверенным ослом, — фыркнула она, что-то щелкая в ноутбуке.

— Почему ты говоришь так, будто знаешь меня... — Он осекся, посмотрев на экран. —

Что за х...

— Как тебе, Ма-акс? — Протянула его имя, в глазах плясали смешинки.

— Что за х*йня, твою мать? Откуда это у тебя?!

Она снова подошла к нему.

— Не узнал? Не узнал меня, ту, которой нет среди этих несчастных?

— Зара?..

Девушка опять рассмеялась безумным смехом.

— Ира! Нет никакой Зары. А это, кстати, причина, по которой ты откажешься от тендера.

Представляешь?

— Откуда у тебя эти фотографии? — зло процедил он. — И какого хера ты здесь вообще

делаешь? Ирина Валерьевна Нарватова... Шлюха ты, всё такая же!

Пощечина не заставила себя ждать. Макс медленно повернул голову к ней, пораженный

происходящим. И её поступком, и тем, что это была она. Быстро опомнившись, он притянул её к себе за талию и прижал к мощному торсу.

— Ведешь грязную игру, девочка моя? Ну, ничего, пару раз тебя трахну, как раньше, и всё

вернётся на круги своя. — Руки слегка задрали юбку. — Ты моя шлюшка... — Рука поднялась выше. — Кстати, приношу свои соболезнования, крошка.

Ирина подалась ему навстречу, издавая еле слышный стон.

— О чём ты?

— Не притворяйся, что не знаешь. Михаил, твой любимый сутенер, умер. «Шкатулка» сгорела. Тебе его не хватает, да? Точнее, его члена и побоев. Не переживай, милая, я буду

трахать тебя за него. Теперь я тут, и уже очень скоро трахну тебя. — Сжал её ягодицы.

— Не трахнешь! — Резко его оттолкнула и одернула юбку. — Больше никогда ты ко мне не

прикоснешься, — прошипела ему в лицо. — Прибереги свои грязные ручонки и пошлые словечки для шлюх в баре. И смотри, как бы сам не отправился вслед за Михаилом.

— Так ты такая и есть. Шлюха. Не хватает лишь бара. Шлюха! И не обманывай себя.

Просто сейчас твою киску трахает старый член.

Не успел он договорить, как она схватила со стола канцелярский нож и провела им по его

щеке. Протащила его вниз, оставляя тонкий след на коже, слегка надавливая. Отняв руку

от лица, она вытащила из сумки бумажный платочек и вытерла нож от его крови.

Кинула

ему один с видом глубочайшего отвращения. Макс был шокирован её поступком, совершенно сбит с толку. Кровь на салфетке была... Его? Она порезала ему щеку канцелярским ножом?!

— Пошёл вон, — приказала, даже не глядя на него. — Помни о том, что у меня есть. — Помахала перед ним флешкой. — У тебя осталось немного времени до конца тендерной гонки. И либо ты отдаешь проект Лёше, либо пеняй на себя, все узнают о твоих скелетах.

— Подожди, девочка моя, бросаться громкими словами. — Стальные шипы прошли ее насквозь, во взгляде не осталось и доли похоти. — Мы еще поиграем. Готовь задницу, ее я

буду трахать первой.

Мужчина встал и медленно вышел, голова кружилась, пытаюсь переварить всё происходящее. Нет, без Стефана и коньяка он точно не справится. Но эта сучка не на

того

напала. Он затрахаёт её до мозолей между ног, до дыр и истерик. Она пожалеет, что вступила в эту игру. Очень сильно пожалеет.

Ирина подошла к окну и зажгла сигарету. Руки дрожали. Никотин уже не успокаивал.

Что, если она ошиблась, посчитав себя достаточно сильной для борьбы с ним? Но дороги назад

не было, слишком большой путь она проделала. Значит, придётся идти до конца.

Первая

кровь уже пролилась и прольётся ещё.

Глава 3.

Стефан вошел в номер Макса без стука. У него имелся свой ключ. Макса в комнате не было, по шуму из ванной он понял, что тот принимал душ. Мужчина заказал завтрак в номер и устроился на кресле. Ему нравился этот отель. По праву носил звание лучшего.

Европейский стиль в оформлении, вышколенные сотрудники, сервис на высшем уровне.

Ему определённо здесь нравилось.

Нравилось именно это помещение, а не ситуация, в которой они оказались. То, что произошло всего пару дней назад, до сих пор не нашло у них с Максом объяснения.

Поистине чудесные метаморфозы Зары, тендер, Алексей Нарватов, его хамство...

Чертовщина, не иначе! Все эти два дня, в перерывах между попытками усмирения злости

Макса и попытками хоть что-то узнать о семействе Нарватовых, он то и дело возвращался

к одной мысли, заставляющей сердце колотиться в груди, просясь вон — наружу. К ней. К

его белокурой девочке. Она же всегда была рядом с Зарой. Огонь и лёд, навечно вместе...

Как она жила сейчас, его маленькая фея, которая когда-то вздохнула в него жизнь? И затем

вырвала её с корнем из самого сердца... Взгляд Стефана расфокусировался, перенося его в

мир чудесных воспоминаний. Так давно это было... Её любовь, её смех, смущение... Как невинно она хлопала глазками, постоянно смущалась и боялась обидеть его своими словами или действиями. Марина заботилась о нём, как никто и никогда прежде.

Ставила

его чувства выше своих. Больно уже не было, нет. Боль притупилась, так же, как и злость

на брата, за свою разрушенную жизнь. Выбор Марины был ему ясен и понятен, ведь он тоже всегда выбирал Макса. Жалкая искорка надежды, так давно еле тлеющая в сердце, пыталась разгореться слабым светом во тьме его души. Всё изменилось, его девочка, должно быть, тоже. Но вдруг у него всё ещё был шанс?..

Дверь ванной комнаты распахнулась, и из неё появился Макс.

— Доброе утро, братишка, — поздоровался он, вытирая голову полотенцем. — Почему ты

не спишь? Нет, не так. Когда ты вообще спишь?

— Мне некогда спать. Нужно вечно следить за твоей задницей, которая не может не находить приключений.

— С моей задницей всё отлично. Могу показать, чтобы ты убедился. — Руки легли на полотенце, обмотанное вокруг бедёр.

— Я верю! — Поспешно отказался Стефан, и в этот момент в дверь постучали. — Еда. Завтрак внесли внутрь и поставили на стол. Стефан вручил работнику отеля чаевые и принялся рассматривать принесенные блюда. Макс ушёл в ванную, чтобы переодеться,

и прежде, чем закрыть дверь, снял полотенце, показывая Стефану, что с ним всё было в порядке.

— Твоей заднице не хватает хорошего пинка! Скройся вместе с ней, — засмеялся брат

и кинул в него подушку, но она попала в закрытую вовремя дверь.

Пока Макс переодевался, голову Стефана занимали совсем не весёлые мысли. Ему упорно

казалось, что задница Макса уже очень скоро получит эти самые пинки. Минут через двадцать вернулся Макс. Сел напротив Стефана и замер.

— Что? — спросил, не понимая пристального взгляда брата с пляшущими смешинками.

— Ничего, — хитро улыбнулся он и попытался спрятать улыбку за чашкой с кофе.

— Говори, мать твою!

— Да ты просто побитый лев, черт возьми! — Стефан отставил кружку, чтобы не

пролить

кофе, и рассмеялся в голос.

Макс насупился и помрачнел. Он понял, о чём говорил брат. И его это жутко бесило.

— Ладно, ладно, не дуйся. Шрамы украшают мужчин. — Он честно пытался не улыбаться, но это было сильнее его.

Взрослый, накачанный, суровый мужик с... тонким порезом на щеке. Сразу видно — женских рук дело.

— А с другой стороны, пусть люди думают, что это тебя какая-нибудь красотка в

порыве

страсти поцарапала.

— Заткнись! — В Стефана полетела стойка с салфетками, но он увернулся. — Что я должен сделать с этой хренью на лице?

— Заклей пластырем, — продолжал веселиться брат.

— Зализывать раны будет эта сука, когда я доберусь до неё. Когда буду трахать её

сутки

напролёт. Тогда она вспомнит, кем является, и ответит за этот порез. — Глаза Макса помутнели, зрачки заволкло туманом ярости. Все эти дни его спутниками были таблетки, Стефан и... мысли об укрощении строптивой суки.

— Что ты собрался делать? Ты не можешь ничего. Она жена Нарватова, а он большой человек в России. К тому же, тендер, видимо, достанется ему.

— Какого хрена он достанется ему?! Тендер получит наша фирма, и точка.

— А как же компромат...

— А никак. Мы с ней всё решим, думаю, её попка не забыла впечатлений от вторжения моего члена...

Рука Стефана легла на руку Макса, словно передавая ему свое спокойствие.

— Пожалуйста, Макс, не надо. Я тебя прошу. Не трогай её. Давай просто уступим.

Просто

сделай шаг назад, всего один раз.

— Ни за что! — Вырвал руку. — Я не прощу ей не только этой царапины, но и унижительного тона её старого хера с яйцами. Она слишком много о себе думает, я

помогу

ей вернуться к прежней самооценке.

— Она права.

— Что?!

— Она права. Ты заслужил и эту царапину, и унижительный тон её мужа.

— Ты не забыл, случаем, чей ты брат? — Макс разозлился еще больше. Грёбаная правильность Стефана всегда его раздражала. Пай-мальчик, чёрт бы его побрал.

— Это ничего не меняет. То, что ты с ней сделал — непростительно. Она имеет право

на

такое поведение.

— Что я с ней сделал? Всего лишь избавил мир от отродья шлюхи и Дастана.

Рука Стефана с силой сжала его запястье, почти до хруста. Макс почувствовал легкую боль.

— Отпусти.

— Перефразируй предыдущее предложение.

— Иди на хрен! Не устал от этой фразы? — Макс встал и отошел к окну. Посмотрел на запястье — красное.

— Я устал от тебя! И твоих грёбанных проблем. Ты никогда не задумывался, что ребенок был твоим...

— Нет, — отрезал Макс, а сам закрыл глаза, вдыхая глубже. Периодически такие

мысли

посещали его голову, но он их упорно отгонял. Это отродье не могло быть его ребенком.

Откуда же тогда появлялись болезненные ощущения от мыслей, что ребёнок был его?

Хотел ли он этого ребёнка? Хотел ли он вернуть всё назад? Вернуть её... Нет! Он

просто

сходил с ума целыми сутками, выслушивал наставления докторов и глотал таблетки. А перед глазами стояла она, её прикосновения, её улыбка, её руки, ласково гладившие живот.

Он до сих пор помнил, как прикасался к животу... Все эти три года он упорно стирал из

памяти всё, связанное с ней. Пусть катится к чертям. Не было её никогда в его жизни.

— Ладно. Как думаешь, что с ней произошло? — Стефан пошел на попятную.

— Не знаю. Но то, что она сделала пластику, не вызывает сомнений. А как спелась с идиотом Нарватовым — не имею ни малейшего представления.

— Насчет пластики — согласен. Меня словно током ударило, когда её увидел. Вроде знакомый человек, но, в то же время — абсолютно чужой. У меня случился мозговой коллапс. Но она смогла нас всех поразить.

— Почему ты говоришь так, словно гордишься ею?

— Потому что горжусь. Она не опустилась на дно, не скатилась до ещё худшей жизни. Она выжила и, скажу тебе, неплохо устроилась. Мало того, что неплохо устроилась, так она ещё находит силы мстить тебе! Один вопрос — откуда у неё фотографии? По

каким

шарашкам ты таскал эту флешку?

— Ни по каким. Я вообще по шарашкам не таскаюсь, — огрызнулся Макс. Было неприятно слышать эти слова от Стефана, но он всё понимал. Брат не смог простить

ему

уход Марины. — Фотографии хранились на флешке, а флешка — в сейфе, дома. Я не знаю, как она добралась до неё...

— Ты, конечно, мой брат, и всё такое, но я скажу это. Ты — придурок. Причем, полный.

— Твою мать, может, хватит уже меня оскорблять?!

— Как можно было хранить дома в сейфе флешку с ТАКИМИ фотографиями и даже не проверять её сохранность? Как можно было додуматься до хранения этих фотографий?

Даже я о них не знал...

— Забей, этих фото больше нет. Они у суки Ирины Валерьевны Нарватой, — брезгливо сказал Макс. От одной этой фамилии его передергивало. — Бл*ть, одни вопросы. —

Обхватил голову руками. — Приехали на переговоры, чёртова страна, одни неприятности с ней.

— Проблемы не со страной, Макс. С тобой.

— Слушай, Стефан, прекращай этот никому не нужный сеанс заеб*вания мозгов или, культурно выражаясь, психотерапии. Реально достал. Во всём я виноват, я причина глобального потепления, всё я!

— Успокойся, пациент. Мне твои мозги не сдались, еб*ть их. Это по твоей части. Что еще

тебя волнует? О Заре мы ничего не узнаем, если только от неё.

— Михаил. Он умер. «Шкатулка» сгорела.

— Я помню. И что?

— Не знаю... Вроде, ничего такого, обычный пожар, нарушение правил безопасности, но...

Что-то мне не нравится в этом всём.

— Теперь ты забей. Сутенёр сдох, все счастливы. Зачем искать подвох? Тебе не всё равно?

— Мне плевать. Поднимай задницу, мы едем на переговоры с сучкой.

— Куда?

— В офис Нарватова. Мне нужно с ней встретиться.

— Чего ты хочешь этим добиться? Отобрать у неё флешку? — иронизировал Стефан.

— Для начала — просто поговорить, а там — посмотрим. Я отберу у неё флешку вместе

с

её высокомерием. — Темный огонь в глазах Макса полыхнул и погас. Он был настроен решительно.

Автомобиль остановился на стоянке бизнес-центра. За время поездки Макс много

думал о

ней, о Заре, о девушке, которая, когда-то, была его. Теперь она была чужой, но в ней горел

дикий огонь, и его тянуло к ней магнитом. Сейчас он был мотыльком, а она — пламенем. Они поменялись ролями, но он, всё равно, сможет подчинить этот огонь себе, пусть и сгорит в пламени вместе с ней.

— О чём задумался? — Стефан толкнул его в бок. — Пошли.

— Мне кажется, что я не готов.

— Что?! Повтори. Хотя, нет, сначала я включу диктофон, а то сам себе потом верить не буду, что слышал такое от тебя.

— Я серьёзно. Она... Я не ожидал её увидеть, никогда впредь. Но она здесь, и, вроде как, счастлива.

— Тебя гложет тот факт, что сделал её счастливой не ты?

— Меня гложет тот факт, что... я не смогу больше причинить ей боль, даже учитывая, какой сукой она стала. Три гребаных года выматывающих душу снов и образов в голове, три года полного безумия. Я боюсь вернуться к тому состоянию, когда контроль превращается лишь в пустое слово. Я не хочу с ней войны, но она бросила мне вызов, и я

вынужден его принять.

Стефан был поражен.

— А как же твои утренние угрозы?

— Они в силе. Если она заставит меня применить силу — я применю. Это игра на выживание, и выживает сильнейший.

— По-моему, ты окончательно запутался, брат. Зачем применять силу, если ты не хочешь?

Почему кулаки всегда идут впереди тебя?

— А как ещё выживать? Нападение — лучшая тактика. Я дам ей шанс избежать войны, но

она им не воспользуется, я уверен.

Его Стефан пытался собрать пазл в голове. Брат его удивлял с каждым словом всё больше.

Его откровения выбивали почву из-под ног. Лечение не прошло даром. Память на уровне генов

запомнила выжигающую боль, которая осталась после трагедии с Зарой, и теперь он боялся сорваться вновь. Ведь, если он причинит ей боль один раз — дальше остановиться

будет крайне сложно. И он опять начнет движение назад.

— Херова ситуация, брат...

Он не успел договорить, как на стоянку въехала дорогая машина представительского класса. Шикарный черный Mercedes-Benz S-Class. Из него вышла не менее шикарная блондинка. Макс окинул её быстрым, равнодушным взглядом. Фигура ничего, волосы длинные и блестящие, но голову сверлила мысль о стервозной брюнетке с ярко-алыми губами, которые, несомненно, стали более пухлыми. И глаза изменили свою форму, скулы

стали выше, нос — уже... Зара стала Ириной Валерьевной Нарватовой.

— Не может быть, — прошептал Стефан, подаваясь вперёд. Его глаза впились в блондинку острыми иглами.

— Что там... — Макс присвистнул. — Марина? И она тут?

Мужчины проводили девушку взглядом. Строгое платье-футляр до колен, строгое пальто, туфли на высоком каблуке, ухоженные волосы. Стефан так и чувствовал их мягкость, по

ладоням пошел ток. Он помнил их аромат и пшеничный цвет до последнего пикселя в широком расширении. Никакого яркого макияжа, как всегда. Бледно-розовые губы, легкая

дымка на глазах. Тряхнув головой, Стефан повернул голову к Максиму.

— Это она... Ты видел? Всё такая же красивая и нежная, — восхищенно сказал он, выглядя

влюбленным мальчиком.

— Да уж. Этот бизнес-центр из каждой шлюхи, что ли, делает бизнес-вумен?

Стефан без всяких предупреждений заехал Максиму по лицу кулаком.

— Ты вконец охренел, братишка! — Макс ударил его в ответ, и между ними завязалась шуточная драка.

— Не смей вообще ничего говорить про Марину, хорошего ты сказать всё равно не можешь.

— Ладно, ладно, беру свои слова обратно. Мы, как два придурка, дерёмся на стоянке бизнес-центра! — рассмеялся Макс, направляясь к заданию.

— Если бы один из нас не был реальным придурком, никто бы не дрался.

Стефан мыслями был со своей белокурой девочкой. Душа покинула его тело и побежала за

Мариной. Пустота стала ощутимей.

На ресепшене им сказали, что ни Алексея Викторовича, ни Ирины Валерьевны нет на месте.

— Чёрт. И где её искать? Адрес здесь не дадут. — Макс не хотел ждать, он хотел видеть её

прямо сейчас.

— Девушка, а вы не подскажете, где можно найти их? — Стефан обратился к девушке за

стойкой.

— У них сегодня открытие храма. Больше ничего не знаю, — пожала она плечами.

— Какого храма? Нам, что, все храмы объезжать?

— Хватит ворчать. Пообщайся пока с Гуглом, мне надо ещё кое-что узнать. — Стефан снова повернулся к девушке. — Вы не видели девушку в чёрном, с длинными светлыми волосами? Она не заходила сюда?

— Вы о Марине Олеговне Немировской? Она поднялась наверх, к Вадиму Александровичу, скорее всего.

— Спасибо.

Кто этот Вадим Александрович? Зачем она к нему поднялась? Что вообще привело её в бизнес-центр?

— Я нашел храм, где она сейчас находится. Нарватов руководил отстройкой храма Преображенского благочиния. Сегодня торжественное открытие. Ты слышишь меня?

—Макс проследил за взглядом брата.

Из лифта вышла Марина в обнимку с каким-то мужиком. В деловом костюме, с дорогими часами на руке... Бизнесмен. Стефан прирос к месту, на котором стоял. Окружающий мир

поблек разом, четкие границы имели лишь два человека. Мужчина остановился и подарил

девушке легкий поцелуй в губы, затем удалился по коридору направо. Марина что-то достала из сумки и окинула взглядом холл здания. Встретилась взглядом со Стефаном. Вещь из руки выпала. Телефон. Охранник помог поднять его, а её ошарашенный взгляд не

отрывался от него. Она качнула головой и быстро вышла из здания.

Он хотел крикнуть ей вслед, позвать её, но потерял дар речи. Слова отдельными, невнятными звуками проносились в голове. Сердце сдавило жгутом, кровь не знала, куда бежать. В чувство его привел Макс.

— Поднимай челюсть с пола, надо идти.

По пути к храму каждый думал о своём. Макс готовился ко встрече с Зарой, медитировал

про себя. Стефан всё так же пытался заставить кровь бежать по венам, но она испарялась, молекула за молекулой. Его девочка давно перестала быть его. А как быть ему? Один

выход — умирать в сером одиночестве, иногда прорезаемом вспышками боли.

Глава 4.

Ирина вздохнула. Она устала. Открытие храма вымотало её. Лёша обсуждал деловые моменты с настоятелем, а она в это время обходила здание вокруг. Пошевелила носком туфли наполовину жёлтые листья. Было сыро и промозгло, с утра прошел дождь, погода

дышала осенью. Девушка поправила черный шарф на шее, холод забирался под одежду.

Взгляд поднялся на стену храма. Лёша очень любил восстанавливать храмы и церкви, и она была дико благодарна его матери за это. За то, что она воспитала его в религиозной

среде. Если бы не эта цепочка неслучайных событий, что бы было с ней? И была бы она

вообще?

Ирина слегка качнула головой. Не было бы её. Она бы просто сошла с ума. Умерла у Маринки на руках. Может, так было бы лучше? Бы, бы, бы... Слишком много «бы». Не родиться бы, никогда не бывать в детдоме, не ходить в тот парк, не... Что есть, то есть.

И

вроде было всё, о чём можно только мечтать. Лёша дал ей все. Чего ей, чёрт возьми, не хватает? Побоев и унижений? Оскорблений и рукоприкладства? Грубой силы? В кого

ОН

её превратил? И почему мысли кружили вокруг мужчины, о котором она должна была забыть, как о страшном сне? Но нет, этот кошмар изо дня в день врывается в её жизнь, разрывая самообладание, словно сухой картон. Держать маску на людях было легко.

Улыбайся, будто всё хорошо. А внутри чёрные кошки скребут по усталой душе, прося остановиться, перестать, начать всё заново. Отпустить. Однако она продолжала идти вперед, истекая кровью, когда никто не видит, никто не знает. Пусть люди считают стервой, плевать на их мнение. Удавка душила всё сильнее, и нет сил сопротивляться. ОН всё прекрасно понял. Он видел её насквозь. Хладнокровность покинула вены, кровь

снова забурлила. Так похоже на то, что он делал раньше. Ирина обхватила плечи руками, пытаюсь согреться. Но холод шёл изнутри. Пальцы в чёрных кожаных перчатках задержались на плече. Порезы... Их давно не было, но она о них помнила. Пересекающиеся линии, клеймо. Теперь она поставила на нем своё.

«Я знал, что ты ненавидишь меня настолько, что течёшь при одной мысли о ненависти. Да

мы с тобой вместе ненормальные, не находишь?»

Да, чёрт возьми, да! Девушка устало вздохнула и, остановившись, прислонилась к стене

здания. Боже, она помнила речи этого садиста дословно. И что самое страшное — понимала, насколько он был прав. Его слова до сих пор оставались актуальными. Как давно он произносил их, кажется, что в прошлой жизни. Жизни, которая была растоптана

и варварски у неё отобрана.

— Мы зря в него верили, зря... — прошептала она, точнее, еле заметно пошевелила губами, слегка касаясь живота и отдергивая руку.

Душа сжалась в комок, а глаза увлажнились. Она не имела больше права плакать.

Только

не при Леше, не на торжественном открытии храма. Только не из-за НЕГО. Задав в себе

все лишние чувства и эмоции, Ирина вернулась в храм. Люди начали подтягиваться и занимать свои места. Она приготовилась к трехчасовой нудятине, официальным и благодарственным речам. А чуть позже её вызвали на сцену, и она без запинки выдала заранее отрепетированный текст.

Каждый раз, находясь в храме, она переживала ад сначала. С первого круга до последнего, поднималась по всем огненным ступеням вновь. Если бы не Лёша, никакой Бог бы её не

спас. Может, Лёша и есть её Бог? Или Ангел? Тогда почему же тянет к Дьяволу?

— Всё хорошо? Устала, дорогая? — Лёша притянул её к себе, когда последний человек произносил речь.

— Есть немного. — Прижалась к нему тесней.

— Скоро всё закончится. — Подарил поцелуй в висок.

Закончится... Она очень на это надеялась. Быстрее бы всё закончилось, и ОН уехал.

Ирина

закрывает глаза, запрещая себе везде видеть ЕГО и думать о НЁМ. Как можно было вообще

думать о Максе, когда он причинил ей столько боли? Какого черта эта надежда не хотела

умирать? И на что она надеялась? Совсем запуталась.

Мероприятие закончилось, Лёша сказал последние слова, и они вышли. Оказаться бы поскорей дома.

— Я хочу горячий шоколад, плед и почитать перед камином, — сказала Ирина, выходя из храма под руку с мужем.

— Всё, что захочет моя королева. Не забудь, на этой неделе у нас еще воскресная служба.

Я пообещал батюшке прийти.

— Конечно, придём.

Взгляд девушки резко переместился с мужа в сторону дороги. Оттуда на неё смотрели до боли знакомые тёмные глаза. Не хватало лишь высокомерной ухмылочки.

— Что он здесь делает? — спросил Алексей Викторович.

— Не знаю. Я его точно не звала.

Макс подошел к ним. Каждый шаг — поступь зверя. Хищник в нём оскалился. И не на Зару, а на... её мужа. Самочка была его, она просто сбилась с пути. В последние дни инстинкты собственника стали брать в нём верх. Было глубоко всё равно на грязные методы, которыми она пользовалась, на всё. Такой она нравилась ему ещё больше. Он хотел видеть её в своей жизни снова.

— Добрый день, Алексей, Ирина. — Сдержанно кивнул ей головой, но взгляд прожигал пятьюстами градусами по Фаренгейту.

— Добрый день, Макс. Что вас привело сюда? Стало что-то известно с тендером? — Алексей закрыл жену своим телом, та почти спряталась за ним.

— Нет. Хотел обсудить некоторые детали с вашей женой. Если, конечно, вы не против.

— Она не моя вещь, чтобы я был «против». Выбор за ней.

Лёд голубых глаз Алексея Викторовича схлестнулся с тёмным светом глаз Макса. Ему всё стало ясно. Не вещь. Получается, этот хмырь знал об их отношениях. Мужчина про себя усмехнулся. Плевать.

— Ирина Валерьевна? — Макс обратился к ней.

Ирина замерла. Черта с два! Что же ей делать? Она должна отказаться и уйти с мужем. Но

что хотел Макс? Узнать о его намерениях она хотела гораздо больше, чем уйти с мужем.

Очередная дилемма.

— Хорошо. Я выслушаю вас.

Плечи Алексея слегка напряглись, взгляд выражал полнейшее неодобрение. Он еле заметно качнул головой и, ничего не говоря, сел в машину.

— Что ты хотел? — небрежно спросила Макса Ирина.

— Не здесь. Пройдём в машину.

— Нет, здесь. Говори, или я пойду.

— Как хочешь. Только, боюсь, ты не сможешь сдержать эмоций и поставишь Алексея Викторовича в известность о своих грязных планах. Ты всегда была горячей киской, щедрой на эмоции, — хриплый, низкий голос безапелляционно вторгся в её внутренний

мир, напоминая о низменных инстинктах, присущих животным. Внутренности, ещё недавно скованные холодом, горели огнем.

— Хорошо, — как можно спокойней, сказала она, сжимая пальцы в перчатках. Стало так жарко...

С водительского сиденья поднялся Стефан, коротко с ней поздоровался и отошёл к близстоящей скамейке. Ирина заметила его грустные глаза. Стефан всё также вызывал у

неё смешанные чувства. С одной стороны, нравился. С другой, абсолютно нет.

— Прекрасно выглядишь, — произнес Макс, захлопывая пассажирскую дверь и поворачиваясь к ней.

— Не звучит, как комплимент. — Она не смотрела на него, уставившись вперед. Руки мелко дрожали, лежа на коленях.

— Не звучит. Потому что не комплимент. Под красивой оболочкой живет змея.

— Ты для этого пришёл? Оскорблять меня? Хочешь, чтобы я тебя укусила? Дважды просить не нужно, — высота голоса возросла на одну четверть мел, и он услышал угрозу.

— Успокойся, девочка моя. Не надо никого кусать. Ну только, если в постели... И с твоего согласия...

— Со своего согласия я кусаю в постели другого мужчину. Тебя пусть кусают такие, как

Алисия. Ровными, белоснежными зубами.

— Ревнуешь, крошка? До сих пор? — Он рассматривал её профиль и любовался. Точёные, красивые линии. Мягкие изгибы носа и губ, идеальная кожа. Дотронуться бы до неё...

— Ревновать тебя? Ха-ха. Наркомана-садиста? Ещё раз — ха-ха. — Ирина говорила, словно робот, не смотря на него, показывая полное пренебрежение.

Лицо Макса замкнулось, образы нежных касаний сменились картинками жестоких захватов и болезненных прикосновений. Нельзя забывать, что за этой персиковой кожей и

пухлыми губами скрывалась самая настоящая сука.

— Скажи мне это в лицо, а не отворачивайся, как трусливая дрянь. Или не хватает смелости? — Смотрел на неё с ожиданием.

Девушка сглотнула, продолжая сверлить взглядом подголовник сидения перед собой.

Обойдётся, ещё она будет удостаивать его своим вниманием. Макс рассердился и, схватив

её за локоть, развернул к себе. Они впились друг в друга жалящими взглядами. Чьё жало

войдет глубже, в сердце?

— Как ты мне нравишься такой... — Провел пальцем по щеке, очень осторожно, касаясь

кожи с легкостью пера. — Что с тобой произошло? Что сделало тебя такой сексуальной стервой? — Шершавый указательный палец дотронулся до губ.

Ирина закрыла глаза, часто дыша. Господи, что происходит? Дай ей сил

сопротивляться

этому дьяволу. Хотелось плакать. Его нежность до сих пор срывала покровы злости, обнажая ранимую душу, скорбящую каждый день по тому, что было, но никогда не вернется.

— Открой ротик, маленькая. Твои губки до того нежные и мягкие, что хочется наброситься на них, смять в диком поцелуе, окрасить в цвет крови, — шептал он, пронзая

её похотливым взглядом. Нервные окончания превратились в электроды и искрились бенгальскими огнями. Её Тело всё помнило, душа — тоже. Сердце забилося, вспоминая время, когда они были вместе.

— Ненавижу тебя, — прошипела она и со всей силы сомкнула зубы на его пальце. Мужчина отдернул руку, поражаясь ей.

— Ненавижу тебя! И могу сказать прямо в лицо. Ты грёбаный садист, который никогда даже не задумывался о том, что люди могут испытывать боль. Ты всегда шёл на поводу

у

своих демонов. Тебе было больно, и ты причинял боль мне. Но я тоже человек, и я испытывала не меньшую боль, чем ты. Меня не было жаль, да? Хоть кого-нибудь ты в своей жизни жалел?

Он молчал.

— Кроме себя и своих прихотей?..

— За что я должен был тебя жалеть? За то, что ты шлюха? За это?! — Опомнился он, не

позволяя ей рушить его защиту.

Ирина горько усмехнулась. Она не будет с ним воевать, не на словах. Все его слова были

ей хорошо известны. И она никогда не могла ответить на них ничем достойным.

— Я не буду с тобой ругаться. Я не хочу... Да, я шлюха. Упивайся этим фактом. Смакуй это

слово, презирай меня, ненавидь. Никогда не жалел, и сейчас не надо. Только никогда не

забывай, что и ты сам не лучше меня. У тебя проблемы с головой, ты лечился от наркотической зависимости. Ты убил моего ребенка! Ты, всё ты!

Макс поджал губы. Про чертовы наркотики узнал весь мир, благодаря болтливости людей.

И сука тоже об этом знала. Ладно, один — один.

— Плевать мне на всё. И в первую очередь — на твое отродье. Шлюхам нельзя позволять

иметь детей!

Пощечина откинула его голову в сторону. Боль скрутила Ирине низ живота. Она не позволит этому исчадию ада оскорблять её малышку, которая никогда не родится. Не успел

Макс опомниться, как она положила руку ему на щеку, где красовался порез, и сказала: — Ты точно такое же отродье! Не удивлюсь, если твоя мать была шлюхой. Такого, как ты, могла родить только истинная шлюха. — Провела ногтем по порезу. — Я вспорю каждый

миллиметр твоей кожи, оставлю глубокие кровавые раны по всему твоему телу, если ты ещё, хоть раз, позволишь себе сказать что-то плохое о моём ребёнке. — Ногти коснулись

щеки, её глаза взрывались миллионами сумасшедших огней. — Неужели ты настолько чёрств внутри? И тебе не было жаль этого ребенка?

— Не в моих правилах жалеть шлюх, залетевших от уродов, подобных Дастану. —

Скинул

её руку с себя и потрогал щеку. — Ты ответишь за каждую свою дерзость, за каждое слово. Будешь вымаливать прощение на коленях, тварь. А я буду долго думать, простить

тебя или нет.

— Мечтай, подонок! Тендер достанется Лёше, и твоя фирма скатится в бездну. Потому что

кто-то слишком долго пускал слюни в больничной палате!

Макс схватил её за шею, внутри клокотала фейерверками страшная ярость. Он бы убил её

сейчас, но руки сами разжались. Он не мог. Сука больно била правдой. Ирина громко и натянуто рассмеялась.

— Слабак! Где же тот Макс Бекер, который не церемонился ни с кем? Чьи руки ломали кости без тени сожаления? Где он? Сдох в дорожной клинике?

— Заткнись, — процедил он, не в силах слушать её. Что она делает? Он же сорвется и придушит её, а потом всю жизнь будет страдать. — Прошу тебя. ПРЕКРАТИ!

Смех резко оборвался.

— Зачем ты приехал? Что хотел?

— Флешка. Верни её мне.

— Нет. Ещё что-то?

— Как ты её достала?

— Не твоего ума дела. Я могу идти?

— Приглашение мне прислала ты?

— Да.

— Сука.

— Знаю. — Рука потянулась к дверце, но его следующие слова её остановили.

— Я не один запятнан грязью прошлого. Ты тоже по уши в дерьме. Если ты используешь

компромат против меня — я сделаю то же самое.

— О боже, как страшно. Где ты его возьмешь? «Шкатулка» сгорела, Михаил тоже. А больше нигде.

— Ты это подстроила?

— Нет. А теперь иди к чёрту. Меня ждёт муж.

— Я тебя предупредил. И слов на ветер не бросаю. Твой высокомерный дедушка увидит

тебя с другой стороны, если ты не остановишься. А теперь иди, пососи старый х*й и скажи себе, что ты не шлюха.

Еще одна пощечина обожгла щеку. Ирина открыла дверцу и поставила ногу на землю.

Она

вся дрожала.

— И напоследок, красавица. Если бы у меня был шанс вернуть всё назад... — Она затаила

дыхание. — Я бы избавил мир от твоего выродка снова!

Дрожь усилилась, но она гордо вышла из машины. Его жестокие слова резали ножом, выворачивая ошметки органов на мокрый асфальт. Пошёл дождь. Спрятать слёзы в дожде не получится, Лёша ждал её в машине. Она вернулась на слабых ногах к мужу. Он даже

не посмотрел на неё.

— Лёш...

— Ни слова больше. — Отвернулся к окну.

Водитель тронулся с места, а они развернулись, каждый к своему окну, и погрузились в размышления. Ирина не находила себе места. Было больно, очень. Он достал её даже здесь, в её новой жизни. Превратил из хищника в жертву. А ведь это была изначально

ее игра! Дождь хлестал по окну, словно давал ей пощёчины. Умереть бы на чьих-нибудь сильных руках. Хочется жить, но не получается. Сильные руки мужа не имели больше

над ней власти. Она передала эту власть ЕМУ. И умирала снова. От его слов, его поступков, его жестокости.

Алексей Викторович молча вышел из машины и прошёл в дом. Дождь его мало заботил и

просьбы жены остановиться — тоже. Она начала переступать границы, и он не потерпит

этого впредь.

— Сядь, — приказал ей, когда она начала подниматься наверх.

Ирина села на диван в гостиной и приготовилась к нотациям.

— Я не буду тебя отчитывать. Не буду тебе указывать. Не буду ругаться. Я просто скажу, что мне больно от того, что ты делаешь. А как поступать дальше — решай сама.

— Да что я такого сделала?

— Ты позоришь меня уже во второй раз на глазах посторонних людей. Какой выбор ты мне оставила сегодня? Либо запретить тебе идти с ним, тем самым показав себя деспотом, либо отпустить, тем самым показав себя тряпкой. Я, как видишь, выбрал второе. Знаешь, почему?

— Потому что любишь меня...

— Да. Однако твоей любви я не вижу. И не надо, Ира. Можешь не любить меня, люби

хотя бы себя. А ты снова возвращаешься в прошлое.

— Я не...

— Я не хочу ничего слушать. Устал говорить с пустотой. Ты заткнула уши и не хочешь меня слышать. Значит, так тому и быть. Еще одна подобная выходка, и я отстраню тебя

от

дел компании.

— Да, пожалуйста.

— Ты ведёшь себя, как ребёнок, Ира. Я не нанимался быть тебе отцом! Что ты делаешь

за

моей спиной? Что ты с ним обсуждаешь? Может, спишь? Я теперь ничему не удивлюсь. — Что?! — Она задохнулась от подобной наглости. — Как ты смеешь такое говорить? — Смею. Делай выбор сама. Я могу выйти из тендерной гонки, могу поставить точку в этой истории. Я устал от тебя, Ира. Но мне интересно, как долго ты будешь мучить сама себя?

— Сколько захочу, столько и буду! Не твоё собачье дело! — Крикнула она и выбежала

из

комнаты. Закрылась в гостевой спальне и вышла на балкон.

Только теперь позволила себе слёзы.

— Что ты сделал со мной? — шептала дождю, всё так же бившему по стеклу. — За что?

За

что ты ненавидишь меня? И моего малыша? — Вытерла слёзы рукавом и обхватила

колени

руками.

Он бы убил её дочку снова. Снова! Подонок. Мразь. Урод. И Лёша... Ему она тоже причиняла боль. Всем вокруг. Просто потому, что было больно самой.

«Я бы избавил мир от твоего выродка снова!»

Нет, нет, нет! Слёзы затопили её рекой. Она отомстит ему. Отнимет у него всё. А если представится возможность — и жизнь тоже.

Макс влетел в номер, точно дикий зверь. Было лишь одно желание — разнести всё к чёртовой матери.

— Макс, стой. Что она тебе сказала? — Стефан пытался сдержать его. В машине

брат

молчал, только иногда выплевывая оскорбления в адрес Зары.

— Ничего! Ничего, твою мать, хорошего не сказала! — проорал тот, доставая из

кармана

пиджака телефон, ключи и портмоне. Всё полетело в стену.

— Успокойся!

— Отвали! — Толкнул Стефана, проходя в ванную. Холодная вода не помогла потушить пожар злости. — Пожалуйста, оставь меня одного, — уже спокойней добавил он. —

Всё

хорошо. Мне нужно побыть одному.

— Но...

— Не «но»! Выйди! Я сам потрахую себе мозги, сделаю работу за тебя. Оставь меня одного.

Стефан вышел, ничего не понимая. Что она могла ему такого сказать? Когда эти двое научатся сосуществовать в одной реальности?

Макса поглотила до боли знакомая трясина воспоминаний, стала засасывать его в себя

всё

глубже. Вот они вместе в Голливуде, снова ссорятся, а потом жарко мирятся. Она

готовит

ему завтрак, секс, её крики и его рычание. Опять ссорятся, она целуется с Эндрю, а он изменяет с Алисией. Боль. Измены. Унижения. Опять боль. Сливки на её теле и нежные

слова, смех и обещания измениться, её слёзы... Комната. Игра на людях. Боль. Измена

с Дастоном. Ребёнок. Аборт. Конец. Не конец... С ним всегда была БОЛЬ.

Открыл мини-бар и с сожалением подумал о том, что это именно МИНИ-бар. Но ему должно хватить. Бутылка коньяка с трудом открылась, не желая поддаваться его дрожащим

пальцам. Нервное возбуждение застало врасплох. Дастон и аборт. Думал ли он когданибудь, что ребёнок был его? Думал, сука, думал! И почему же тогда не спросил её, слепо

доверяя своей злости? Он, словно слепой котёнок, идёт по жизни. А когда наступает прозрение — изменить ничего нельзя.

— Это был мой ребёнок, да? — спросил бутылку севшим голосом и отпил ещё. — Я убил своего сына? Или свою дочь? — Ещё глоток, и память срывается в агонию.

Ей было больно от его слов, он видел. И он не хотел делать ей больно. Твою мать, пусть она причиняет ему боль! Пусть танцует на его костях, имеет право. Пусть заберёт всё, даже душу, хотя этого у него, точно, никогда не было. Просто монстр в человеческом обликии.

— Мой ребёнок... Что, если это был мой ребёнок? — Шептал, находясь в дурмане.

Открыл

вторую бутылку, но вкус уже не чувствовал. Лишь горечь воспоминаний во рту. — Мой...

Он бы заплакал, если бы умел. Каждый день изнуряющих тренировок в спортзале, работа

допоздна, сон в свободное время — и он не помнил о ней. Стоило один раз столкнуться

с

Зарой... нет, Ириной, и он пропал. То, что он убивал в себе три года подряд, воскресло вмиг и теперь убивало его самого. Десятки женщин прошли через его жизнь после неё,

но

он не помнил их. Модели, актрисы, телеведущие, даже спортсменки. Тела, стоны, банальные фразы на утро... Но лица?... Кем они были? Её лицо было высечено в граните на постаменте его жизни.

Шлюха... Журнальный столик в центре комнаты врезался в стену. Это слово заклеямило...

его душу. Совсем не её, а его. Мамаша управляла его жизнью все грёбаные сорок лет.

Она

насмехалась над ним даже после смерти, ведь он остался таким же несчастным, каким

был

и при её жизни. Она ушла, а он остался гнить дальше. Сын шлюхи. Зара была права.

Его

Зара. Не Ира, не Ирина Валерьевна Нарватова! Старый урод не сделает её своей.

Никогда

этому не бывать.

Гостиничный номер расплывался перед глазами, руки уже не удерживали бутылку.

Макс

понял, что зашёл слишком далеко — он добрался до своей души, которая, все-таки, была

у него. Наполненная гноем, умирающая душа. И она скорбела по Заре и прошлой жизни.

Но злобная часть шипела, что она — шлюха, что все они — шлюхи, нельзя ей иметь детей, и он не должен убиваться из-за неё.

«Заткнись, заткнись!» — проорал он про себя, пытаясь усмирить подонка, живущего внутри.

Слабые пальцы достали блистер с таблетками. Было так плохо. Он запутался в паутине, тело было скованно, конечности оплетены металлической паутиной. По рукам шла кровь, паутина эта колючей проволокой врезалась в них. Это кровь его ребёнка... Он узнает, чей это был ребенок. А сейчас нужно принять меры, или он просто сдохнет. Выдавлив на ладонь две таблетки, Макс уже поднес их ко рту, но внезапно остановился. Нет... Нет... Никакого допинга, никакого усыпления нервной системы. Никакого отключения сознания.

Он хотел жить САМ. Мыслить самостоятельно и решать проблемы без стимулирования мозга. САМ! Таблетки отправились к остальным вещам, то есть — в стену. Впервые в жизни он самостоятельно примет удар, самостоятельно решит, что делать. Что делать с ней...

Разум окончательно покинул его больную голову. Допив коньяк, он отбросил бутылку в сторону. Телу нужна была разрядка. Этому он не мог сопротивляться. Откопав в хаосе вещей на полу телефон, мужчина набрал номер.

— Венди, зайди ко мне.

Глава 5.

Стефан с трудом дождался утра, не находя себе места в комнате. Что происходило с Максом? Лишь бы ничего плохого. Чёртов отель был настолько хорош, что из-за шумоизоляции не было слышно ни звука! Разнообразные мысли уже завернули его мозг

В

спираль. Марина, Макс, Зара... Всё те же люди, все та же боль. Мужчина бросил взгляд на

наручные часы. Пусть братишка ещё поспит перед тем, как он придёт к нему с нотациями

и поучительными пинками.

Больше всего его сейчас заботило другое, точнее, другая — Марина. Боже, он до сих пор

чувствовал лёгкий аромат шампуня на её волосах, руки покалывало от воспоминаний, как

он касался её. Закрывая глаза, он переставал жить здесь и сейчас. Он был где угодно, но

только не здесь. С ней. Сердце навсегда отдано ей. Какого черта она целовала этого Вадима?! Руки стало покалывать сильнее, но уже от жажды крови. Он начал походить на

Макса. Они не были родными, но безумие текло в их крови, родня их таким образом. Выходит, не было у него шанса... Ни на что... Никогда. Устало вздохнув, Стефан сел в кресло.

Почему же так много надо для счастья? И что конкретно надо? Какие константы этого мира должны сойтись, какие явления произойти, чтобы один человек на Земле стал

счастлив? Кажется, так это просто — стать счастливым. Возьми и стань. Скажи человеку, которого любишь, о своей любви. Удержи любовь, во что бы то ни стало. Сделай шаг

навстречу к своей мечте, беги туда, где хочешь быть. Почему же он вечно был не там, не в

том месте, не в то время, не с теми людьми?.. Почему эту нежную девочку целовали чужие

губы? Дарили тепло чужие руки? Ведь он тоже мог. Но его крестом стал Макс и его вечные проблемы. Черт! Как он устал. Бросить бы всё к чертям, и... делать что? Идти к своему счастью, чёрт возьми! Даже, если придётся впервые в жизни послать Макса к дьяволу.

Он поднялся и направился в номер брата. Дверь была не заперта. Странно... Стефан осторожно открыл её и вошёл. Твою мать... Номер был разгромлен до основания.

Многие вещи порваны или разбиты. А сам Макс валялся на кровати в виде трупа. По всему помещению распространялся запах алкоголя, забивавший нос. Ясно, всё было закономерно. Как ещё этот человек мог решать свои проблемы? Только так. Мужчина заметил в углу, среди хлама, знакомый ему блистер. Опять не выпил! Стефан подошел

к телу на кровати, едва узнавая в нем брата.

— Эй, тело, вставай! — Потряс его за плечо. На это он услышал лишь невнятное бормотание. Наверное, это было сонное «иди к черту».

Стефан сходил в ванную и набрал в чашку ледяной воды.

— Считаю до трех. Раз, два, три... Прости, — мило улыбнулся и вылил воду на Макса. Раздались еще более невнятные звуки и нечленораздельное мычание. Макс открыл глаза и

подорвался на постели.

— Что за на х*й?! — спросил с ошалелым видом, вытирая воду с лица. — И почему это я

не удивлен, что ты стоишь рядом и ржешь? — Недовольно посмотрел на брата. — А-а, ясно. — Заметил в его руках чашку.

— Посмотри вокруг. Что ЭТО за х*йня? Ты вчера сорвался?

— Так вышло...

— Ты слабак. — Ткнул в него пальцем. — Таблетки валяются на полу, а ты — в виде трупа

на кровати.

— Не надо этого. Голова и так кружится, не хватало мне еще твоего поучающего голоса. В

голове каша, отвали. Принеси лучше воды.

Стефан взглядом показал ему своё мнение обо всём происходящем и развернулся. Сделал

шаг и остановился, почувствовав под ногой что-то непонятное. Опустил взгляд, его глаза

округлились.

— Что, увидел смысл жизни в пятне на ковре? — пошутил Макс.

— Да, смысл твоей жизни. Твоей озабоченной жизни, целью которой является избавление

от семенной жидкости. Она у тебя везде, да? Даже вместо спинномозговой жидкости?

— Да что там? — Макс потянулся и нагнулся вниз. Презерватив. Чёрт. — Не видел кондомов? Могу научить пользоваться.

— Спасибо, не надо. Что-то маловато, всего один. Что, маленький, озабоченный Макс не смог больше?

— Во-первых, он не маленький! Повторяю в последний раз. И сам попробуй больше раза в

таком состоянии! — крикнул ему вслед Макс, но тот уже скрылся в другой комнате, строя

ему в ответ гримасы.

Успел кого-то трахнуть. Феноменально. Поразительно. Невозможно. Он валялся овощем

на кровати, полуживой, еле дышащий, но кого-то поймел. Кого? И когда успел? Стефан вздохнул, наполняя стакан водой. Секс-машина — это про Макса. Как можно было ему помочь, если он сам упорно отказывался себе помогать? Только если принести воды, чтобы избавить хотя бы от сушняка.

— Держи, алкаш. — Протянул ему стакан с водой. — Прости, рассола не было.

— Отвали, — сказал Макс и осушил стакан. — Ещё. — Отдал Стефану стакан.

Тот ушёл и вернулся с бутылкой воды.

— Делаем так. Я наполняю стакан водой только после того, как ты отвечаешь на мой вопрос. Конкретный вопрос — конкретный ответ. Идёт?

— Ты — охреневший мудака! Задавай свой чертов вопрос.

— С кем ты переспал? Доказательство желания к кому я вижу сейчас на полу?

— Догадайся, кого я трахал. Чью-то киску. И вообще, нефиг лезть в мою постель. Я оставлю право выбирать, в чьи трусики забираться, за собой. — Макс откинулся на подушку и насмешливо посмотрел на брата.

— Ладно, — произнес Стефан и отпил из бутылки. — Шикарная вода. Такая холодная, бодрящая... Следующий вопрос. Ты причинил ей боль?

— Да нет же, твою мать! Я просто её оттрахал. Почему ты ждешь, что я вернусь назад?

Я завязал с этим, — тише добавил он.

— Хорошо. Это правильный ответ, заслужил глоточек. — Налил в стакан немного воды и

подал его Макс.

— Иди на хер. Я тебе не заключенный, чтобы мне по глотку давать пить.

— Как хочешь. Что случилось вчера? Что она тебе сказала?

— Неважно. Эта сука не могла сказать ничего хорошего.

— Расскажи мне, почему ты напился вчера и не выпил таблетки.

— Захотелось. — Макс ушёл в отказ, не желая делиться своими проблемами с братом.

— Ревнуешь её?

— Нет! Отвали от меня со своими расспросами!

— Окей. Неси и дальше этот груз в одиночку. — Стефан сел на кресло рядом с

кроватью и

просто сидел. Он знал, что Макс расколется.

Макс закрыл лицо руками и вздохнул. Хотел сказать, но промолчал. Молчал долго, просто

было боязно произнести эти слова вслух. Если он это скажет, то признает свой проигрыш

окончательно. Но пора было учиться проигрывать.

— Я... боюсь, что ребёнок мог быть моим. — Отнял руки от лица и посмотрел на Стефана

взглядом, заключавшим в себе океаны боли.

— Конечно, твоим. А чьим ещё?

— Почему ты говоришь так, словно это кристально ясно всем, кроме меня?!

— Потому что я поражаюсь твоему кретинизму и нежеланию смотреть правде в глаза.

Твой это был ребёнок, и ничей больше. Ты даже не додумался спросить у неё, просто задать один вопрос. И зачем только тебе Бог мозг дал...

Макс опять замолчал. Он, действительно, не спросил её, не задал ни одного вопроса, не

сказал вообще ничего. Вынес приговор и осуществил казнь. Что, если своего сына?..

— Откуда такая уверенность? Она была тогда с Дастоном!

— Хватит уже нести ахиною, хватит! — Стефан встал с кресла, будучи взвинченным до предела. Стал расхаживать по комнате. — Ты же знаешь Дастана! Он хренов мудака, мать

родную продаст ради своей выгоды! Как ты мог поверить ему, а не ей, женщине, которая

вернула тебе человечность?! Он был пьян. Но Зара была трезвой. Она бы никогда не позволила ему этого сделать. Я, как попугай, повторяю тебе это третий год подряд. А ты, как свихнувшийся тигр, скалишься и не хочешь ничего слушать.

— Ее платье было порвано, а его...

— И дальше что? Какая логическая связь из этого вытекает? Он мог приставать к ней, а

она ударить его. Он просто разорвал платье, перед этим расстегнув свою ширинку, но ничего не сделал. Вот если бы она лежала голая, вся в его сперме, это был бы другой разговор.

— Но...

— Слушай сейчас меня, мать твою. Она пришла к ТЕБЕ с новостью о беременности, доверила эту радость ТЕБЕ. Думаешь, Зара такая идиотка, чтобы лезть к тебе с чужим ребенком? Это методы Алисии и остальных твоих продажных баб. Да, она продавала тело.

Но не душу. И ты это знаешь. Она пришла к тебе без задней мысли, и в итоге ты просто растерзал свою плоть и кровь! — Казалось, он сейчас сам накинется на брата и разорвет

его на части.

— Чего ты-то так волнуешься? Не ты же растерзал, — спокойно сказал Макс, но Стефан

бил по больному. И он ощущал эту боль физически.

— Ты прав. И я бы многое отдал за то, чтобы иметь сына или дочь от Марины. —

Стефан
вернулся в кресло. — Отдал бы всё за то, чтобы иметь частичку себя в этом мире, чтобы подарить то тепло, которое не подарили когда-то мне. И я просто хочу иметь от любимой

женщины нечто большее, чем секс. Но тебе не понять.

— Мне ничто человеческое не чуждо, Стеф. И мне больно, хотя ты можешь в это и не верить. — Его голос не дрогнул, он выдержал. Мозг сейчас, медленно и противно скрипя, разлагался, не в состоянии справиться со всем этим редкостным дерьмом.

— Я верю в тебя. Всегда. Но я устал верить. Ты не оправдываешь мою веру в тебя.

— Ну, уж, прости.

— Я-то прощу, а вот простишь ли ты себя сам... — Стефан встал. — Жду тебя через полчаса внизу. Может, хоть еда заставит твоё серое вещество работать активней, — недовольно произнес он и вышел.

Макс тоже встал, но не сразу. Голова совершала заезд в Наскар, его заносило на поворотах, поэтому пришлось вставать постепенно. Мужчина прошёл в душ и забылся в ледяной

воде. За что ему прощать себя? Может, это, все же, был не его ребёнок. Стукнул кулаком

по кафельной стене. Вода катилась по телу, обжигая холодом. Но больнее было внутри.

Он
опустился на самое дно, ниже некуда. Он и сейчас все еще находился там! Неужели его

поставила на колени какая-то сука?! Нет же, черт побери! Он сам поставил себя на колени.

И уже стёр их в кровь. Выключив воду, Макс какое-то время просто стоял в душевой кабине и трясся от холода, медленно трезвея. Он, правда, не спросил у неё. Не спросил!

Прошлое было быстрее рассудка, оно сразу взяло его в тиски и задушило. Не время лить

слёзы, нужно срочно всё узнать.

Он навел порядок в комнате, выкинул дурацкий презерватив, подумав о том, что использовать Венди не есть хорошо, и спустился в ресторан при отеле, где его ждал Стефан.

— Кого я вижу! Макс Бекер, собственной персоной. А где тот алкаш с вечным стояком? — встретил его брат.

— Упал, — огрызнулся Макс. — Не начинай, умоляю. Голова всё ещё не вернулась на орбиту.

Официант принес завтрак. Макс посмотрел на яичницу и понял, что аппетита у него не было совсем.

— Что, водички тебе вместо еды? — продолжал Стефан.

— Ага, и опохмелин. Отвали. Когда я ем, я глух и нем.

— А я что? Я ничего, — улыбнулся мужчина и вернулся к тарелке.

— И не улыбайся! — воскликнул Макс, открывая бутылку с водой.

— Я оставляю за собой право выбирать, над кем смеяться, а над кем — нет.

Макс закатил глаза и отпил из бутылки. Мир перестал на миг существовать. Были только

он и вода.

— Хватит нежиться там с бутылкой! Что будешь делать дальше?

— С чем? — прикинулся дурачком Макс.

— С Зарой и убийством своего ребёнка.

Он чуть не подавился. Отставил бутылку и в один момент принял серьёзный вид.

— Не факт, что он был моим, — упирался и дальше, лишь бы не показывать слабость.

— Но я поговорю с ней. Немного позже. Пока не готов.

— Я тоже. То есть, поговорю с Мариной.

— У нее же есть мужик. Чего ты хочешь добиться? Стать посмешищем?

— Почему сразу «посмешищем»? Я... люблю её, — Стефан замолчал. Он сказал это.

— А она? Она ведь тебя бросила. Избавься уже от этой розовой чуши. Когда ты успел её

полюбить? Когда из тебя уйдет вся эта дурь?

— Я с собой сам разберусь. А вот из тебя дурь скоро, точно, уйдет, — загадочно сказал

Стефан.

— О чём ты? — Макс насторожился.

— Через несколько дней прилетает отец.

— Что?! Зачем? Зачем, твою мать?

— Ты стал выходить из-под контроля.

— О не-ет. Чёрт! Теперь два ворона будут клевать мою печень.

— Скорее, подтирать слюнки!

Макс решил игнорировать шуточки Стефана. Наконец-то, появился аппетит. Он забрал у

брата тарелку с до сих пор не тронутым салатом.

— Эй!

— С братом даже не поделишься?

— Приятного аппетита, братишка, — ехидствовал Стефан.

— Спасибо. Чужое всегда вкуснее.

Стефан на это лишь хмыкнул и заказал себе кофе. Он уже детально обдумывал свою встречу с Мариной. Сколько купить роз, а может, конфеты? Или ничего не надо?

Просто увидеть бы её, заговорить с ней. Лишь бы она дала шанс... Голова Макса была занята не

менее серьезными думами. Как узнать, от кого была беременна Зара? И как жить дальше, если окажется, что от него?

Ирина поправила плед, закутываясь в него сильнее, и открыла книгу, которую пыталась

прочитать уже битый час. Ничего не получалось, буквы не превращались в слова, не имели никакого смысла. Рядом на тумбочке стоял горячий шоколад, постепенно остывая.

Как и её сердце. Внутри разгорался пожар при мысли о Максе и затухал, превращаясь

В

тлеющие угольки, при мысли о муже. Так быстро... Так быстро всё встало на свои места. Она знала, что не сможет обмануть себя. Она никогда не любила Лёшу так, чтобы сгорать

в его объятиях. Так, чтобы умирать от его прикосновений.

«Где же эта любовь? Такая, как в книжках?» — подумала она, рассматривая обложку книги.

Как же тогда она любила Лёшу? Спокойно, мирно, тихо, с благодарностью... Она любила

его в ответ. В ответ на его помощь ей. Любил ли он её? Господи, да они оба притворялись

все эти три года! Он просто сделал доброе дело, вытащив несчастную девушку из пропасти, подав ей руку. И подавал её до сих пор. Но она стала кусаться... Кусать руку помощи! Только последняя сука могла так делать. Ирина оторвалась от книги и посмотрела в окно. Подъехала машина, муж вернулся домой. Почему же сердце не замирало, с трепетом ожидая его прихода? Вот, если бы это был Макс... Черт! Если бы

это

был Макс, лучше бы ей было спрятаться далеко и надолго.

Макс... Столько злости и ненависти. Сколько надо времени, чтобы очистить душу от зла?

И возможно ли это? Он всё так же считал её малыша выродком. Глаза увлажнились.

Собственного ребёнка он считал выродком! Подонок, чёртов ублюдок. Руки с силой сжали

книгу, чуть ли не сминая её. Что он там говорил про Дастона, про этого ублюдка?

Причем

тут он? Хоть этот кретин и помог ей с компроматом, но, всё равно, оставался кретином.

Она не забудет, как Макс кинул её к нему, к этому пьяному придурку. Ирина замерла.

Впервые за три года ей в голову пришла поистине потрясающая и ужасающая, в то же самое время, мысль — Макс думал, что ребёнок был не его? Она резко захлопнула книгу.

Какой же он дурак!!! Дыхание сбилось. Он действительно так думал, поэтому говорил о малыше в пренебрежительном тоне. А она всё это время гадала, почему он не дал их дочке

шанса...

Душевный апокалипсис прервал Лёша, вошедший в комнату.

— Добрый вечер, любимая. — Наклонился, чтобы поцеловать её, и заметил состояние жены.

— Что случилось? — Взгляд опустился на руки, судорожно сжимавшие книгу.

— Ни-ничего... Книга... Там Раскольников убил, представляешь? И Соня его любит...

— Достоевского читаешь?

— Да, хотела почитать, но что-то не идёт. И шоколад остыл. На улице, кажется, гроза приближается.

— На улице устрашающая погода, хотя до Хэллоуина ещё месяц. — Наклонился к ней, чмокнул в щеку и забрал книгу.

— Что с настроением? Рассказывай. Я пока переоденусь, — сказал Алексей, подходя

к

шкафу.

— Хэллоуин! Я хочу что-нибудь устроить на Хэллоуин.

— Конечно. Наставим тыкв по всему дому, охранников переоденем в костюмы смерти, Ангелине Петровне подарим волшебную палочку... Без проблем, — улыбнулся он, снимая пиджак и расстегивая запонки.

— Я серьёзно! — Ирина улыбнулась ему в ответ. — Надо будет продумать это мероприятие. Как дела на работе? — спросила, разглядывая его мощную спину.

— На работе — как на работе. Сегодня ночью прилетает Анна Симоне, я должен её встретить в Домодедово. Не знаю, почему, но никто не посчитал нужным меня об этом предупредить.

— Анна Симоне? Кто это?

— Это моя бывшая одногруппница. Мы с ней учились вместе когда-то, давно. Позже проходили практику в одной компании, можно сказать, начинали вместе с нуля. Потом она

уехала на практику во Францию, там ей предложили хорошую должность, и, к тому же, она вышла замуж. Вот сегодня прилетает в Россию, нужно её встретить и заново познакомиться с родиной. А может, и контакты наладить. — Подмигнула ей.

— Ты хорошо к ней относишься? — Ирина поймала себя на мысли о легкой ревности.

— Да. А почему нет? Ты, что, ревнуешь? Не переживай, дорогая, ты у меня одна. Да и она замужем.

— Ах ты! То есть, тебе мешает замужество? Да?

— Нет... — Он рылся в шкафу в поисках футболки. — Мне мешает женитьба на тебе. Наконец-то, нашел. — Достал футболку.

— Не надо. Не надевай её.

— Почему?

— Иди сюда. — Откинула плед, призывая его к себе.

Леша задержался на ней взглядом, затем, отложив футболку обратно в шкаф, подошел к ней. Сел рядом и посмотрел ей в глаза.

— Значит, женитьба на мне мешает? — томно спросила она и дотянулась до него, слегка

касаясь губами его губ. — А если бы её не было... — Прикусила нижнюю губу. — Этой женитьбы. — Втянула его в поцелуй.

— Но она есть. — Ответил на поцелуй, сливаясь губами с её мягкими губками, цвета спелой малины. Руки осторожно коснулись волос. Как же ему не хватало её локонов...

Ирина провела руками по его обнаженной груди, чувствуя твердость мышц под ладонями.

Захотелось плакать ещё сильнее. Это был не тот мужчина, которого она хотела трогать. Это были не те губы, которые она хотела целовать. Но это было правильно.

«Открой ротик, маленькая. Твои губки до того нежные и мягкие, что хочется наброситься на них, смять в диком поцелуе, окрасить в цвет крови...»

Она прикусила губы мужа и обхватила его шею руками, притягивая к себе ближе.

Алексей

обвил её сильными руками, забираясь пальцами под футболку. Напор жены сбивал с толку, но ему нравилось.

— Я хочу тебя, — задыхаясь, сказала она, расстегивая ремень его брюк. Нервное возбуждение воспламеняло клетки, распространяясь лавой по телу. Вот уже пожар горел

между ног. В пелене перед глазами стояло лицо другого мужчины. Ей просто нужно было

дать этому желанию выход, ведь никто не узнает, о ком она думала на самом деле.

— Я тебя тоже. Ты такая дикая сегодня... — Он стянул с неё футболку и расстегнул лифчик.

Она прижалась к нему грудью, издавая стон. У них давно не было секса, давненько она не

чувствовала сильного мужского тела рядом. Поцелуями спустилась по торсу к брюкам.

Вытащила ремень и стянула брюки с Алексея. Подняла на мужа взгляд и прикусила губу, возбуждая его ещё больше. Вытащила член и взяла его в рот.

«Я тебя предупредил. И слов на ветер не бросаю. Твой высокомерный дедушка увидит тебя с другой стороны, если ты не остановишься. А теперь иди, пососи старый х*й, и скажи себе, что ты не шлюха».

Девушка взяла глубже, наклоняясь к самому лобку, чтобы скрыть слёзы в глазах. Пусть он

просто заткнется! Пусть заткнется этот голос в её голове! Леша содрогнулся под ней и взял её за голову, помогая. Она помогала себе рукой, усиливая его ощущения.

— Иди ко мне, моя девочка, — голос мужа перебил голос Макса, и она посмотрела на него, но все размывалось.

Она, правда, шлюха. Изменяла прямо сейчас мужу, занимаясь с ним же сексом. Леша навис сверху и поцеловал её.

— Войди в меня, — прошептала, обхватывая его ногами и прижимаясь у груди.

Он это и сделал, а она зажмурилась, встречая его толчки внутри себя. Чёрт! Руки скользили по спине, забирались в волосы... Она пыталась забыть, но голос в голове

не

хотел умолкнуть. Он выворачивал её наизнанку.

«Плевать мне на всё. И в первую очередь — на твоё отродье. Шлюхам нельзя позволять иметь детей!»

Слезинка скатилась по щеке, касаясь плеча Леша. Он хотел остановиться, думая, что причинил ей боль.

— Продолжай... Не останавливайся. — Впилась в его спину ногтями и застонала.

Нервные

клетки получали свой взрывной оргазм, бесновались, вспоминая недавнюю встречу с Максом.

Толчки усилились, она впилась зубами в его шею, вызывая его хриплый рык.

«Успокойся, девочка моя. Не надо никого кусать. Ну, только, если в постели... И с твоего

согласия...»

Зубы ещё раз вошли глубоко в кожу мужа. Она будет кусать мужчину в постели по своему

желанию! Своему! И она хотела кусать мужа. Мужа... Его, да. Оргазм был близко.

Мышцы

сжались, сдавливая член Лёши, и он застонал, уткнувшись ей в плечо. По телу пошла дрожь, грозясь замкнуться высоковольтным напряжением и убить её.

«Я бы избавил мир от твоего выроodka снова!»

Она заплакала и кончила, выкрикивая имя Макса, просто задыхаясь. Леша замер, пораженный ее поступком.

— Не может быть, — прошептал ей на ухо, не двигаясь.

— Прости, Лёш! Прости. — Она заплакала сильнее и усилила объятия, но он скинул её руки и встал.

— Тебе понравился секс с ним? Ведь ты сейчас с ним трахалась.

— Нет, нет... Прости...

— Знаешь, таким грязным я себя никогда еще не чувствовал в своей жизни. — Лёша поднял одежду и начал одеваться с каменным лицом.

— Куда ты, Лёш?

— В аэропорт.

— Но ещё же рано...

— Подожду в зале прибытия. — Надел брюки и, быстро застегнув рубашку, накинул сверху пиджак.

— Не уходи...

— Я здесь явно лишний. В этом доме, в твоей жизни, в твоём сердце. Только никогда не забывай, как ты плакала у врача на приеме, когда выяснилось, что ты бесплодна. Как ты

ты

хотела ребёнка, просто грезила им. И не забывай, кто лишил тебя женской сущности. А я

я

переживу. Не моё самоуважение сейчас валяется в грязи, растоптанное и униженное.

— Леша! — выкрикнула она, но он ушёл, хлопнув дверью.

Ирина закрыла лицо руками и зашлась в слезах, понимая, насколько она была жалка.

Кинула в стену вазу с цветами.

— Доволен?! Доволен, сволочь? Сделал меня такой же, какой сам!!! — Схватила книгу

и

начала её рвать, заливая слезами злости страницы.

Она должна поставить точку в этом безумии. Только отберет у него фирму и всё, всё!

— Прости меня, Лёша, прости... — прошептала, вытирая слёзы.

Простите её все...

его

Макс со Стефаном ждали прибытия отца в аэропорте. Наконец-то, объявили прилет

его

рейса. Через какое-то время появился и он сам с чемоданом.

— Стефан, сынок, как я рад тебя видеть! — Обнял сына, искренне радуясь встрече.

— Макс, заноза в моей старой заднице! — Похлопал его по плечу. — Ну, давай, рассказывай, что ты опять тут чудишь. Довёл-таки брата до звонка мне.

Макс вздохнул и закатил про себя глаза. Начинается... Утерянное детство. Ещё бы ремнём

ему пригрозил. Стефан победно взглянул на Макса из-за спины отца и с улыбочкой

отвернулся, зная, что дни пребывания Джека с ними будут веселыми. Для брата — точно...

Глава 6.

Стефан проснулся сегодня бодрый, как никогда. И нервничающий тоже. Вроде, уже не подросток, и не в поздних двадцати находится, а волновался, словно мальчишка перед первым в жизни свиданием. Как это будет? Что это будет? Как она его встретит? И встретит ли вообще? Может, на месте его Марины была другая девушка? В жизни которой

не было места ему, её прошлому. Макс упорно твердил про её бизнесмена, просто вынес

весь мозг разговорами о том, что у неё уже есть мужчина. Есть и есть. Этот мужчина тоже

может стать её прошлым, если она даст шанс ему, Стефану. И в этот раз всё будет иначе.

Отныне и впредь свои желания он будет ставить превыше всего на свете. И главное — превыше больных потребностей и желаний Макса.

Мужчина придирчиво разглядывал себя в зеркале. Он тщательно побрился, сбрызнул лосьоном после бритья лицо, освежился туалетной водой. Волосы были подстрижены и уложены. Прямо жених! Рубашка сверкала белизной и свежестью, каждая складочка была

выглажена, пиджак сидел, как влитой, стрелки на брюках были идеально прямыми. И только глаза выдавали в этом безупречном мужчине волнение и неуверенность в себе.

Бросив в зеркало последний взгляд, всё ещё сомневаясь, что выглядит достаточно хорошо

для встречи с его великолепной девочкой, Стефан вышел из ванной комнаты.

— Да хорош ты, хорош! — сказал Макс, встречая его в гостиной. — Ещё гелем прилижись, и Марина умрёт при виде тебя. От смеха, конечно же.

— Какого чёрта ты тут делаешь? Я тебя, кажется, не звал.

— Меня звать не надо, я не джин. Сам могу прийти.

— Раз можешь сам прийти, то сам и уйди. Умоляю, не порть настроение перед такой важной встречей.

— Стеф, ты серьезно веришь в успех этой затеи? — веселье из голоса Макса пропало.

— Да. А почему я не должен в него верить? Из-за того, что у неё кто-то есть? Ерунда.

Если

она мне сама скажет, что я ей не нужен, тогда я буду переживать.

— Что, если скажет?

Стефан напрягся. Его достали эти пустые разговоры. Можно ему, хотя бы, попытаться?!

— Тебя это так волнует, Макс, словно это тебе дадут от ворот поворот! Или жалко для меня счастья?

— Нет, не жалко. Я не хочу, чтобы тебе было больно... Как и мне. — Он отвел от брата взгляд, пряча очередное признание слабости.

— Ты ревнуешь Зару, да? Скажи честно.

— Да. Теперь — да. Бабочка обрела счастье в чужих руках... Звучит, как бред, правда? А

больно.

— Это только твоя вина. Заметь, всё — твоя вина. И Зара, и Марина счастливы с другими мужчинами из-за тебя, черт возьми! Ты забрал у нас обоих самое дорогое и светлое, что было в наших жизнях.

Макс молчал. В последнее время он часто молчал. Просто знал, что брат прав. И это лишь добавляло масла в огонь его боли. Пожар становился все сильнее, не оставляя ему выхода

— только сгореть.

— Оставим это, — отмахнулся Стефан, устав от одного и того же дерьма, повторявшегося

изо дня в день. — Зачем ты пришёл? Попытаться образумить меня? Не надо, я сам разберусь со своей жизнью.

— Я еду с тобой.

— Не едешь.

— Еду. Ты же поедешь к ней в офис, к Ирине. Тьфу, бесит это имя.

— Да, к ней. И это первая причина, по которой ты со мной не поедешь. Твое появление она воспримет агрессивно и не даст шанса мне.

— Стеф...

— Всё, Макс. Можешь после меня зайти к ней, но я бы этого не делал на твоём месте.

Пожелай мне удачи, — отрезал он, подхватывая пальто и направляясь к выходу.

— Желаю, — кисло ответил Макс.

Стефан ушёл, вмиг забыв про Макса и его тараканов. В голове крутились только мысли

о том, что он скажет Заре, потом — Марине. Он ещё никогда в жизни не волновался так.

Ни перед одной встречей, даже перед важными переговорами. Ни одна конференция не могла

разбить ему сердце, как это, возможно, в скором времени сделает Марина. Нет, она все та

же, прежняя белокурая фея... Она не сможет разбить его сердце снова.

Дорога до офиса Зары прошла в нервотрепке. Мысли разбегались, скакали туда-сюда, словно сумасшедшие. Куча вопросов просто придавливала его к месту. Откуда этот

бизнесмен и дорогая машина появились в жизни Марины? Что стало с Зарой? И почему

она теперь Ирина Валерьевна Нарватова?.. Из грязи в князи... Как ему это было знакомо.

Но им с Максом всё дал отец, просто вытянул из навозной кучи. А кто был так щедр и добр, чтобы помогать Заре и Марине? Черт! Непристойные слова так и кружили в голове, но он их стойко игнорировал. Сам же всегда говорил Марине, что она не такая. Значит, и

думать нельзя было так о ней. Но всё это нынешнее великолепие её жизни... Как?!

Припарковавшись, Стефан не выходил из машины минут пять. Было не по себе. Он шёл

по

спирали, назад. И что ждало его там? Ад или рай? Смерть или шанс на новую жизнь? Сбравшись с духом, он вышел. На ресепшене потребовали фамилию и назначенное время. Он про себя хмыкнул. Чтобы встретиться с Зарой, ему надо было заранее позвонить и договориться... Мир сошёл с ума, не иначе. Какое-то время ушло на переговоры с администратором, и только через десять минут убеждений, что госпожа Нарватова знает его, путь был открыт. Стефан поднимался в лифте, пребывая в недоумении. Его не пускали к Заре! ЕГО и — к Заре. Что же будет с Мариной? Или всё пройдет нормально? Заставив себя успокоиться, он вдохнул поглубже у двери и постучал.

— Входи, Стефан.

— Добрый день, Ирина Валерьевна. Удивительная штука со мной внизу приключилась — не хотели пропускать.

— Во-первых, можно просто Ира. Во-вторых, что удивительного? Ты же сам в бизнесе. И, насколько я помню, у вас тоже кого попало не пропускают.

— Я не кто попало.

— Ты всего лишь Стефан Хейз. Не мессия, не Бог, не пуп земли. Тогда почему тебя должны безоговорочно пропускать ко мне? — Подняла на него острый взгляд, резко контрастировавший с темно-бордовыми губами и яркими стрелками.

— Какая ты стала...

— Сука?

— Это сказала ты, заметь.

— Заметила. У тебя, в отличие от мужлана-братца, есть хоть какое-то чувство такта. Но, черт возьми, ты прав! Я стала сукой. Думаю, причины тебе известны. — Достала пачку Vogue и подошла к окну. — Чего стоишь? Присаживайся. Это можно сделать и без разрешения, — стервозно ухмыльнулась и выпустила дым в окно.

Стефану пришлось собрать всё свое самообладание в кулак, хотя он не был склонен к скандалам и конфликтам. Однако, её показная грубость и высокомерие, сквозившее даже в

движениях пальцев, державших сейчас сигарету, заставляли его становиться похожим на

Макса. Желание обидеть ее словом, задеть за живое, кружило голову. Ему это абсолютно

не нравилось: ни поведение Зары-Иры, ни собственная похожесть на Макса.

— И что ты хотел? — обратилась она к нему, когда он сел. — Узнать, как идут дела с тендером? Отлично. Скоро пойдете с братцем собирать бутылки. А может, ты хотел узнать, как обстоят дела с флешкой Макса? Ещё лучше! — Виток дыма упорхнул в окно, подхваченный попутным ветром. — Она покорно ждет своего часа.

— Почему ты стала такой?

— Какой? Подробней можно? Мне не совсем ясно, что ты думаешь обо мне, — усмешка искривила губы.

Стефан понял, что она не играла. Она действительно была стервой. Не могли глаза быть

такими мёртвыми, а лицо — каменным. Он был уверен, дотронься до её губ — почувствуешь арктический холод. Поэтому так легко она язвила и грубила. Потому, что в

душе теперь был камень.

— Такой... Вульгарно красящейся, стервозно себя ведущей, срывающейся на истерики...

— Какие, к черту, истерики?

— Ну, как же... А нож, которым ты пометила Макса? А твоя вступительная речь сейчас? Поступки истинной истерички. — Мужчина удобно расположился на диване, закинув ногу

на ногу, и следил за её реакцией. Не только она могла быть сухой.

Ирина поменялась в лице. Как он смеет приходить к ней в офис и так себя вести? И без придурочной семейки Макса настроение было ни к черту. Лёша всё ещё обижался...

— Раз я истеричка — без проблем, могу повторить свой подвиг. — Достала из подставки

тот самый ножик. — Подойди ближе. — Глаза опасно сверкнули.

Стефан сглотнул. Нет, она не сделает этого... Она же не совсем больная. Перед глазами

отчетливо нарисовался порез Макса. Сделает. Она сделает. У неё явно были не все дома. В

этот момент, на этой мысли, он вспомнил ещё кое-что. Не все дома... Зара была из детдома. Марина когда-то давно рассказывала ему об этом. Он переменялся в лице.

Потеря ребенка стала для неё не просто ударом, — контрольным в голову. Макс лишил её

самого дорого и ценного на свете — возможности стать матерью.

— Я тоже из детдома, — неожиданно сказал он, чувствуя родственные связи с этой женщиной. Он мог понять её, как никто другой. Одиночество и обида текли в их крови, заражая здоровые клетки. И от этого было невозможно избавиться. Всю жизнь они стремились к счастью, к людям, лишь бы не быть больше одинокими и никому не нужными. И вот, в итоге, сейчас они вместе смотрели в пропасть. Шаг — и сорвутся. Ирина побледнела. Что он только что произнес? И зачем?.. Неужели он знал, что она из

детдома? Но ведь её биография была качественно сфабрикована.

— Ира, не нужно сейчас придумывать колкости и обидные слова, не нужно искать по всем

карманам невысказанную грубость. Я тебе не враг. Да, я брат твоего врага. Но сам я — твой друг. Я понимаю, что ты чувствуешь из-за потери ребенка...

— Замолчи! Слышишь, замолчи! — Она отошла обратно к окну, совершая нервные движения руками. — Что ты можешь понимать? — шепотом спросила она. — Внутри тебя

когда-нибудь жила жизнь? Крохотная, еле различимая жизнь. Но ЖИЗНЬ. Когда-нибудь из

тебя её вырывали? Брали ли твое сердце в ладонь и нагло раздавливали его? Когданибудь... у тебя забирали смысл жизни?! — Её глаза были абсолютно сухими, он это видел. Голос ни разу не дрогнул. Но каждая черточка лица была искажена болью. Каждая

линия, прорезавшая лицо, отдавала страданием. — Тогда и не говори, что ты понимаешь

меня.

— Да, я никогда не терял ребенка. Но я сам был ребенком, одиноким и крайне несчастным.

И всегда хотел сделать со своей жизнью нечто большее. Детдом ломает людей, отношение

общества не оставляет шанса. Шанс себе должен оставить ты сам. Остальные могут сколько угодно твердить, что ты недостойн, что ты плох и жалок. Пока ты говоришь себе

обратное — это не так. К чему я... У меня тоже не было смысла жизни. Не поверишь, но деньги и статус в обществе не дали мне так много, как кто-то может подумать. Марина. Вот кто стал этим смыслом. И его у меня тоже забрали. Пустота в душе у нас одинаковая.

— Ты из детдома? — Повернулась к нему.

— Да. Лет в пятнадцать меня усыновил Джек и стал мне отцом. Максу тоже. Точно. Их отец тогда говорил об этом, на том ужине. Давно, правда.

— А с ним что? Он тоже сирота?

— Почти... О его прошлом я распространяться не буду. Спроси сама.

— Нет. Плевать на него. Как ты мог найти с ним общий язык? Он — тьма, а ты — свет. Никогда не понимала.

— То же самое могу сказать о вас с Мариной. Она — чистейший свет, ты — будто из тьмы.

Но любят ведь вопреки? Жить вопреки сложно, но когда ничего другого не остается, ты перестаёшь смотреть на условности.

— И как же мне жить дальше? Вопреки? — Она смотрела на него взглядом потерявшегося

котёнка. Он смог достучаться до её души, до самого мяса.

— Именно. Поговори с Максом.

— Мне не о чем с ним говорить.

— Есть. Просто попытайся.

— Не буду! Даже не уговаривай. Зачем ты пришёл? — Ирина замкнулась. Она не позволит

Стефану ковыряться в её боли.

— Хотел спросить у тебя, где можно найти Марину.

— Зачем она тебе? Поезд ушёл, Стефан. Она чужая невеста.

— Невеста?! — Мужчина подался вперёд, выглядя шокированным.

— Это такое русское выражение. Но тебе все равно ничего не светит.

— Просто скажи, где её искать.

Девушка подумала какое-то время и решила, что лучше ему будет больно уколоться самому. Зато сразу всё поймет.

— Записывай, — начала диктовать адрес. — Я тебя предупредила. Будет больно.

— Не маленький мальчик, не умру. Спасибо, Ира. Надеюсь, ещё встретимся. В дружеской

обстановке.

— Обязательно.

Стефан ушел, переключая мысли со стержности Зары на Марину. Адрес был у него.

Салон красоты. Она там, что, принимала процедуры прямо сейчас? Остановился по указанному адресу и осмотрелся. Дорогой салон, класса «люкс». Теперь у Марины была

возможность посещать такие элитные заведения. Взгляд упал на уже знакомую машину. И

водить такие дорогие тачки... Внезапно страх сковал его. Он не увидит прежнюю Марину, все внутренние радары кричали об этом. Чего он так боялся? Её отказа? Боли от того, что

ничего не вернуть назад? Не было смысла изводить себя сомнениями. Чем быстрее он с этим разберется, тем больше нервных клеток выживет.

Мужчина зашёл в салон красоты и остановился, как вкопанный. Шикарное место... В женских салонах он бывал и раньше, в престижных салонах, надо заметить. Клер там вечно сидела. Но этот был настолько ошеломительным! Выполненный со вкусом, в светлых тонах, под стать его девочке. Это были её цвета: цвет молока, пшеницы, кремовый, с вкраплениями шоколада... Обстановка очаровывала.

— Добрый день, — мило улыбнулась администратор из-за стойки. — Вы что-то хотели? Мужской зал в другом крыле. Вас проводить? — Ещё одна ослепительная улыбка.

— Здравствуйте. Нет, спасибо. — Он не знал, что сказать. Что пришёл искать девушку-клиентку?

— Может, вы хотите записаться на некоторые процедуры в женском зале? Не переживайте, конфиденциальность будет соблюдена, — доверительным тоном сказала она, явно путая его с кем-то.

— Нет, вы меня не так поняли. Мне нужна девушка. Она должна быть вашей клиенткой.

— Извините, но мы не можем предоставлять информацию о наших клиентах.

— Она сейчас должна быть тут. Просто скажите, где именно она находится. Марина Немировская. Записана у вас такая?

Глаза девушки округлились, она недоумённо смотрела на него, как на странного человека.

— Простите... Но вам нужна Марина Олеговна?

— Да, — ответил Стефан, радуясь своей удаче. Её здесь знали, значит, она была постоянной клиенткой.

Администратор куда-то позвонила, спросила его имя и известила о его приходе. Прошло

минут пять, прежде чем телефон зазвонил, и она получила распоряжения. Что происходило?

— Вы можете пройти. Второй этаж, кабинет узнаете сразу.

— Кабинет? В смысле, процедурный? Хорошо, спасибо.

Он поднялся на второй этаж, сопровождаемый подозрительным взглядом девушки. Ну, точно, странный...

Оказавшись на втором этаже, он огляделся. Много кабинетов тут было. Как найти нужный? Сказали, что он сразу узнает. Имя Марины там, что ли, будет написано?

— Твою ж мать... — ошарашенно прошептал он, пройдя чуть вдаль по коридору и останавливаясь напротив двери с именем Марины. А внизу подпись — директор. Все

вокруг стали директорами, куда деваться.

— Войдите, — раздался твердый, даже немного властный голос.

Он же ещё даже не постучал... Шоу начинается. Стефан вошёл, ожидая увидеть что угодно. И увидел, собственно, то, что и ожидал. Марина сидела за столом и что-то печатала в ноутбуке. Она была одета в обтягивающее, строгое платье, из ткани с рисунком

змеиной кожи. А может, это была настоящая кожа... На ногах красовались черные сапоги

на высокой шпильке. Макияж выдержан в светлых тонах, в этом она всегда была верна себе. Шелк волос крупными локонами спадал на плечи... Так любимый им нежный румянец заставил кровь биться в венах. На Марину его появление, казалось, не произвело

никакого впечатления.

— Здравствуй, Стефан, — оторвалась от ноутбука, чтобы с ним поздороваться. Ни капли

теплоты в голосе, строгий, официальный тон.

— Здравствуй, Марина. — Он замялся в дверях.

— Присаживайся. — Кивнула на белый кожаный диван. — Что ты хотел?

— Увидеть тебя.

— Увидел? Я могу работать дальше?

— И ты меня гонишь?

— Что значит «и я»? — Она не смотрела на него, старалась даже не скашивать в его сторону взгляд, что было очень трудно сделать.

— Посмотри на меня. — Никакой реакции. — Марина.

Девушка подняла на него глаза и выдержала эту пытку, хотя сама тонула во льду его глаз.

Как же она скучала по их холодной синеве, по их кристальной чистоте...

— Что тебе нужно, Стефан?

— Ты мне нужна.

— Прости, товар уже куплен, — цинично усмехнулась она и вернулась к печатанию.

— Что ты говоришь, Марина? Что за чушь ты несёшь?

— Раз я несу чушь — можешь быть свободен.

— Что с тобой стало? Где моя Марина?

— Твоя Марина? Не знаю. Иди, поищи по Москве. Я, уж, точно, не твоя.

Повисло молчание. Она старательно делала вид, что ей безразлично его присутствие здесь, а про себя молилась, чтобы он поскорее ушёл, её выдержки надолго не хватит. Стефан

оценивал ещё одну стерву, с которой имел счастье познакомиться. Нет, уж, так просто он

не сдастся. Мужчина встал и, быстро подойдя к девушке, закрыл крышку ноутбука.

— Что ты себе позволяешь?! — возмутилась она.

Он наклонился и поцеловал её, пока рот был открыт в возмущении. Углубил поцелуй, своим языком заявляя права на неё. Взял её за затылок и притянул к себе, даже не давая шанса на сопротивление. Слишком своевольная и дерзкая. Хочет его, но строит из себя сучку. Но её теплый, шаловливый язычок, взявший власть в их поцелуе, не мог его

обмануть.

Из уст Марины вырвался случайный стон. Она, как могла, сопротивлялась... Но не получалось. Никак... Боже, никак. Её руки уперлись в грудь мужчины в попытке оттолкнуть его. Стефан притянул её сильнее к себе, руки легли на ягодицы. Он кончит

от одного только поцелуя. Поцелуя, которого ждал долгих три года.

— Что ты делаешь?! — кое-как отлипнув от него, прошептала Марина. Румянец на щеках

разгорелся до бушующего огня, волосы были растрепаны. Она горела. — Сходи в туалет, если у тебя есть проблемы. — Посмотрела на его пах.

— Это не проблема, Марина. Это... любовь.

— Вот это — любовь. — Показала ему палец с кольцом.

Стефан медленно поднял взгляд от кольца к ней. Она триумфально смотрела на него, всё

ещё красная и возбужденная от их поцелуя.

— Ты уверена? — Казалось, лед его глаз взорвется черным огнем боли в любую секунду.

— Да.

— У меня нет шанса? Ты чужая невеста?

— Именно так. Я чужая невеста.

— Ты любишь его?

— Да, — слишком быстро выдала Марина. — Очень люблю. Он дал мне всё. Этот салон, машину, дом... Всё.

Мужчина хмыкнул.

— Я люблю тебя. Потому что ты дала мне способность дышать, жить и видеть свет в чередке серых дней. Ты дала мне всё.

Девушка затаила дыхание. Каждое его слово совпадало с ударом сердца. Так громко.

Он точно слышал.

— И ты же всё забрала. Если он заберет у тебя машину и этот салон, ты умрешь?

— Наверное, нет.

— А я умру, если ты опять всё у меня заберешь.

— Уходи, Стефан. Нам не о чем говорить. Я помолвлена. Тебе нет места в моей жизни.

Он молча развернулся и направился к двери. У выхода обернулся и сказал: — Знаешь, это так больно — умирать.

Дверь захлопнулась, и Марина оперлась о стол, закрывая глаза. Выглянула в окно, провожая его взглядом.

— Я знаю, Стефан...

— Как хорошо, что мы не продали эту квартиру. Есть, куда сбежать. — Марина сидела на

диване, скрестив ноги, пока Ира доставала бокалы.

— Это точно. В последнее время сбегать я стала всё чаще. Только вот куда ни беги, от себя

не убежишь.

— Вроде, мы и стали другими людьми... Или это лишь иллюзия? Я все также чувствую себя той Маринкой Немериной, и привычки все остались прежними. Но я же теперь Немировская...

— Иллюзия, Мариша, это иллюзия. Не существует Ирины Валерьевны Нарватовой. И мне

дико жаль порочить Лёшину фамилию тем, что я её ношу. — Она подала подруге полный

бокал коньяка и поставила на столик две бутылки.

Ирина зажгла сигарету. На недовольный взгляд Марины ответила: — Табачный яд убивает легкие и, на какое-то время, слишком громко орущую душу.

— Перестань курить. Это же вредно.

— И что? Для кого мне хранить здоровье? Я бесплодна. Да и, к тому же, больна на голову.

— О чем ты?

— Лёшу назвала чужим именем во время секса...

Маринка ахнула.

— Лёшу?! Господи, и чьим же именем? Только не говори, что его... — На кивок Иры Марина покачала головой.

— Он причинил тебе столько боли. Почему? Просто, почему?

— Я не знаю. — Ирина осушила разом бокал и опять закурила. — Я не знаю. Это было ужасно. Тело было с Лёшей, но душа разрывалась на части, просто била фонтанами крови

после его слов. Я получила два оргазма: и телом, и душой. Болезненный оргазм, замешанный на адреналине. Понимаешь? Кончить можно даже от боли.

— Ну, дела. Леша обиделся, да?

— Да. Перебрасывается со мной короткими фразами, словно я стала чужой.

Пропадает

где-то постоянно. Я его почти не вижу. Знаешь, Марин, я не жалею ни о чём. — На вопросительный взгляд подруги она продолжила. — Жизнь одна, и она того стоила. —

Затуманенный слезами взгляд остановился на пустом бокале.

— Что ты говоришь, Ира? — Марина дотронулась до её руки. — Прекрати. Жизнь не стоила того, жизнь не прошла. Она проходит здесь и сейчас. Хватай её быстрее и живи!

— Не-ет. Вся моя жизнь была полнейшим дерьмом, Макс стал самым дерьмовым воспоминанием. И моя искалеченная душа не может забыть его. Мне хочется убить его, растерзать, умыться его кровью. И эти мысли меня возбуждают. Иногда мне хочется услышать его оскорбления, я так к ним привыкла. Знаю, думаешь, какая я дура. —

Первая

бутылка валялась пустая на полу, Ира потянулась ко второй.

— Не думаю. Вы просто оба — жертвы. Он хочет причинять боль, властвовать, доминировать. Ты хочешь подчиняться, скинув ответственность за свою жизнь. Отдать жизнь в руки сильного мужчины. Макс не хватает только адекватности.

— Он убил моего ребенка. И своего тоже. И, похоже, даже не знает об этом. Всё, не хочу о

нем говорить. Ничего не хочу. Надеюсь, жизнь не будет долгой. Я уже так устала. Как у

тебя дела? Стефан приходил?

— Приходил. — Теперь пришла очередь Марины наполнять неустанно бокалы. Она посмотрела в окно, затем опустила голову к бокалу, что покоился в руках. — Ты дала

ему
адрес?

— Да.

— Я хочу к нему, — прошептала Марина, пытаюсь сказать это как можно тише, чтобы услышала только подруга, хотя в квартире больше никого и не было. — Хочу выкинуть черновик своей жизни и переписать всё заново.

— Как же Вадик?

— Так же, как и Лёша, — без всяких церемоний ответила она.

— Ясно, — вздохнула Ирина. — Что ты ему сказала?

— Сначала поцеловала, потом показала кольцо и выгнала. Я такая же дура.

— За нас, тогда? Несчастных дур, — пьяным голосом предложила Ира, и они осушили еще по бокалу.

Глава 7.

Ирина пила в одиночестве чай на кухне. На улице опять было сыро. Так же было и в душе.

Она завязла в слякоти своей больной тяги к Макс, увязла в грязи собственных мыслей и намерений. Душа была запятнана ложью самой себе, вечный дождь обид не прекращался.

И страдал от всего этого дерьма Леша — лучик света в кромешной темноте её жизни.

Чёрт, зачем он тогда попался ей? Зачем вообще встретился на её пути? За что Бог наказал его? И за что его наказывала она сама?..

Какое место занимал в её жизни Макс? Очень важное. Не было смысла лгать, только не

себе. Взгляд скользил по темной жидкости в чашке, следя за переходами цвета. Она не любила его, нет. Просто не могла любить это чудовище. Хотелось вернуть время назад.

Ну, почему нельзя было этого сделать? Сказать ему тогда, сразу, с ходу, что это его ребёнок. А

даже если и не его, какое он имел право распоряжаться его жизнью? Это, в первую очередь, её малыш. ЕЁ. Девушка прикрыла глаза, не позволяя им увлажниться. Все его издевательства были пшиком, ничем важным. Её тело привыкло к боли, синякам и ссадинам. Ничего нового. Душа тоже знает о боли, кажется, всё. Но он первый

попытался подарить ей нежность и хоть какое-то подобие любви. Не вышло. А так хотелось...

В коридоре раздался шум. Лёша заехал за чем-то домой. Она ждала, что он заглянет в кухню и поздоровается с ней. На этот раз он выбрал обходной путь до кабинета. А

раньше всегда говорил ей «Доброе утро, любимая». Да что угодно... Но в последнее время молчал.

И она просто не могла его в этом винить. Не могла винить никого, кроме себя самой.

Так

проколоться. Ей такое не могло присниться ни в одном кошмаре. Так обидеть Лёшу, своего

ангела. Она, действительно, стала его наказанием за какие-то грехи. Судьба решила подпортить ему жизнь, подбросив обузу в её лице.

Чай стал горчить. Или это горечь содеянного окисляла слюну? Девушка сжала чашку пальцами, не ощущая горячей поверхности. Боль — это всё, что ей было нужно сейчас

для

трезвости ума. Было так горько от слов этого тирана, что обида просто не могла найти иного выхода, кроме как через секс, либо через бутылку. Секс случился раньше. Прав

был

Макс, называя её снова шлюхой. Так ведь и было. Это в себе не убить, не вырвать бл*дскую сущность из недр души. Теперь она вышла на новый уровень — стала моральной шлюхой. Изменять в душе — хуже не придумаешь. Изменять в своих мыслях человеку, спасшему её, буквально вытащившему из мерзкой грязи. Она его же и

искупала

в этой грязи. Ирина встала, сжигаемая желанием извиниться перед Лешей. Ещё раз, в сотый раз, пока не простит. Прошла в кабинет, он обитал теперь там. Даже спал, порой.

Алексей просматривал бумаги, иногда делая в них пометки. Взгляд не оторвался от листов, когда она зашла.

— Привет, — робко поздоровалась с мужем она.

— Здравствуй, Ира, — официальный тон с коркой инея сверху не вдохновлял к продолжению диалога.

— Как дела? — Села на стул напротив него.

— Хорошо.

— На работе?

— Ещё лучше.

— Где ты был вчера ночью? — спросила Ирина, крутя в руках ластик, чтобы скрыть волнение.

— Работал.

— Всю ночь?

— Да. А потом сопровождал Анну и ещё некоторых партнеров на ночной спектакль в Большой театр.

— Спектакль шёл всю ночь? — Девушка подняла на него твердый взгляд. Ещё эта

Анна.

Она ей совсем не нравилась.

— Нет. После я остался ночевать в отеле.

— Ты не хотел домой?

— Да.

Ирина замолчала, опустив взгляд на деревянный стол. Было больно. Опять, снова, в который раз. Он больше не хотел к ней. И он был прав.

— Представление понравилось? — задала хоть какой-то вопрос, надеясь получить более менее развернутый ответ.

— Да. — Его взгляд всё так же уделял больше внимания таблицам и схемам на бумаге, нежели жене напротив.

— Может, хватит односложно отвечать?

Алексей поднял тяжелый взгляд на жену.

— Может, хватит трепать мне нервы?

— Прости, Лёш. Пожалуйста, прости. Умоляю тебя, не обижайся, — просила Ира, дотрагиваясь до его руки.

— Почему ты разговариваешь со мной, как с девочкой-подростком? Я не обижаюсь. Я взрослый мужчина, Ира, я — не ты. Я могу себя побороть. И я могу многое стерпеть.

— Больше такого не произойдет. Клянусь. Всем, что есть — клянусь, — её голос предательски дрожал. Как она ненавидела его сдержанность. Лучше бы он орал на неё, оскорблял, вымещал свою злость.

— Не нужно этого, Ира. Не клянись, если не уверена на все сто, что сможешь сдержать

клятву. И никогда не клянись всем, что у тебя есть. Рискуешь остаться без ничего.

Она тряхнула головой, встала и развернула его на кресле к себе.

— Хватит быть бездушным камнем! Ори на меня, покажи, как ты злишься! Ну же, давай!

— Трясла его за плечи.

— Ты сошла с ума, — спокойно констатировал факт он. — Ты абсолютная его копия. И мне очень жаль, что он превратил хорошую женщину в непонятно что, не имеющее ни капли гордости и самоуважения. В непонятно что, ждущее оскорблений и ора.

— Как ты смеешь? — закричала она, толкая его в грудь. — Как ты смеешь так говорить

о

своей жене?!

Алексей перехватил её руки, притягивая девушку к себе.

— Ты моя жена. Порой, я жалею об этом. Никогда не думал, что МОЯ жена будет с

МОИМ членом во рту думать об ублюдке, по которому плачет тюрьма. — Его взгляд выдавал полное презрение к ней.

— Это не так, — покачала головой, отнекиваясь. Слезинка скатилась по щеке.

— Так. Я не понимаю, почему ты не осталась с ним? Зачем ушла от него? Теперь я знаю, почему ты тогда плакала, почему молилась и кому молилась. Сатане. Просила вернуть этого демона в твою жизнь.

Пощечина его не удивила. Алексей отпустил её руки и сказал: — Можешь бить меня, сколько хочешь. Мне плевать. Большой боли, чем ты причинила

мне в момент близости, уже не причинишь. Признайся, ты все эти три года кончала от мыслей о нём, да? В особо страстные моменты чей член был в тебе? — прошептал, не отрывая взгляда от её заплаканных глаз.

— Я знаю, что я шлюха! Знаю! — заплакала она. — Он был прав...

— Так вот, что вы с ним постоянно обсуждаете, — хмыкнул Леша. — Такой делаешь

себя только ты. Зачем, Ира, ты мучаешь себя? Жизнь у нас одна. К чему тратить бесценные

дни и мгновения на нелюбимого человека? Я, правда, переживу. Иди к нему и будь счастлива, если унижения — это все, что тебе нужно.

— Замолчи. Замолчи... Сам ты где пропадаешь? Трахаешь эту французенку?

— Сейчас Ты не смей так со мной разговаривать, ясно? — Вмиг стал суровым. — Я не обязан докладывать тебе о своей жизни. Думаю, ты согласишься со мной в том, что мы делим жилплощадь, не более.

— Даже так? — голос Ирины опустился до еле слышного шёпота.

— Нет, давай будем врать друг другу, как дети. У меня нет времени на игры. Сегодня, если

ты не забыла, воскресная служба. Выезжаем через два часа.

— Не будем, так не будем, — сказала она, вытирая слёзы и доставая телефон, чтобы посмотреть время. Смс с незнакомого номера.

«Ну, что, малышка, надумала? Или мне можно посылать интересные материалы твоему мужу? Дедулю инфаркт не хватит? Жду тебя у себя в номере, если тебе есть, что мне сказать. Например, извиниться.»

Ирина побледнела. Она совсем не ожидала увидеть сообщение от него. Быстро выбежала

из кабинета мужа и прислонилась лбом к стене, выравнивая дыхание. Бл*ть! Просто х*йня

полнейшая! Девушка ударила кулаком в стену, задыхаясь от злости. Не поедет она к нему, нет. Нет, нет, нет! Но её поступки шли вразрез с мыслями. Вместо того, чтобы пойти собираться на службу, она вернулась в кабинет к Леше.

— Лёша, я сама доеду до храма.

— Что-то случилось?

— Дела появились.

— Какие? — Внимательно посмотрел на неё.

— С Маринкой надо встретиться. У неё с Вадиком что-то произошло, — на автомате соврала она.

— Хорошо. Только не опоздай, — после паузы ответил он.

— Не опоздаю. Обещаю.

Она ушла. Алексей слегка качнул головой. Врала. Он видел это в безумном блеске её глаз.

Опять он. Раз она упорно толкала его к решительным действиям — так и быть, он совершит их.

Ирина давила на газ со всей силы. Она должна была успеть выслушать этого кретина и не

опоздать на службу в храм. До службы оставался час, и что-то подсказывало ей, что она не

успеет. Тучи собрались над её головой и безжалостно давили, грозясь вылиться чем-то ужасным и неприятным, гораздо хуже дождя. Зачем она ехала к нему сейчас? Ну, зачем?

Уж, если она сама не могла ответить на свой же вопрос... Девушка съехала с проезжей части и остановилась. Положила голову на руль и закрыла глаза. Нужно развернуться назад и ехать в храм. Лёша важней. Важней! Но Макс пригрозил компроматом. Урод! Почему она медлила с компроматом на него? Давно бы показала нужным людям, и на его

жизни можно было бы ставить крест. Однако же, она тянула, словно жалела его.

Жалела

монстра.

— Во что ты меня превратил? — прошептала она, роняя слезинку на руль.

Времени оставалось всё меньше, играть с ним в кошки-мышки она была не намерена.

Пора было поставить точку в этой грязной игре. Добравшись до отеля, в котором они со Стефаном поселились, Ирина пронеслась два этажа вверх и постучала в дверь его номера.

Минуты две никто не отвечал. Она постучала сильнее. Через минуту дверь открылась, и на

пороге появился Макс, мокрый после душа и в одном полотенце. Она сглотнула, совершенно не ожидая подобной встречи.

— Так ты всё-таки пришла, красавица, — улыбнулся он и отошёл, пропуская её внутрь.

— Я тебе не красавица, — прошипела она. — Лицемер.

— И всё такая же страстная, — прошептал он и, миг оказавшись рядом с ней, притянул к себе.

— Отпусти, придурок! Ты весь мокрый! Мне потом ещё по делам ехать. — Оттолкнула его, прожигая Макса недовольным взглядом.

— А сама ты не мокрая, случайно? — Бархат его голоса добирался даже до трусиков, его

пошлые слова плавил её хлипкое самообладание на раз. — Я так люблю тебя мокрую.

— Забудь вообще обо мне. Для тебя я никогда больше не намкну! Никогда в этой жизни!

Даже у шлюх есть гордость.

— Да что ты такое говоришь? — Снова притянул её к себе. — Я же прекрасно помню...

Чем с тобой жестче обращаешься, тем влажней твои трусики. — Его пальцы опустились на её ягодицы, затем указательный дотронулся до промежности. Она судорожно вздохнула

и сильно сомкнула ноги.

— Отпусти меня... — Руки сделали неуверенную попытку оттолкнуть его, но этот черт знал, что делал.

Макс стянул с бедер полотенце и прижался к ней тесней. Его стоящий член уперся ей прямо между ног.

— Сволочь! Ненавижу тебя, — крикнула она и, собрав все силы, толкнула Макса в грудь.

Взгляд, против воли, сместился вниз, на его достоинство.

— Нравится? — Взял член в руку, совершая характерные движения вверх-вниз.

Она не отрывала взгляд от его руки, замороженно наблюдая за процессом его мастурбации.

— Да, нравится. — Подняла глаза к его лицу. — Но от вида Лешиного члена я схожу с ума, теку, как сука. Один его вид может превратить меня в похотливую самку. Ты — так, середнячок.

Лицо Макса ожесточилось, словно сбросило маску.

— Самая настоящая сука. Помнится мне, ты не успевала отжимать трусики, когда я всего

лишь целовал тебя. Ну да, возможно, со стариком трахаться лучше. Не знаю. Не успел он закончить, как его голова мотнулась в сторону, припечатанная её ладонью. Ирина горела от взрывоопасной смеси злости и возбуждения. Она вновь занесла руку,

но

он остановил её, сжимая запястье.

— Не смей говорить ничего о Лёше, подонок, — зашипела, словно змея, ему в лицо. —

Или я убью тебя.

— Убьёшь, обязательно, — сказал он, сжимая запястье сильнее. — Перед этим я

трахну

тебя, снова оставлю на твоём теле замечательные шрамы. А потом ты убьёшь меня, обязательно убьёшь. Кончишь подо мной и убьёшь, — шептал он, касаясь губами её щеки.

Ирина зажмурилась и пнула его между ног. Макс резко отпустил её и согнулся пополам, задыхаясь от боли, сжимая свое достоинство.

— Тварь!

— Именно так. Заткнись и слушай меня. Держи яички крепче, а то у меня что-то нога чешется, может ещё раз случайно подняться, — криво усмехнулась девушка. — Какого чёрта ты зовешь меня и устраиваешь это шоу? Считаешь себя мачо, да? — рассмеялась. — Ты гребаный больной наркоман! И прекрасно это знаешь.

Макс встал, забывая о боли. Молча развернулся и ушёл в ванную. Вышел, одетый в спортивные штаны и футболку.

— Одетым безопасней, да? Решил спрятать своего, всем надоевшего, малыша? —

продолжала издеваться Ирина.

— Хватит, — оборвал её Макс. — Заткнись. Просто закрой свой рот.

— Что, не нравится? А мне плевать. Ты же тоже делаешь только то, что нравится тебе.

Ты

не думаешь о других людях никогда. Только о себе, о своих желаниях. Всегда всеми пользуешься!

— Это нравилось нам обоим, нет? Ну же, скажи, что я вру. Что всё было обманом.

Макс стоял напротив неё, суровый, с непроницаемым лицом. Она отвечала ему тем же,

не

двигаясь и прожигая взглядом, полным ненависти. Он должен подавить её. Показать

ей её

место. Он главный, он мужчина! Яйца у него. Которые, кстати, все еще болели. Но так

не

хотелось применять грубую силу к ней, да вообще, ни к кому. Он устал.

— Я сдаюсь, — сказал мужчина и сел на постель. Ирина удивленно глянула на него, но быстро вернула жесткое выражение лица. Он не проведет её своим спектаклем. —

Хватит, Зара. Я не намерен с тобой воевать... Мне хватило первого этапа войны. Белый флаг.

— На той войне ты не жалел никого. Расправлялся даже со своими.

— О чём ты? — тихо спросил Макс, думая о ребёнке. Вот он, этот момент, чтобы всё узнать. — Скажи...

— Ничего я тебе не скажу. Не для этого сюда пришла, не трепаться с тобой о жизни. Говори, что хотел, и я пойду. — Скосила взгляд на наручные часы. Оставалось чуть больше получаса. Нужно было поторопиться.

— Компромат. Отдай флешку мне.

— Нет. Это всё? — Повернулась, чтобы уйти.

— Сядь, мать твою! — прорычал Макс, всё меньше себя контролируя.

— Успокойся. Выпей таблеточек. А флешку я тебе не верну. Пока тендер не будет у Лёши.

— Как ты её достала? Как?! Она же хранилась в МОЁМ доме! Ты блефуешь. Не верю. Проверить-то я никак не могу.

— О, Господи... Дай ноутбук.

Она вставила флешку и открыла изображения. Макс замер. Все его бабочки вместе...

Его

коллекция, настоящая. И Зара, как главная сутенерша, листала их фотографии перед ним, словно продавала их ему. Он закрыл глаза, проклиная себя за невнимательность и пренебрежительность. Идиот!

— Теперь веришь? — Убрала накопитель в карман. — Ну, все, я пошла.

— Стой. У меня тоже есть кое-что интересное... — Макс взял ноутбук и открыл папку.

— Наслаждайся просмотром, милая.

Ирина ахнула, увидев черно-белые фотографии себя в той страшной комнате. Связанная, ревушая, он рядом... Секс, слёзы, безмолвные крики.

— Ты... Ты — больной. Ты же и себя этим подставишь!

— Себя? Да ладно, крошка. Скажу, что ты любила БДСМ и всё такое. Твой муж знает о тебе всё, так? Думаю, он поверит в это.

Она знала, о чём он говорил. Лёша знал, что она бывшая шлюха. Выходит, что и нынешняя

тоже...

— И что будешь делать? Ещё раз ударишь по яйцам, или будем договариваться?

— Ударю по яйцам. Нам с тобой никогда не договориться. Показывай эти фото, кому хочешь. Лёша поверит мне, я знаю. — Ирина уже была у двери, когда он остановил её словами.

— Зара...

— Не Зара!

— Хватит! Хватит, чёрт возьми. Я хочу сейчас поговорить с Зарой, спрячь эту бешеную суку на время. Что ты делаешь? И зачем тебе эта война? Зачем тебе тендер?

— Мне он нахрен не сдался. Я хочу твоих страданий, твоей боли. Дороже денег для тебя

нет ничего на этом свете, даже человеческая жизнь не стоит в твоих глазах ничего.

Твоя

фирма понесёт ощутимые потери, значит, и ты тоже.

— Тогда тебе станет легче? Ты насытишься?

— А ты насытился моей болью? Тебе хватило моих слёз? — Она бросила взгляд на часы.

— Черт! Я опаздываю! — Оставалось пятнадцать минут. И пробки...

Макс схватил её за руку, просто не хотел отпускать. Ещё чуть-чуть.

— Давай, начнем всё заново? Есть шанс выйти из игры без жертв, без потерь.

Остановись, пока не стало поздно, Зара.

— Уже поздно. Поздно стало тогда, когда ты убил моего ребенка. Жертвы уже есть. И

будут ещё, только уже с твоей стороны, — бросила ему и, вырвавшись из его хватки, открыла дверь.

— Чей это был ребёнок? — крикнул ей в спину вопрос, так сильно его волновавший.

Она замерла. Что ему сказать? Девушка зажмурилась и, не поворачиваясь, сказала: — Уж точно не твой, монстр. Твоего ребёнка в самый раз было бы убить, я бы плакать не стала.

— Тогда проваливай отсюда к черту, дрянь! Надеюсь, ты никогда не сможешь родить такое

же, никому не нужное, отродье, каким являешься сама! — Захлопнул дверь, прислонясь к

ней головой. Ударил кулаком по ней. Опять он сказал то, чего говорить не хотел.

Она стояла за дверью, сотрясаемая крупной дрожью. Снова он бил по самому больному. И

снова кровь по пальцам и вниз...

Но он за дверью не слышал её слез. Злость на себя самого достигла критической точки, и

Макс разнес ноутбук в щепки. Нет больше никакого компромата. Ничего больше нет...

Ирина неслась по улицам Москвы с предельно допустимой скоростью, то и дело надавливая на газ сильнее. Она не успевала на службу! Твою мать! Чёрт! Пробка. Это конец. Она ударила по рулю, проклиная этот день и Макса. Зачем поехала к нему?! Ну, зачем? За новой порцией боли? Пробка затянулась. Девушка надеялась, что служба начнется позже, и она успеет. Наконец, выскочив из пробки, она припарковалась у храма.

Выбежала из машины, забыв повязать платок, и влетела в здание. Служба уже началась...

Подошла к Лёше.

— Пошла вон отсюда, — процедил он. — Ещё и без платка. — Стряхнул её руку со своей.

— Вон!

Ирина вышла, вытирая слёзы. Одно только слово крутилось в голове: «Чёрт!». Стала ждать его у входа в храм. Через какое-то время люди начали выходить. Алексей Викторович вышел в сопровождении работников храма, попрощался с ними и прошёл к машине, игнорируя жену.

— Лёш...

— Ты отстранена от дел компании, — поставил точку в сегодняшнем безумии он и сел в машину, уезжая прочь.

Марина расчесала волосы, нанесла пару капель дорогих духов на шею, критически оглядела себя в зеркало и вышла из ванной. Нервная дрожь была неподвластна ей, абсолютно. Ладони вспотели, она то и делала, что потирала руки или что-нибудь теребила в них. Стефан пригласил её на переговоры. Только тема оставалась для неё загадкой. Она

могла не ехать, но... так хотелось. Девушка убеждала себя, что он действительно хочет обсудить что-то, связанное с бизнесом. Может, у него была девушка, и он хотел устроить

ей сюрприз, купив абонемент? Или что-то в этом духе. Сердце переставало биться, когда

она думала об этом.

— Дура. У тебя есть жених, а ты чуть ли не плачешь от мыслей, что у чужого мужчины может быть женщина, — сказала сама себе, нанося блеск на губы. В третий слой. Мало блеска. Она должна его сразить. Просто так...

Чёрт! Почему же Стефан был ей гораздо родней Вадима, её почти мужа?..

Минут через сорок она стояла перед его номером. Всю дорогу она сомневалась, даже пару

раз разворачивалась назад. Но это было сильнее её. Бой был не равным. Девушка занесла

руку, чтобы постучать, когда дверь открылась. Стефан улыбался ей с порога. Все такой же

галантный, красивый, просто светящийся изнутри. Мысль о том, что он был так рад видеть её, льстила.

— Добрый день, Марина. — Подал ей руку, заводя внутрь.

— Здравствуй, Стефан.

— Ты... — Он замолчал. — Ты просто, как всегда, прекрасна.

— Спасибо, — ответила она, пытаясь прикрыть волосами щёки. Почему она так засмущалась? — Что ты делаешь? — спросила, наблюдая за тем, как он закрывал дверь.

— Чтобы не мешали. — Спрятал ключ в карман. — Проходи, устраивайся поудобней.

Поскольку ещё рано, никакого вина и фруктов — чай и пирожные.

— Открой дверь, Стефан. Что за игры? — Она была взволнована этим его действием.

— Никаких игр. Разве я играю сейчас с тобой, моя фея? Я всего лишь хотел насладиться

твоим присутствием рядом. Я ждал этого три года, Марина.

Девушка встала, не желая ввязываться в эту авантюру. Ведь всё равно проиграет.

Лучше

сразу уйти.

— Не нужно этих речей, Стефан. Я почти замужем. Открой дверь и выпусти меня.

Мужчина подошёл к ней ближе, так, что их лица находились на одном уровне, и прошептал ей в губы:

— Не хочу ничего слышать о твоём почти муже. — Соприкоснулся губами с её губами, не

вторгаясь в её личное пространство, не забирая у неё право выбора. Она была свободна в

своих действиях: ответить ему или нет. И она ответила. Слегка приоткрыла губы и впустила его язык.

Стефан всё также к ней не прикасался, держался из последних сил. Главное — не давить

на нее... Руки Марины обвили его шею, губы не могли насытиться, углубляя поцелуй, жадно требуя ещё и ещё. Самообладание трещало по швам, кожа искрилась, стесненная лишней одеждой. Он сжал руками её талию, не веря, что, наконец-то, мог к ней прикоснуться. Лишь бы это был не плод его больного воображения...

Он потянул молнию платья вниз, быстро снял его, не давая ей шанса возразить.

— Нет, Стефан, стой... — простонала Марина, прижимаясь телом к нему. — Не надо...

Нельзя... Я...

— Ты сейчас молчишь, — отрезал он и, развернув её, расстегнул бюстгальтер. Кинул

на пол.

Девушка стояла к нему спиной и дрожала. Закрыла руками грудь, стесняясь своей

наготы.

Боже, что она сейчас делала...

— Убери руки, — приказал Стефан.

— Нет, — замотала головой Маринка.

— У-бе-ри.

Она всхлипнула и убрала руки, покрываясь гусиной кожей. Его руки легли ей на бедра.

Правая рука скользнула в трусики, нежно поглаживая венерин холмик. Всхлипы

девушки

усилились. Она хотела его, но это было неправильно.

— Нельзя, Стефан.

— Твоё тело говорит об обратном. Оно дает мне карт-бланш делать с ним всё, что я

только

захочу. — Палец окунулся в её влажный жар. Мужчина довольно улыбнулся и сорвал с

неё

трусики, бросив их к остальным вещам на пол. — На кровать.

Она подчинилась и забралась на кровать. Он всё еще был одет. Стефан чувствовал

себя

близким к взрыву. Но он не хотел кончить, только войдя в неё. Чёрт! Какая же она

красивая. На глазах — слёзы, но сама мокрая. Его это взбесило. Пусть признается, что

хочет его!

— Ляг на живот, лицом вниз, чтобы я видел тебя. Раскройся передо мной.

Она медлила.

— Марина, хватит. Хватит бояться чего-то. Ты же видишь, я сейчас взорвусь. Не

искушай

судьбу. Не хочу делать это быстро, только не с тобой, не с моей любимой девочкой.

Сделай, как я прошу.

Всхлипы усилились, но она приняла нужную позу. Стефан втянул носом воздух,

задыхаясь. Вид её поднятой попки и лона, раскрытого, влажного и такого горячего, сводил

с ума. Он начал быстро расстегивать рубашку и брюки, не отрывая взгляда от её

мокрых

глубин ни на секунду. Взгляд поднялся выше, к её волосам, рассыпанным по плечам,

которые подрагивали. Она плакала. Нет, она не могла плакать потому, что он обидел её.

Она обманывала себя. Сейчас он всё исправит. Без всяких слов он резко развернул её

к

другому концу кровати, встал на колени и вжался лицом ей между ног. Марина

вскрикнула. Слёзы покатались по щекам с удвоенной силой. Его руки крепко держали

её

бедра, не давая ей вырваться. Девушка вцепилась пальцами в простынь, выгибаясь,

словно

кошка.

— Боже... Невозможно... Да... — стоны вырывались обрывками фраз из её губ, которые она постоянно закусывала, чтобы не кричать.

Он добавил палец, и она кончила. Стефан залез на кровать и прижал её, плачущую, к себе.

— Не плачь, моя девочка, — шептал ей в волосы, пока она прятала лицо у него на плече.

— Если я обидел тебя, прости меня. За все прости. — Она подняла голову, и он начал осыпать её лицо поцелуями.

Марина отбросила все тяжелые думы и просто отдалась ему. Ему, мужчине, в чьих руках

хотела сгореть, без возможности воскреснуть. Стефан вошел в неё, рыча и сжимая её хрупкое тело своими сильными руками. Безумные толчки в её тело сносили крышу, рвали

мозг на части. Мысленно он уже давно кончил, от одного вида её гладкой кожи, упругой

груди и желания, которое чуть ли не стекало по бедрам. Подумав о том, какой влажной она

была, он толкнулся в неё сильнее. Её отрывочные стоны и крики заставляли его кровеносные сосуды лопаться, а член входить всё яростней в её такое податливое тело.

— Моя девочка. Только МОЯ, — проревел он и кончил в неё, покрывая шею поцелуями.

Она крепко держалась за его шею, позволяя дрожи прокатиться по телу и утихнуть.

Услышав ещё один всхлип, он хотел поднять голову, но она удержала ее на месте.

— Я скучала по тебе, — прошептала, перебирая его волосы. — Очень.

— Я тоже... — сказал он, но его прервал звонок её телефона.

Марина дотянулась до сумки, нехотя выбираясь из его объятий. На экране светилось имя

Вадима. Твою мать! Она потрянула головой, сбрасывая наваждение.

— Алло. Привет, любимый.

Лицо Стефана потемнело.

— Я... Я бегаю по ЦУМу. Начались зимние акции. Хочу шубку найти на сейле, — выдавила из себя улыбку, отодвигаясь от Стефана.

Он протянул к ней руку, но она быстро увернулась и встала.

— Дорогой, конечно, заеду. Ещё в парочку бутиков зайду, и жди у себя. Люблю тебя.

Целую, — сказала и нажала на отбой. — Прости, Стефан. — Повернулась к нему. —

Это

была ошибка. — Нагнулась за одеждой.

Мужчина разозлился. Чёрта с два это была ошибка! Резко схватил её за руку и вернул на

кровать. Она только и успела, что ахнуть, как три его пальца оказались в ней и начали двигаться с бешеной скоростью. Он был сейчас доведен до предела, ярость вырывалась из

него клубами. Она кричала, цепляясь за его руку, пытаясь её убрать. Сжала ноги, но

его

это не остановило. Марина кончила, забившись в его руках. Стефан поднес руку к лицу. С

пальцев стекала влага.

— Только попробуй после этого сказать, что всё произошедшее между нами было ошибкой. Только посмей назвать нас ошибкой после того, как кончила подо мной и не раз!

Она опять заплакала, а он укачивал её, как маленькую.

— Я люблю тебя. Неужели ты этого не видишь?

— Вижу...

— И ты не дашь мне шанса?

— Нет. Я выхожу замуж. Прости. Отпусти, мне нужно ехать.

Марина встала, сбегала в ванную, быстро оделась, взяла у него ключ и, не глядя на Стефана, ушла. Он со злости кинул подушку в стену. Не всё потеряно, они ещё сыграют. И

ход конём он оставит за собой.

Глава 8.

Макс проснулся. Голова была тяжелой, мысли весили тонну, каждая. Черепная коробка вот-вот развалится. Полночи он не спал, думал о ней. Мужчина уставился в потолок.

Опять он её обидел, опять переступил черту дозволенного. Нельзя было так говорить о ребёнке. Нельзя! Он встал, со злостью скидывая одеяло. Моральная усталость превращалась в физическую, тело не хотело ему подчиняться. Макс всё больше чувствовал себя осколком, хаотично плывущим по жизни, постоянно врезавшимся в скалы. Надоело быть одиноким тираном, деспотом, влачащим жалкое существование.

Во

всем была виновата мамаша! Сука, родившая монстра.

— Сама-то сдохла, тварь. А как быть мне? — спросил пустоту, брызгая в лицо холодной водой.

На кого он стал похож? Лицо носило на себе многовековую печаль, в каждой морщине была скрыта боль сотен дней, прожитых в полнейшем одиночестве и безумии, которое заменило ему кровь. Подменило красную жидкость в венах на едкий яд, отравляющий своими парами мозг. Сорок лет. Ему было всего сорок лет. Вся осознанная жизнь

осталась

позади. Сейчас он должен был быть окружен детьми, любящей женой и бабушками с дедушками. А на деле он был окружен лишь беспощадными демонами, что рвали его душу в клочья каждый день и вонзали свои клыки в его плоть.

Зачем он её обидел? Она, наверняка, плакала там, за дверью. Наверняка, стерва сдавала

свои позиции, когда никто не видел. Её слёзы резали его сердце, пускали кровь. Зачем она

так говорила? Она врала. Он был в этом уверен. Не могла его Зара так говорить, даже если

представить на секунду, что он был отцом. Внутренний червь сомнений грыз всё сильнее, не оставляя шанса передумать. Его ребёнок, его Зара...

Макс вышел из ванной, так и не прояснив мыслей, даже с помощью ледяной воды.

Ничто

не могло помочь, только он сам. Выглянул в окно. Лил дождь. В Америке бы в стекло билось солнце, ослепляя яркими лучами. Он думал, что навсегда сбежал из этой холодной

страны, оставил колючую проволоку прошлой жизни здесь. Но солнце другой страны не

приносило ему тепла. Будто и не светило вовсе. Вечный узник собственной жизни. И не сбежать. Зара была права — деньги стали для него всем. Он прятался за купюрами, находя

утешение лишь в их количестве. Но сейчас ему так не хватало её. Её смеха, её чарующей

улыбки, её стеснения и дерзости. Не нужно никакого секса, он готов был стать монахом. В

его возрасте душа нуждалась в покое и стабильности, потребности члена пора было переместить на второй план, а то и на десятый. Почему только член получал всё, что хотел? Душе никогда ничего не перепало...

«Ты же тоже делаешь только то, что нравится тебе. Ты не думаешь о других людях никогда. Только о себе, о своих желаниях. Всегда всеми пользуешься!»

Крупная дождевая капля ударила в окно, и мужчина вздрогнул. Дождь усилился, переходя

в ливень. Холод потянулся по коже. Он, на самом деле, всеми пользуется, никого никогда

ни о чём не спрашивает. Может, поэтому и не получает ответа? Просто потому, что не спрашивает... Капли дождя забарабанили по стеклу, словно пытаясь достучаться до него.

Господи, да он даже Венди нагло использовал. Как последний подонок, кусок отборного

дерьма. Кулак врезался в стекло. Макс чувствовал нечто невообразимое, некий прилив сил

в душе, он был готов совершать добрые дела. Хоть какие-то. Наверное, это и есть просветление. Когда в кромешной темноте твоей души внезапно зажигается свет, да такой, что ослепляет. Режет глаза, но ты не ищешь выключатель, а подчиняешь ему. Достав телефон из кармана брюк, он набрал номер Венди.

— Да, мистер Бекер. Доброе утро.

Ему показалось, или её голос дрожал от неуверенности? Наверное, думает, что он сейчас

пригласит её к себе.

— Венди, я расторгаю наши договоренности.

— Но, мистер...

— Ты меня слышала? Договоренности расторгнуты. Я снимаю с тебя дополнительные обязательства, — сказал он и отключился. Выдохнул. Минус один грех с души.

В дверь постучали. Макс перевел взгляд на неё. Кого там принесло? Пусть уносит обратно! Но проигнорировать посетителя не удалось. Это был отец.

— Макс, головная боль моей задницы, открой! Я знаю, ты там.

Макс чертыхнулся, но открыл.

— Откуда ты знаешь, что я тут? — недовольно спросил он, впуская отца.

— Чувствую по недовольству, которое клубами вырывается из-под двери, — улыбнулся Джек.

— И почему ты Стефана никогда не называешь ни занозой в твоей заднице, ни головной

болью этой самой задницы?! Почему только меня?

— Потому, что он к моей заднице не имеет никакого отношения. Он хороший мальчик, а ты вечно влипаешь в истории. Хотя, он тоже сегодня какой-то раздраженный. Я это ещё

вчера заметил, когда говорил с ним по телефону. Почему я не имею ни малейшего понятия

о том, что происходит в жизни моих сыновей? Почему они переживают лучшие и совсем не лучшие моменты своих жизней в одиночку?

— Может, потому, что им так проще? — огрызнулся Макс. Его раздражение тоже взлетело

до предела.

— Может, я не спорю. Почему ты никогда не давал мне шанса стать тебе отцом? Я рад, что

хотя бы со Стефаном тогда, двадцать лет назад, ты нашел общий язык. А то был бы сейчас

совсем...

— Один! Я знаю. Я был бы совсем один. И это было бы правильно.

— Прекращай распускать нюни! — Джек сел в кресло, а Макс остался стоять у окна. — Что случилось?

— Ничего. Стефан для этого тебя позвал, вправлять мне мозги? — грубил Макс, хоть и сам не знал причин для подобного тона в разговоре с отцом. Просто не было больше сил

ни на что. Хотелось сбросить маску, оставив свою изуродованную душу обнаженной.

— Жаль, тебе не десять лет. Я бы всыпал тебе по первое число. Поверь, ремень из толстой

крокодиловой кожи хорошо приводит в чувство.

Макс едва заметно улыбнулся, снова обращая взгляд к окну. Ему хотелось вырваться из

этих стен, на улицу.

— Ты даже не знал меня, когда мне было десять лет.

— Это неважно. Да, я узнал тебя немного старше, и было уже поздно заниматься твоим воспитанием...

— Да, всё потеряно, — перебил его Макс. — Вырос монстр.

— Почему ты так говоришь о себе? Из-за наркотиков и лечения в клинике? Сущий пустяк!

— Да не из-за наркотиков! Я же был не в курсе, что это наркотики. Просто... вырос монстр. Я знаю это точно, — тихо сказал он.

— Зачем ты вообще пил успокоительное? Ваше со Стефаном «просто так, нервная система

была ни к черту» меня не убеждает. Я ничего о тебе не знаю. Я, твой отец, прошёл три

года настоящего ада с тобой, и даже не заслужил доверия знать, что происходит с моим

старшим сыном?

— С ним ничего не происходит. Ничего! Оставь мою жизнь мне. Я сам разберусь с ней.

— Я люблю тебя, Макс. И мать твою любил.

— Значит, ты ничего не смыслишь в любви, — резко ответил Макс и, подхватив вещи, направился к двери.

— Куда ты, сын? — взволнованно спросил отец, его сердце болело за него. Того явно грызли нехорошие мысли. Как бы чего не сделал.

— На улицу. — Дверь захлопнулась.

Макс вдохнул полной грудью. Свежий воздух немного успокоил его больную душу.

Дождь

только что прекратился, но по нависшим тучам было ясно, что небо еще разразится слезами. Он не знал, куда идти, ноги сами понесли его в нужном направлении. Словно прошлое вело его сейчас к истокам мироздания, туда, где он сможет найти покой. И

ответы

на свои вопросы. Под ногами хлюпали лужи, ветер завывал в самом сердце. Мужчина остановился. Пространство и время остановились тоже, он замер, собирая все

мужество у

себя внутри. Куда же он пришёл? Взгляд скользил по новым десятиэтажкам, красивым домам, лужайкам, детской площадке. Было тяжело видеть это всё, чертовски тяжело.

Он

прошёл к скамейке напротив детской площадки и сел.

Дети катались с горки, строили фигуры из мокрого песка, смеялись и кидались грязью. Кому-то обязательно влетит за испачканную одежду. Голову пронзила резкая боль, шум

в

ушах стал нарастать. Макс закрыл глаза и позволил боли прокатиться по сознанию.

Он играет с какими-то мальчишками, детьми местных алкашей и нищих, они копаются в земле, так как никаких площадок тогда тут не было. Ищут червяков и жуков, ведь

игрушек

тоже не было... Он весь грязный, даже лицо в земляных разводах. Выходит мать и орет

на

него, дает подзатыльник, обзывает и говорит, что он маленькая свинья, которая сорвет

ей

встречу. Тащит его за воротник в дом, которого сейчас здесь нет, в это общежитие для шлюх. Срывает одежду, бьёт, опять что-то орёт, но он уже не слышит, потому что

громко

плачет.

— Скоро придет клиент, а ты, придурок, весь в грязи! — Кидает одежду на пол и

толкает

его в какое-то корыто, наподобие ванной. Обливает водой, трёт губкой, продолжая

сыпать

оскорблениями, которые он не понимает.

Этот ужас заканчивается, и начинается новый. Через полчаса приходит тот самый

клиент...

Глаза Макса распахнулись. Это всё неправда! Этого всего нет. Перед ним сейчас во всей

красе стоял новый, дорогой район, с большой детской площадкой и зеленью. Никаких алкашей, их детей и ненавистных шлюх. Всё пристойно, всё красиво. Отстроили за двадцать лет, снесли его прошлое одним махом. Сердце сдавило болью. В ногу что-то ударило. Он опустил взгляд и увидел футбольный мяч. Малыш подбежал к нему, в нерешительности смотря на незнакомца, у ног которого сейчас лежал его мяч.

— А ну, лови! — весело крикнул Макс и кинул ему мяч, вполсилы, чтобы тот поймал. Мальчуган захихикал, поймав мяч, и убежал к друзьям.

Макс улыбнулся тоже. Пусть у этих детей будет правильное детство, смех и улыбки. Взгляд мужчины остановился на сарае, развалившемся здании, стоящем особняком от этого красивого района. Не может быть... Да это же тот самый киоск! Он встал и направился к нему. Конечно, киоск... Почему его не снесли? Может, в нём жили бомжи? Сердце снова защемило от воспоминаний. Этот киоск стал самым приятным воспоминанием детства. Не будь он мужиком, слёзы давно бы катились по его щекам. Случались у его мамы приступы просветления, когда она плакала и прижимала его к себе. Осыпала лицо поцелуями, гладила по голове и приговаривала, как любит своего сыночка. Просила простить её. На голову Макса упала капля. Ещё одна, ещё. Пошёл дождь, небо бушевало над ним, сталкивая в этот момент прошлое и настоящее,

разрывая

его душу на части.

— Прости, Максюша, сынок, прости меня. — Слёзы текли по её щекам, она прижимала маленького мальчика к себе.

— Не плачь, мама, — утешал её он, душа ребенка была чиста, он не держал на неё обид.

— Это всё он. Он заставляет меня! Но я люблю тебя, люблю, сыночек. — Поцеловала в макушку. — Пойдем в киоск, жвачку купим? — улыбнулась она, притягивая его к себе ближе.

— Конечно! Мятную или апельсиновую? — радостно воскликнул он и слез с её коленей, натягивая куртку. — Пойдем быстрее, мама! А то, ещё раскупят.

Мятная или апельсиновая, а ещё малиновая и кофейная. По сорок копеек. Макс стоял

под

дождем и смотрел невидящим взглядом на киоск. Он помнил, как не мог увидеть содержимое витрины, поэтому приходилось подпрыгивать. Он всегда точно знал, где лежала заветная упаковка любимых пластинок. Сорок копеек. Сейчас сорок тысяч долларов ничего для него не значат... А ещё там был ромовый шоколадный батончик за двадцать копеек, и даже иногда, в моменты невообразимой душевной доброты, ему перепала «Аленка» за рубль восемьдесят.

Дождь усилился, он уже промок до нитки. Холод пробирал до костей, но это был

другой

холод, не физический... Душевный. Мужчина развернулся и побрел прочь от этих мест,

от

своего прошлого. Достаточно на сегодня боли. Ему хватит этой боли на две жизни

вперёд.

Вот почему он так обижал свою Зару и всех остальных бабочек. Свою любимую

женщину

он обижал, а теперь не знает, как жить дальше. Отец говорил ему о своей любви, а он снова показал ему, какой он маленький мальчик. Макс до дрожи захотелось поговорить с

отцом. Чёрт, он вынес столько боли рядом с ним, держал его за руку вместе со Стефаном, когда он буквально распадался на части. И что же он дал взамен самым дорогим людям?

Зайдя в отель, мужчина быстро поднялся на свой этаж, но потом решил не тратить драгоценное время на переодевание. Нужно было срочно идти к отцу, пока не пропал настрой. Не успел выйти с этажа, как чья-то сильная рука рванула его назад и припечатала к стене.

— Какого хера ты опять творишь?! — злился Стефан, испепеляя Макса взглядом.

— Отпусти! И скажи, что тебе надо, без всяких причитаний. Я спешу.

— Куда ты спешишь, грёбаный извращенец? Нашел новую дырку для впихивания члена?

— Заткнись, Стеф! — Оттолкнул его от себя. — Не хочу бить тебя при всех. Поэтому понизь тон и скажи, что тебе нужно, черт возьми.

— Почему Венди зашла сегодня ко мне трясущаяся и вся в слезах?

— Не знаю.

— Я знаю! Потому что ты уволил её с должности своей личной шлюхи!

— Не твоё дело, — упрямо сказал Макс. — Следи за своим членом, братишка.

— Я, как раз таки, слежу. Как ты мог так с ней поступить?

— Да что такого? Ну, не хочу я её больше трахать. Дальше что? Конец света случился?

— Она думала, ты её таким образом уволил совсем. Венди столько лет являлась твоим секретарем, и ты, все равно, поставил желания своего больного х*я выше всего!

— Не ори, — зашипел Макс. — Не твое собачье дело. Она может возвращаться на работу, я её не увольнял. Передай ей это и подотри, заодно, слезки.

— Она не вернется. Я перевел её в свой отдел.

— Наср*ть. А теперь отвали, Стефан. — Макс прошёл мимо него, торопясь к отцу.

Стефан

завел его, он был зол.

Постучал в дверь, услышал приглушенное «войдите» и вошёл, точнее, влетел, будучи мокрым, злым и взведенным.

— Сын, ты чего...

— Я тоже люблю тебя, отец, — выдохнул он, бросая на пол мокрую верхнюю одежду и все вещи.

Джек был ошарашен. Он даже не успел придумать, что ответить, и открыть рта, как

Макс

продолжил.

— Просто люблю, отец, хоть и никогда не говорил об этом. Я думал, что не умею любить.

Но я абсолютно точно уверен, что люблю тебя и Стефана. Это именно любовь. Наверное, пришло время произнести эти слова впервые в жизни? — вымученно улыбнулся Макс, опять подходя к окну. Он сейчас был далеко отсюда, причём, на много лет назад.

— Ты для меня загадка, сын. Что с тобой происходит? — Замолчал. — Ты любишь её,

— с

легкой улыбкой констатировал он.

Макс хотел возразить или прикинуться дурачком, будто не понимает, о чём отец говорит.

Но вместо этого качнул головой, словно сбрасывая вековую тяжесть с себя. Для Джека этого мимолетного, но искреннего жеста было достаточно, чтобы всё понять.

— Расскажи, что происходит у тебя на душе. Не таись. Я всё пойму, на то я и отец, — сказал он, взглядом приглашая сына к разговору.

— Что ты хочешь услышать? Что маленький, обиженный мальчик не дает мне жить? Что он каждый день плачет и требует мести? Что он ненавидит свою мать? Ты хочешь услышать, что сорокалетний мужик запутался вконец и не знает, как найти выход?

— Хочешь вернуть всё назад?

— Да, — не колеблясь, ответил Макс и ощутил эту непоколебимость, эту твердость внутри.

— Жалеешь, что не остановил её от этого шага? Дурак ты! Позволил женщине решать, жить твоему ребёнку или нет! А после валялся в больнице под капельницей!

Твою ж мать... Как было стрёмно врать отцу, но такова была официальная версия. Зара сделала аборт, а он её не остановил, даже посодействовал.

— Мы думали, что это не мой малыш...

— Что значит «думали»?! Думать ты так и не научился, сын! Как вы поняли, что это не ваш ребёнок? Ты увидел его лицо у неё в животе, она призналась, что спала с другими мужчинами? Или что? Чем ты думал? Все эти три года я не могу услышать вразумительного ответа.

— Просто так вышло, и всё. Какая разница, как, почему и зачем? Ребёнка нет, её тоже. Ничего нет, — голос Макса сел.

— Эх, я и не услышу этот вразумительный ответ. Хватит жевать сопли, ничего вкусного

и

полезного в этом нет. Действуй, черт возьми! Чего ты ждешь? Пока она родит мужу?

Мужчина поднял удивленный взгляд на отца.

— В смысле «действуй»? Что мне делать? Просить её развестись? Она не захочет больше

никогда меня видеть в своей жизни...

— Да почему?

«Потому что я убил её ребенка!» — кричал про себя Макс.

— Просто... Я уверен в этом.

— Вздор! Прекращай. Всегда проще ныть. Сопли мотать на кулак проще, понимаешь? Встань и сделай шаг ей навстречу. Отдай ей тендер.

— Что?! — Макс подскочил. — Ни за что! О чём ты говоришь, отец? Совсем к старости сентиментальность одолела? Это и твоя фирма тоже, между прочим!

— Плевать мне на фирму. Какие мои годы, скоро уже помру. И перед смертью я хочу знать, чёрт возьми, что не фирма моя процветает, а мой сын счастлив!

— Ты не понимаешь, о чём говоришь, — покачал головой Макс. — Бред...

Но червь сомнений уже взял бензопилу и принялся пилить его на части. Он хотел бы вернуть её, до дрожи в пальцах, до звона в ушах и помутнения в глазах. Просто хотел

её.

Назад, в свою жизнь. Хотел отмотать всё, как киноленту. Дать им шанс. Может, она бы
родила ему сына или дочку? Господи, грёбаное время, которое нельзя было вернуть
назад!

Но оно тягучей, вязкой субстанцией струилось по пальцам, превращаясь в песок и
утекая

навсегда, унося в своих крупицах все надежды на светлое будущее, которым не
суждено

было сбыться.

— Ты прав, отец. — Он повернулся к нему. — Прав! Я просто отдам ей все самое
дорогое.

Ведь она так думает. Думает, что важнее денег в моей жизни ничего нет. И она права.

Была. Теперь есть. — Что с тобой? Тебе плохо? — Отец держался за сердце, лицо
исказила

grimаса боли.

— Нет, нет, все нормально. Уже второй день сердце пошаливает. Не обращай
внимания, надо мне будет опять на Гоа слетать. Чтобы никого, кроме краснозадых макак на
пальмах, не видеть, — слабо рассмеялся Джек. — А я, действительно, прав. Сделай так,
как я

говорю. Вот увидишь, что я не ошибся. А фирма... Фирма фирме рознь, можно ещё одну
основать, но найти новую любовь — невозможно.

Макс был настолько воодушевлен, даже окрылен этой идеей, что его мало волновал
проигрыш, который ударит по фирме и репутации в глазах других людей. Он отдаст всё
своей любимой бабочке, лишь бы она снова была с ним. И на добровольной основе.

— Вот видишь, сын, иногда нужно просто открыть глаза, чтобы увидеть свет. — Джек
мягко улыбнулся ему, отцовское сердце пело от радости за сына.

— Я люблю тебя, отец, — произнес Макс, смотря на него доверчивым, радостным
взглядом. — За всё. За то, что дал мне жизнь. Именно жизнь, а не то жалкое
существование, которое я влачил раньше. За то, что спас меня, когда я водил хороводы

с

чертями в клинике, за то, что... Был мне отцом, хоть я это всегда отрицал. Не перебивай,
пожалуйста, — остановил его. — Ты хотел внука, в отличие от меня — монстра, который
даже не плакал по своему ребёнку. Сейчас ты открыл мне глаза, просто пнул меня
навстречу свету. И я не подведу тебя... Папа.

— Сын... Не хочу ничего говорить. Слова — пустое. — Он подошёл и обнял Макса. Тот
замер, абсолютно не дыша, все клетки тела застыли. Похлопал по спине и отпустил. На
глазах Джека выступили слезинки, он их аккуратно стёр. — Всё, иди, готовься. Завтра
идем к ней.

— Но, отец...

— Иди, говорю! Ещё я буду плакать при тебе.

Макс вышел, выпав из реальности. Что сейчас произошло? Боже, да это было первое в
его

жизни проявление нежности... Он зашёл в номер и сел на кровать. Завтра они идут к
Заре.

Завтра он сделает этот роковой или спасительный для него шаг.

Ирина со злостью захлопнула крышку ноутбука. Бесило всё! Ещё чуть-чуть, и шторы воспламенятся. Воспламенится она сама. Лёша уволил её! ЕЁ! Свою жену. Всего-то за то, что она опоздала на службу, в этот долбаный храм! Девушка выгребала документы и прочие вещи из шкафов, с яростью закидывая их в коробки. Уволил! Она раздраженно сдула челку, так нагло лезшую в глаза, и продолжила бросать журналы и бумаги в коробку.

— Ирина Валерьевна, до вас не может дозвониться Алексей Викторович, — в дверях появился Сергей, помощник мужа.

— Мне плевать, — огрызнулась она. — Закрой дверь с той стороны!

— Но...

— Оглох?!

Она провела по экрану смартфона пальцем, снимая блокировку. Несколько пропущенных

от Лёши. Пошёл к чёрту! Не будет отвечать, и перезванивать тоже. Трахается с этой французской сукой, а на неё ещё орёт и увольняет. Девушка остановилась, села в кресло и

устало откинула голову на подголовник. Господи, как она устала. С Лёшей совместная жизнь пошла прахом, просто трещала по швам. Они делили жилплощадь, не более... Он был прав, она знала это. Её не тянуло к нему магнитом, не срывало тормоза при виде собственного мужа. Зато при виде Макса энергия всполохами вырывалась из неё, беснуясь

и взрываясь.

— Ты просто больна... Зара, — пробормотала себе под нос и вздохнула. Она уже настолько запуталась в паутине этого безумия, что просто не знала, как поступать, во что

верить и как жить.

В дверь постучали. Ну, сейчас Сергей нарвется на взбучку. Честное слово, нарвется!

Ирина резко встала с кресла, направляясь к двери. Рванула её на себя и сказала: — Сереж, ты тупой такой?! Сказала, НЕ БЕСПОКОИ... Ой. Мистер Дэвидсэн? — Её глаза округлились. — Что вы здесь делаете?

— Зара, дорогая, рад тебя видеть! Как жизнь? Как дела?

— Проходите для начала в кабинет, — пригласила его внутрь. — Эм... дела у меня отлично. А у вас?

— Ты, наверное, хочешь знать, что я тут делаю? — ласково произнес он, устраиваясь на диване. — Приехал повидать сыновей. Вот к тебе решил заглянуть. А ты сильно изменилась, Зара.

— Меня зовут Ирина, и попрошу не забывать об этом. Да, изменилась. И мне, всё же, не очень понятна цель вашего визита. — Ей еще нужно было вещи собрать, не до болтовни.

— Я так понимаю, тендер?

— Ты правильно понимаешь, милая. — Джек загадочно ей улыбнулся. — Именно

тендер.

— В таком случае, не о чем нам с вами говорить. Я не могу повлиять на решение комиссии, кому достанется, тому достанется. Джек, извините, но я сейчас немного занята.

— Конечно. Мой визит не продлится долго. — Макс уже отправился к её мужу с разговором об отказе от тендера.

Ирина смотрела на него с непониманием. Это наглость, или он не понимает намеков?

Она

хотела возразить ему, но дверь открылась, и в кабинет вошёл Макс.

— Добрый вечер, Ирина Валерьевна.

— Очень добрый, мистер Бекер. Что происходит? Что вам нужно? Встреча не была назначена. — Как же ей не хотелось, чтобы они узнали об её увольнении. — И сейчас я

не

могу с вами разговаривать. Повторюсь, я занята.

— Мне нужен ваш муж, — ответил Макс, на удивление спокойно и сдержанно. Он не пришёл воевать с ней или ругаться.

— Он отсутствует.

И она даже не знала, где он был... Это стало нормой.

— Макс подождет вашего мужа в приемной, а мы пока побеседуем, — твердо сказал Джек, и Макс, все поняв, вышел.

Ирина вообще ничего не понимала.

— Джек...

— Ирина, прекрати. Я просто хочу вспомнить былое, поговорить.

— Вспомнить былое, значит? Ну, хорошо, вспоминайте. Как я вам не понравилась с первого взгляда, как вы меня невзлюбили. Не знаю, что на вас нашло потом, да меня

это и

не волнует.

— Знаешь, Ирина, правильно ведь невзлюбил, — казалось, в его голосе сквозила обида на

неё.

— Что?! Нет, это даже не смешно. Не хочу более ничего слышать. Ждите моего мужа с вашим сыном в приемной.

— Конечно, не хочешь! И внука моего выносить и родить ты тоже не хотела. Лишила Макса возможности стать отцом! Почему ты решила за двоих? — сказал Джек и

замолчал, выравнивая дыхание. Сердце опять стало барахлить. Сдавливало не по-детски. Придется

навестить местную клинику.

Ирина задохнулась, он не просто ударил её под дых, а нокаутировал, убил. Что за чушь он

нёс?! Этот придурочный старик?! Буря злости охватила её окончательно. Она швырнула

со стола папки и, опершись на него, прошипела, сгорая от ярости: — Заткнитесь, жалкий лицемер! Или я выцарапаю вам ваши лживые глаза и вырву

поганый язык!

— Зара, дочка...

— Заткнитесь, я сказала! Я вам не дочка, подонок! Значит, это я не дала монстру стать отцом? Я, да?! — Она ударила по столу и, обойдя его, остановилась напротив Джека.

— Он вам так сказал?

— Да... А что...

— Он, он убил мою дочь! Он притащил меня в больницу, где эти убийцы вкололи мне снотворное и убили мою девочку, — голос сорвался на хриплый шепот, глаза, против воли, увлажнились. — Ненавижу его! И вас! За то, что усыновили это отродье!

— Зара... Нет... Что ты говоришь? Ты врешь!

— Да, я вру. — Ирина положила руки на живот. — Я вру. Нет, не вру! Я до сих пор говорю

со своим ребенком, когда никто не видит. Я до сих пор вижу её во сне. Она снится мне каждый день, плачет и смеется. Она так похожа на меня... Ваш сын — больной придурок!

Он принимал все это время наркотики и после убил своего малыша!

— Он говорил, что ребёнок не его, и ты знала.

— Это его ребенок... Был.

— Не верю, — тряхнул головой мистер Дэвидсэн. — Мой сын не мог. Он не ангел, но и не...

— Демон! Вот, кто он. Дьявол во плоти, исчадие ада! — орала она, заступив за все рамки, разорвав все сдерживающие факторы. — Это всё его мать-шлюха, да? Поэтому он ненавидит женщин? А вы во всем ему потакаете. Дали чудовищу в руки власть, деньги, статус в обществе, а он распоряжается людскими жизнями, как монетами. Орел или решка. Кому повезёт?

Джек молчал. Его глаза метали огни, а душа трещала по швам, нервы высоковольтными проводами замыкались в сердце. Его сын не просто так попал в больницу, чуть ли не с диагнозом помешательства. Это была не ошибка. Его сын оказался монстром...

— Зара... — начал он, но боль хлыстом ударила по сердцу. Не выдержало оно.

Мужчина

издал глухой стон и схватился за сердце.

— Что с вами, мистер Дэвидсэн? — испуганно спросила Ирина.

— Всё хор... Ай... Сердце...

— Что делать? Нужно вызывать скорую? — Она стала суетиться, панические мысли мешали мыслить трезво.

— Таблетки... в кармане... внутри пиджака...

Девушка потянулась к нему, но внезапно остановилась, пригвожденная к месту. Слова другого мужчины сейчас резали керамическим ножом её душу, кровь окрашивала пол.

«— Тогда проваливай отсюда к черту, дрянь! Надеюсь, ты никогда не сможешь родить такое же, никому не нужное, отродье, каким являешься сама!»

Он сказал, что это она убила малыша... Подонок. Взгляд переместился на Джека, корчившегося от боли. Таблетки... внутри пиджака... Нет. Она подняла глаза на него, замороженно следя за мучениями пожилого человека. Кровь за кровь. Жизнь за жизнь.

— Дай таблетки, дочка... — прохрипел Джек, протягивая к ней руки.

Она отстранилась назад и покачала головой. Нет. Его рука упала, он перестал издавать

звуки боли и просто посмотрел на неё. Это был конец, он ясно понял, что она не спасет

его. Сын убил ребёнка этой женщины... Мужчина сделал легкий, почти невесомый качок головой, в глазах — понимание мотива её поступков и раскаяние за поступки сына.

Боль

давила прессом, плюща кровеносные сосуды, но было плевать. Перед смертью узнать,

что

его любимый сын запачкал свои руки кровью... «Как же так, Макс?» — последняя

мысль

проскочила в хаосе мыслей, вызванном болевым шоком перед тем, как боль взяла верх

над

разумом, и Джек закрыл глаза навсегда.

— Ирина Валерьевна, так, где же, всё-таки, ваш муж... — Макс, радостный и в

приподнятом настроении, появился в дверях. — Отец!!! — Кинулся к нему. — Что с

ним?!

Ирина смотрела в одну точку, застыв, словно изваяние. Джек умер. Долг мести был

отдан.

Она не слышала, как Макс обращался к ней, звал её и непрерывно щупал пульс отца.

Око

за око. Жизнь за жизнь. И снова её душа была забрызгана кровью... На заднем плане

раздавался срывающийся голос Макса: «Отец, твою мать, отец! Где эти гребаные

таблетки?! Твою мать!!! Держись... Держись... Держись! Дыши! Господи... Дыши... »

Что он там делал?.. Внезапно его сильная рука рванула ее, вырывая из транса.

— Если он умрет, я убью тебя, тварь!

Глава 9.

Холод забирался под кожу, которая вся была покрыта мурашками. Теплая ткань пальто

не

согревала, лишь раздражала ещё больше. Ирина потёрла руки через рукава пальто,

тем

самым справляясь с эмоциями. Как же она была слаба внутри. Уверенная поступь,

цокот

высоких каблуков, высокомерный взгляд из-под густо накрашенных ресниц и пустота в

глазах, что была замаскирована обманчивым блеском линз. Давно ли она видела свои

настоящие глаза? Глаза убийцы... Тряхнув головой, девушка взялась за ручку дверцы

автомобиля, но не хватало сил её открыть. Нужно выстоять. Следующий ход. Чертова

дрожь! Она коснулась ключей в руке. Может, завести машину и уехать, ко всем чертям,

отсюда? Плясать на могиле старика было неправильно. Не по-человечески. Но ударить

ещё раз по Максиму хотелось так сильно, что все моральные принципы и установки

летели в

Тартары.

Рука сжала ключи и открыла одним уверенным движением дверцу. Резкий порыв

осеннего

ветра ударил в лицо, словно давая ей пощечины. Листья под ногами взметали вихри и

опали в лужи. Она закрыла машину и, ещё раз поправив меховой ворот пальто,

двинулась вперед. Людей было мало. Звенящая тишина стала погребальной мелодией

этого дня. Лишь свистящие стоны ветра заполняли её душу, смешиваясь с надрывной

скрипкой и плачущим фортепиано. Мелодия боли и грусти, липкой ненависти и

безразличного сожаления.

Он стоял к ней спиной. Следил за процессом выкапывания могилы. Один. О чём он думал? Об отце, конечно... Как сильно ему было больно? Так же больно, как было ей, когда он убил её малыша? Если да, то жаль ей не было. Или, всё же, чуть-чуть...

— Что ты здесь делаешь?! — злой голос выдернул её из мыслей. — Я спрашиваю, что ты

здесь делаешь, убийца?! — Макс протянул к ней руку, желая схватить её и просто задушить, но вовремя остановился.

— Пришла выразить свои соболезнования, — ехидно ответила она, проглатывая ком в горле. Дышать становилось всё трудней. Он же был рядом. Такой несчастный...

— Сдохни, сука, — прошипел ей, наклоняясь ближе к лицу. — Сдохни в адских мучениях.

— В каких сдох твой отец? — нервно рассмеялась.

— Это правда... Ты могла спасти его. Просто не захотела этого сделать.

Его голос был насквозь пропитан скупыми мужскими слезами, которые навсегда остались

в нём и умерли. Глаза сияли ярчайшей пустотой, её отблески придавали зрачкам мужчины

зловещий свет. На что способен человек, лишившийся всего?

— Я не могла. У него отказало сердце. Всё. Я не Бог, чтобы вытаскивать с того света больных стариков. Не Мать Тереза, понимаешь?

— Как ты смеешь говорить о Боге, убийца? — Он повторял это слово снова, чтобы она прочувствовала в себе то злобное существо, которым она стала. — Я до последнего надеялся, что он выживет. До последнего верил, что ты не могла ничего сделать, не успела. Но никакие деньги не спасли его...

— Теперь ты понял, что жизнь бесценна? — перебила его и подошла ближе. — Понял, что

жизнь дается нам свыше, и мы не вправе её забирать? — Её губы почти касались его. — Узнал, каково это, лишиться жизни?

— Узнал. Мы оба остались ни с чем, да? Мы оба потеряли частичку себя в этой жизни. Теперь ты успокоишься?

— Я и так спокойна.

— Вижу. В душе светло и радостно от осознания убийства моего отца?

— Я не убивала его...

— Заткнись, тварь. — Он сжал пальцами её подбородок. Обрывки души сейчас догорали в

адском пламени боли, издавая смрадный запах по всей брюшной полости. — Или я убью

тебя собственными руками, разорву на части, придушу! — Отпустил её, делая шаг назад.

Ирина часто дышала, пораженная его поступком. Тут же были люди...

— Придуши, подонок! Надеюсь, твой папаша горит в преисподней, платит за все грехи!

И за твои тоже.

Желваки на лице Макса заходили, руки сжались в кулаки.

— Надеюсь, твоё не родившееся отродье — тоже! Пусть горит в аду за мать-шлюху!

Пощечина не заставила себя ждать. Она опять занесла руку, желая расцарапать его лицо, но её остановил Стефан. Он выглядел ещё более несчастным. Постарел на несколько лет...

Её сердце ёкнуло. Ему она не хотела причинить боль.

— Убери свои руки, сучья дочь! — Он сжал её запястье до боли. — Ты должна быть сейчас на его месте! На месте моего отца!

— Отпусти! — Пихнула его, отходя от братьев. Они хотели её крови, это было видно по их глазам. Но и она так просто не отступит.

— Ваш папаша поплатился за то, что сделал ошибку в прошлом! Усыновил вас — уродов!

Одного, так точно, — метнула взглядом искры в Макса.

— Заткнись, ради бога. Заткнись! — проревел он. — Отойди, Стефан. Всё равно похороны, места и ей хватит.

— Тогда ты умрёшь вместе со мной, сволочь! Встретишься там со своим папашкой. И мамашей. Шлюхой! Ненавижу тебя! И не жалею, что не дала таблетки твоему отцу. Туда ему и дорога.

— Тогда какого черта ты тут делаешь? — спросил Стефан, мрачней на глазах. — Какого

чёрта твоя нога сейчас наступает на эту землю? Где скоро будет похоронен мой отец?!

— А такого! Хотела посмотреть, как твой ублюдок-брат будет плакать. Хотя, нет, простите.

Монстры плакать не умеют!

Ирину опять кто-то потянул за руку. Марина. Что она-то здесь делала?

— Замолчи, — твердо сказала та, оттаскивая её от Стефана и Макса.

— Что ты делаешь, Марина?

— Закрой рот. Во что ты превратилась? Это ПОХОРОНЫ. Понимаешь? Ты понимаешь, что творишь?!

Она уволокла её подальше от разъяренных мужчин.

— Понимаю! И...

— Замолчи. Умер человек. И врачи говорят, что ты могла его спасти. Что было время, таблетки могли помочь. — Она ткнула пальцем в девушку. — Ты могла помочь.

— Тебе-то что? Это из-за Стефана, да? Спишь с ним, теперь меня отчитываешь?

Марина отшатнулась от неё. Где была её Зара? Что эта дьяволица сделала с ней?

— Умер человек, — прошептала она. — Умер. Пойми, он умер. Его убила ты. Причем тут Стефан? И не смей меня попрекать тем, что я сплю с ним!

— Плевать. Умер и умер, — равнодушно продолжала Ирина. Она не покажет слабость.

— Зачем ты приехала сюда? Добить их?

— А ты зачем тут? Хочешь утешить одного из братьев после мероприятия? — рассмеялась

девушка. Она сама не знала, что на неё нашло, но яд так и лился изо рта.

— Я бы ударила тебя, но я не базарная баба. В отличие от некоторых, — сказала Марина и, развернувшись, пошла прочь, к Стефану.

Он стоял спиной к ней, смотря, как рабочие копают могилу. Для его отца... Она не

решилась положить ему руки на спину и обнять, Вадим ждал в машине.

— Кхм... Стефан.

— Марина... Вот и замкнулся круг. Джек столько мне дал, сделал из меня человека, вытащил из полного дерьма...

— Я соч...

— Он стал мне отцом, хотя я своего никогда не знал. Он дал мне брата. Да, ужасного, несносного, но, тем не менее, самого дорогого и близкого на свете человека. Он дал двум одиноким душам уют... А теперь его нет, — монотонно говорил мужчина, чтобы не дать чувствам проскользнуть в голосе. Попытался взять её за руку, ведь ему так нужна была поддержка любимой женщины, но она убрала руки.

— Я не могу, прости. Вадик ждёт меня в машине. Мне уже пора. Я... не знаю, что сказать.

Соболезнования, сочувствие, да. Я хочу тебя поцеловать, обнять, держать в своих объятиях, пока боль не перестанет душить, но я не могу.

— Я помню. Ты чужая невеста, — горько усмехнулся он. — Иди, тебя ждёт жених.

— Мы обязательно встретимся. Всё будет хорошо, — произнесла Марина и, развернувшись, ушла.

— Конечно...

Отец умер, любимая женщина уходила сейчас. Всё будет хорошо, как же иначе?

Ирина вернулась домой. Напряжение-таки замкнулось на ней. Казалось, будто сердце болело. Боль была фантомной, но она её ощущала. Чертов дождь барабанил по лобовому

стеклу, отдавая барабанной дробью в голове. Когда это всё прекратится? Когда прекратится этот дождь? Это дерьмо? Эта жизнь... Она вышла из автомобиля и направилась в дом. Ноги ломило, они не хотели её слушаться. Мозг посылал сигнал нервам — нужно идти, но не было сил. Хоть ползи. Подставив лицо под капли дождя, девушка закрыла глаза. Вода потекла по лицу, смывая маску. Глина сейчас стекала вниз, отваливалась комьями. Она чувствовала это. Плакать не хотелось. Не было на это сил.

Банально, не было сил...

Дома стояла мертвая тишина, которая начала её раздражать. Опять Леши не было дома? Да

где он был?! Кинув сумку в прихожей, сбросила сапоги и пальто, нервно сдернула платок с

головы и затолкала его в шкаф. Прошла на кухню. Никого. На столе стояла чашка с теплым кофе. Он не выпил его. Значит, был дома. Ирина обошла все комнаты первого этажа, но мужа нигде не было. Она нашла его на втором этаже, как всегда, в кабинете.

— Привет. — Вошла в кабинет, он опять забыл закрыть дверь.

В ответ — молчание.

— Ты даже не поздравляешься со мной?

— Как мне с тобой здороваться? Я теперь даже не знаю, — ответил Алексей сухим тоном, почти игнорируя её.

— В смысле?

— В смысле, мне обращаться к тебе, как к убийце, твари, конченной суке? Как? —

Поднял

на неё стальной взгляд.

— Не смей меня оскорблять!

— Я не смею. Ты сама себя оскорбила всеми возможными способами. Опустила —

ниже

некуда, изваляла в грязи. Кровь с рук не смыть, просто знай это.

— Я ничего не делала...

— Хватит! — громогласно сказал Алексей и стукнул по столу кулаком. — Не хочу слышать твои лживые речи! Убийца! Моя жена — убийца. Бог, явно, что-то перепутал.

Он

наказал не того человека. Что я сделал, за что он послал мне тебя?

— Не говори так...

— Замолчи! Сейчас я скажу всё, а ты слушай. Убив старика, ты отдала долг мести?

Теперь

ты можешь быть счастлива? Иди, строй с ним отношения, любовь, вы оба по шею в дерьме. Купайтесь в нём, наслаждайтесь запахом гниения, что исходит от обоих.

Чувствуешь этот смрад? Это твоя душа! Посмотри на свои руки, они все в крови. Как,

как

ты могла сидеть и смотреть, когда его отец умирал?! Я бы понял, если бы умер Макс.

Но

его отец! — Мужчина закрыл на секунду лицо руками, восстанавливая контроль. — Ты УБИЛА человека. Никакого осознания, да? Тебя ждет ад, — покачал головой.

— Да ср*ть я хотела на твои ад и рай! Слышишь? И на твоего Бога тоже! Где он был,

где

прохлаждался, когда те убийцы душили моего ребёнка?! Где он был, мать твою? В

каких

райских куцах он сидел?

Алексей подошёл к ней вплотную и заглянул в глаза. В них стояли слёзы.

— Ты должна была похоронить своего малыша один раз и отпустить. Но ты выбрала

путь

смерти. Думаешь, твоя дочь сейчас на небе гордится своей матерью-убийцей? Бог

давно

отвернулся от тебя, значит, ты была того достойна.

Слезинка скатилась по её щеке. Она дрожала, но не отводила от него глаз.

— Мой отец умер от сердечного приступа. Меня не было рядом, меня вообще не было в стране. Но если бы я имел всего один крохотный шанс спасти его — я бы отдал свою жизнь. Не задумываясь, я бы отдал ангелам всё, что бы они не попросили за его жизнь. Моя мать умерла от рака уже около десяти лет назад, а я каждый день говорю Богу,

что он

мог забрать у меня всё, деньги, здоровье, всё, но только не мать. Только не моих родителей. Ну, да, что ты можешь знать о родителях? О любви в семье? Есть ли в тебе

хоть

что-то человеческое?

Девушка не могла говорить, только слёзы текли по щекам.

— Да, он монстр. Он забрал у тебя самое дорогое, что может быть у женщины. Но Макс болен, у него явные проблемы с головой. Этого не видит только слепой. Его болезнь

совсем не означает непереносимое прощение, но можно его понять. А ты убила Джека осознанно. Считай, взяла нож и перерезала ему горло.

— Нет, — замотала головой. — Нет.

— Да! — Алексей взял её за руки и поднял их к лицу. — Видишь на них кровь? Этими ухоженными руками ты свернула старику шею!

— Я не делала этого, — заплакала Ирина.

— Хватит, прошу тебя! Я знаю, что сказали врачи. Время сыграло против него. Если бы помощь была оказана вовремя, всё могло обойтись. Но помощь сидела рядом и скалилась, говоря про себя с дочкой, да? Говорила ей, что теперь она отомщена? Скажи, меня ты тоже

можешь убить? Мне бояться спать рядом? Бояться поворачиваться к тебе спиной?

— Что ты говоришь такое... Нет!

— Уйди. Не хочу видеть тебя.

— Лёш...

— Вон! — проорал он, отталкивая её от себя.

Ирина выбежала из кабинета и закрылась в своей комнате. Села в угол и заплакала. Как же

больно. Господи, как больно!

Так она и просидела до позднего вечера. В окно уже смотрела луна, отбрасывая зловещую

тень. Лёша больше не показывался, а боль душила всё сильнее. Накапав себе двойную дозу успокоительного, она сняла одежду, да так и уснула. Сон пришёл быстро, благодаря

лекарству, но спокойствия в нём не было.

Чёрные тучи густой ватой заполнили небо, закрывая собой солнце. На мир опустилась тьма. Тёмные духи сновали из стороны в сторону, смеясь уродливыми ртами. Их лица прорезали резкие линии, а глаза светились белым светом. Руки с ужасными когтями тянулись к ней, но не доставали. Они издавали такие жуткие, пронзительные крики, что хотелось закрыть уши. Неожиданно в центре этого безумия показался Джек. Бледный, похожий на духов. Его рот растянулся в мерзкой улыбке, а губы прошептали: — Убийца!

Раздался детский плач, и девушка подскочила на кровати. Голова сейчас отправлялась

в космос и не выдерживала нагрузки. Уши разрывало от воспоминания об этих криках. Она

закрыла их руками и начала раскачиваться. Плач ребенка преследовал её часто во снах, но

Лёша тогда был рядом. Он успокаивал. Сейчас не было никого. Только кровь и она, месть и её мертвая душа.

— Почему ты плачешь? — закричала она. — Я отомстила за тебя! — Слезы прорвали плотину и затопили подушку, в которую она уткнулась лицом. — Я же из-за тебя запачкала

руки кровью, — прошептала девушка. — Из-за тебя... — Её сотрясали безудержные рыдания.

Она убила человека. Живого человека. Отомстила за мёртвую дочь, которая никогда и

не

жила. Мир рушился, придавливая её колоннами. Время текло сейчас назад, возвращая её в

день смерти Джека. Во всем был виноват этот ублюдок! Он напелл своему отцу, что это она убила малышку. Всхлипы стали громче, а удушье — сильнее, дыхание постоянно прерывалось, чтобы дать ей секунду-другую для успокоения. Лёша бил её сегодня в самое

больное — в её одиночество. Да, не было у неё никогда семьи, и не будет! Так ещё этот гнусный подонок отобрал и дочь. Ирина дрожащими руками дотянулась до бутылка с успокоительным и вылила половину в стакан с несколькими каплями воды. Плевать. Уснуть бы, забыться навсегда, и никогда не проснуться...

— Здравствуй, отец. Вот и закончилось всё, — тихо сказал Макс и провел рукой по надгробию. Его рука дрожала. — Вчера... мне не хватило сил остаться и поговорить с тобой. И сейчас сил нет...

Мужчина замолчал. Его мало волновали набегающие тучи, предвещающие грозу. Дождь

вот-вот пойдет, но ему всё равно. Ветер больше не доставлял дискомфорта. Сердце навсегда замерзло.

— Я совсем недавно обрел отца и... потерял. Никому и никогда я не говорил о своей любви. Но я люблю тебя. Ты ведь слышишь? Знаю, слышишь. — Его взгляд блуждал по надписям на плите. Дата смерти... Так быстро всё это произошло... — Вот и сейчас маленький мальчик пришёл к твоей могиле, сказать, как ему больно и тяжело. Прости, что

я появился в твоей жизни. Прости, что забрал у тебя жизнь. Я убил её ребенка, она убила

тебя. Прости меня... — голос сорвался, и Макс снова замолчал. — И спасибо тебе за всё, отец. Кем бы я был без тебя? Может, загремел бы в тюрьму по молодости и сдох там? Почему же Бог спас ублюдка?

Повисло молчание. Он пытался собраться с мыслями, что было чертовски тяжело сделать.

Да бл*ть! Как же так?! Его отец лежал сейчас под землей мертвый! Неправда... Неправда!

Он хотел кричать, бить надгробие, доказывая всем и, в первую очередь, себе, что отец жив.

Не мог же он умереть сейчас, когда Макс понял, что значит «любить». Не могло же всё так закончиться...

— Я бы убил её за тебя. Но не могу. Я слабак, да? Прежний Макс похоронил бы её с тобой

вместе, но я не могу. — Обхватил голову руками, не справляясь с эмоциями. — Я не могу, черт возьми! Я... люблю её, отец. И я убил... я... убил... своего малыша. Она не говорит прямо, кто отец, но это очевидно — я. Господи, какой-то сумасшедший круговорот крови и

мести в природе. Мы с ней больны, так? Идеальная пара. Она — идеальная пара для

монстра.

Снова пауза. Его рвало от бушующих эмоций, еще мгновение, и он сорвется. Покалечит сам себя, сделает непоправимую глупость. Пора было брать себя в руки.

— Не знаю, смогу ли я с этим справиться. Сейчас некому меня поддержать. Стефан тоже

сходит с ума. Мы снова с ним остались блуждающими в темноте душами. Мы оба можем сорваться, и это будет конец всему, что ты так долго и упорно строил. Я буду стараться.

стану лучше. Клянусь, отец... — Скупая мужская слеза скатилась по щеке, и Макс встал. — Прости, отец... И я люблю тебя.

Он ушёл, оставляя за собой горький шлейф горечи. Горечь эта повисла в воздухе, а всё пространство было пропитано его раскаянием и сожалением. Боль звенела в натянутых струнах тишины. Монстр плакал. Монстру было больно. Монстр устал быть монстром...

Глава 10.

Тишина. Она давала столько возможностей, столько шансов подумать, решить, взвесить, вынести приговор. Или просто утопить печаль в безмолвии. Молекулы времени беззвучно

кружили вокруг двух мужчин. Один из них, тот, который был всегда сильным и трезвомыслящим, сейчас убивал не проходящую печаль на дне бутылки. Он больше не был тем человеком. Он умер...

— Как теперь жить? — задал вопрос в пустоту, слыша в ответ тишину. В последнее время

он любил с ней разговаривать. Она всегда выслушает, помолчит в ответ, но на душе станет

легче. Иногда ответы и не нужны были. — Хватит молчать, твою мать! Как?!

— Хватит пить, Стефан, — спокойно сказал Макс и повернулся к брату. — Соберись, черт

возьми!

— Что?! — Стефан разозлился. — Что с тобой, братишка? Сегодня девять дней, как умер

наш отец! Тебе все равно, да? Эта сука оказалась дороже?

— Заткнись, Стеф. Я устал пить и плакать. Джек умер. От того, что ты будешь напиваться

и стонать, ничего не изменится.

— Как ты можешь... Господи, да он заменил мне и мать, и отца! Понимаешь? И он не Джек, он твой отец!

Стефан опрокинул ещё одну рюмку и замер. Ещё мгновение, и он точно заплачет.

Невозможно быть сильным всё время. неподъёмный груз давил на плечи, в душе — выжженное поле. Ходи и топчи сожжённую траву, едкие солнечные лучи выжгли глаза. Он ослеп. Все, что было в его жизни раньше, превратилось в пыль, призраки прежних событий витали вокруг него, нашептывая свои отвратительные молитвы в уши.

Макс резко отодвинул стул и сел напротив брата. Поставил перед ним рюмку.

— Наливай! И не смей думать, что Джек сделал для меня меньше. Понял? Не смей!

— Тебе всё равно. Ты весь день сегодня молчал, ни слова не произнес, будто тебе плевать.

Всё из-за этой взбесившейся твари! Член победил, да? Ты отдал жизнь нашего отца этой

дряни!

Макс ударил Стефана, так, что тот упал со стула. Брат рассмеялся. Он уже ничего не соображал.

— Теперь будешь бить меня? Бей! — Накинулся на Макса, и они покатались по полу.

Макс не сопротивлялся, позволяя брату выместить злость. Потому что был виноват.

Каждый удар был заслуженным. Пелена с глаз спала, и Стефан остановился.

— Боже... Что со мной происходит? — Закрыв лицо руками. — Прости, Макс.

— Всё нормально.

Максу было, что сказать. Но не хватало смелости... Пока не хватало.

— Открывай новую бутылку, — сказал он и сел за стол. Ссадины не болели. Болела душа.

Жаль, не было лекарства от душевной боли. — Ты не прав, Стеф. Во всём. Я любил отца.

Не перебивай. Просто молчи, хорошо? Знаешь ли ты, что я чувствовал, когда однажды мамаша пришла и сказала, что у меня появился новый папка? — Стефан слабо улыбнулся.

— Да, именно так. Завалилась после свидания в нашу убогую квартирку и сказала: «Максим, сынок, всё закончилось. У тебя появился папка». Знаешь, о чём тогда подумал я?

А не пойти ли этому папке в зад, и ей туда же, твари. Мне было уже семнадцать лет, Стеф.

Розовые очки давно спали с глаз и валялись разбитыми где-то далеко. Я таскался днями по

улицам, трахался с местными малолетними, и не очень, шлюхами, бухал, иногда курил травку. Парни предлагали перейти на что-то посильней, но мне хватало ума отказываться.

Мамаша продолжала водить клиентов домой, бывало, уезжала к ним. Больше... они не трогали меня. А я ненавидел её всем своим сердцем. Как-то на районе, где мы жили,

появился крутой парень. Говорили, что у него была пушка. Я хотел обратиться к нему, чтобы он пристрелил эту суку. Мою мать. — Макс поднял глаза на Стефана. — Я хотел

убить свою мать. И сейчас хочу. Потом появился Джек. Я не хотел его даже видеть, слышать, знать. Он казался мне настоящим придурком. Что он нашел в этой шлюхе? Ну, что, скажи?

— Он любил её...

— Конечно. Боготворил, ещё скажи! Видно, после потери семьи у Джека реально что-то

сдвинулось в голове. Но факт остается фактом. Он приютил несчастную шлюху и ещё более несчастного подростка, которому давно пора было в колонию. Я помню наш перелёт

в Штаты. Да у меня глаза тогда из орбит выкатывались и не закатывались обратно. Сначала частный самолет. Я кожаных кресел до этого ни разу в жизни не видел. Потом

Лос-Анджелес. А затем и его дорогуший особняк, где всё было чужое. Даже стены орали о

том, что я — чужак. Я — грязный придурок, который ступил своими ногами на дорогие

ковры. Как же я ненавидел себя, мать, Джека, всех. Наверное, около года я прятался от

всех, боялся людей. Они же были нормальными...

— Знаю, брат. Я прошёл все то же самое, — сказал Стефан и накрыл руками руки Макса.

— Я знаю.

— Ты знаешь, каково это, чувствовать себя ненужным своей собственной матери?

Женщине, которая дала тебе жизнь? Да, у тебя вообще её не было. Но лучше так, чем всю

жизнь быть второсортной игрушкой в её руках. Господи, тогда забота Джека казалась чемто диким, донельзя неправильным. И ты видишь, что лишь спустя двадцать лет я подпустил его к себе... Зря. Теперь он мертв. Мне нельзя никого любить. Просто нельзя!

— Моя юность была точь-в-точь, как твоя. Только возвращался я не к мамаше в убогую квартиру, а в ещё более убогий детдом. Знаешь, что это за место? Это холодное, сырое

помещение с кучей озлобленных на жизнь детей и подростков. Они настолько несчастны, что в их душах нет света. Они могут убить тебя, забить до смерти. Там образуется два

лагеря: те, кто бьют и те, кого бьют. Я всегда был во втором. Но когда вырывался на улицу, становился зверем. Нет... не хочу об этом. Суть в том, что Джек подарил жизнь и мне.

Скажи, ты простил её, да?

— Нет... Мне просто не за...

— Простил, конечно. Я понимаю тебя, Макс. Клянусь, понимаю. Любовь, порой, разрушает, а не созидает. А большая любовь — и подавно. Они все были такими.

Одержимыми. Больными. Сумасшедшими.

— О чём ты, Стеф?

— Твои «бабочки». У них у всех крыша ехала после общения с тобой. Ты — грёбаный Синяя Борода! Что ты с ними делал? Они были помешаны на мыслях о мести, о суициде.

Постоянно говорили, с какой радостью они бы тебя убили, даже расписывали сцены убийства в деталях. Лишь единицы говорили, как хотели бы начать жить с нуля, забыть весь кошмар прошлой жизни и просто начать жить. Боже, какой я придурок. Я соучастник

преступления! И был им столько лет. Ты бил их? Насиловал? Тебе становилось легче?

— На все твои вопросы могу ответить — да. Они шлюхи, причем «элитные». Ты же понимаешь, что значит слово «элитные». Самые грязные, потасканные, развратные шлюхи, которые были в этих борделях. Их жизнь — звон монет. И я не скупился. У всего есть цена. И у боли тоже. Я платил, они терпели боль. Плевать я хотел на то, что было с ними после. Кстати, что?

— Ничего хорошего. Я скоро свихнусь от нахождения рядом с тобой, у них и подавно не

было шанса сохранить рассудок. Есть один приют, я их туда устраивал. Правда, парочка

сохранила умение мыслить трезво. Они просили помочь им начать новую жизнь, и я

помог. Наверное, работают сейчас где-то. Мне нет прощения, — горько произнес Стефан, его разрывало на части. — О чём я думал?! О чём? И... чем?

— Не вини себя, Стеф. Единственный человек, который во всем виноват — я. И только я.

Я болен, знаю. Я не знаю только, что делать сейчас.

— Нет, я виноват. Я просто смотрел на твои зверства. Чертово чувство единения! Ты знаешь, что я всегда буду молчать и делить с тобой всё, что бы жизнь тебе не подкинула.

Ты стал мне родным, это даже не обсуждается. Не требуется слов, красивых фраз, признаний. Я всегда буду стоять на твоей стороне, но мне от этого больно. Потому что я привык поступать правильно, а это... это ни разу не правильно. Но... ты важнее, чем условности и понятия общества.

— Стеф...

— Теперь ты молчи. Я всегда буду на твоей стороне, но не сейчас. Не могу, не могу принять то, что ты выбираешь суку, убившую твоего отца!

— Это не так... Точнее, не совсем. В общем...

— Хоть сейчас прекрати врать и выпутываться. Так и скажи, что любишь её. Что вы чертовы Бонни и Клайд в извращенной версии. Нет, Сид и Нэнси больше подходят. Такие

же чокнутые. Правда, по степени сумасшествия вы переплюнули всех. Теперь, когда ваши

руки по локоть в крови, вы поняли, что любите друг друга. — Стефан открыл новую бутылку и приложился сразу к горлышку. К чёрту манеры.

Макс вскочил, чуть не швырнув стул в стену, и остановился к Стефану спиной.

— Она не виновата в его смерти.

— Ещё раз скажешь это, я дам тебе бутылкой по голове. Ещё раз выгородишь эту тварь, я лично придушу тебя!

— Я не выгораживаю её. У Джека был врожденный порок сердца. С детства, протекал в скрытой форме.

— Что за ахинею ты несёшь? Какой порок сердца? У него было просто слабое сердце, которое стало еще слабей из-за твоих выкидонов!

— Дай мне сказать, бл*ть! Бухай и молчи. У него был порок сердца. Первый удар случился после автокатастрофы, в которой погибла Марта. Потом он долго лечился, но врачи пророчили ему недолгую жизнь. Как видишь, он смог обставить всех, — с гордостью за отца сказал Макс.

— Почему я не знал об этом? — с обидой спросил брат. — Почему ты знаешь, а я — нет?

Хотя я всегда был ему ближе.

— Он рассказал мне об этом, когда я валялся в больнице. Сказал, что нужно жить, вопреки

всему, бороться за жизнь, даже если говорят, что осталось недолго. Потому что только мы
отмеряем время своей жизни. Можно прожить тридцать лет, но прожить их ярко, не

оставив за собой сожалений и обид. А можно волочить жалкое существование все восемьдесят лет и умереть, поняв, что в этой жизни ты оставил от себя лишь труп.

— Хорошо. У него был порок сердца, о котором я не знал. Как это связано с тем, что сука

не виновата в его смерти?

— Он должен был умереть. Джек и так прожил дольше, чем живут люди с таким недугом.

Он и так один раз обманул смерть, — Макс посмотрел на Стефана, собираясь с силами, чтобы сказать ту самую правду. — И...

— Чего ты все тянешь? Ну, же, давай, скажи, что она не виновата! Потому что ты любишь

чертову убийцу!

— Не в этом дело! У отца не было в пиджаке таблеток, — выдохнул Макс и закрыл глаза.

Стефан застыл на месте. У него галлюцинации.

— Повтори.

— У него не было с собой таблеток.

— Но как?! Он же всегда их носил с собой. Что за бред? Сердечник, с пороком сердца, и

без таблеток! Ты врешь.

— Я тебя сейчас изобью, брат. Можешь думать как угодно плохо обо мне, но не смей, слышишь, не смей обвинять меня во лжи касательно отца! Так случилось, что мы тем утром опаздывали, сильно опаздывали. Джеку нужно было перед посещением офиса Нарватова куда-то заехать, и время поджимало. Он что-то искал по всей комнате, скорее

всего, таблетки, и не мог найти. Я его поторопил, и он, сказав, что протянет пару часов, не

умрет, пошёл без них.

Макса разрывало на части. Виноват был он. Во всём. Всегда. Везде.

— Куда ты, мать твою, так торопился?! — прошипел Стефан, припечатывая брата к стене.

— Куда? — Схватил его за рубашку. Глаза мужчины были налиты кровью. Он был в неадекватном состоянии. — К своей любимой бабочке, да? Так хотел её увидеть, что не дал отцу времени найти жизненно важные таблетки?

— Отпусти меня. — Оттолкнул Стефана. — Встреча была назначена у Джека, а не у меня.

К Заре мы поехали после.

— Всё равно, она не помогла ему. Ты сам сказал, что она сидела рядом и ничего не делала.

Ни-че-го не делала!

— Да, но это не имеет значения. Она могла носиться вокруг него, делать массаж сердца, лить на него воду, да всё на свете она могла делать. Какая разница? Помочь могли только

таблетки, и то, не факт.

— Когда ты узнал про таблетки?

— Когда приехал забирать одежду Джека и таблетки. Доктор сказал, что ничего такого при

отце не было. Он ещё удивился...

— Я тоже удивлен. — Стефан стукнул кулаком по стене рядом с Максом. — Ты всем причиняешь боль. Всех губишь.

— Стеф...

Но тот развернулся и направился к двери, безразлично махнув на брата рукой. Ему нужно

было время. Много времени. Макс проводил Стефана взглядом и отвернулся к окну. Он был не достоин жизни. Но он жил, а его ребёнок и отец — нет.

Девушка шла по лабиринту, с трудом различая оттенки темноты перед собой. Руки цеплялись за холодный мрамор стен, ноги спотыкались о камни. Она не могла понять, куда

идет и, главное, зачем. Над головой каркали вороны, небо стреляло грозowymi разрядами, давление в ушах нарастало. Куда же она шла? И зачем? Почему всё это происходило с ней?

Она вскрикнула, когда мертвая птица упала к её ногам. Побежала вперед, но ноги наткнулись на лезвия. Алая кровь прорезала слепящую темноту. Боль сдавила сердце. Карканье ворон оглушало. Зара закричала и закрыла уши руками, но это не помогало. Раздался детский плач и слова: «Мама, зачем же так? Зачем, мама?» Еще одно мертвое

тело упало перед ней. Девушка забилась в истерике, отползая дальше от тела по грязной

земле. Труп повернул к ней голову. Джек. На лице — улыбка челси.

— Нет! Нет! Не-ет!

Ирина распахнула глаза, часто дыша. Пот заливал глаза. Очередной сон, словно картина из

«Капричос» Гойи. Очередной кошмар длиною в жизнь. Теперь её будут преследовать эти

картинки, изматывать душу, лишать сна и покоя. Она убрала с лица прилипшие волосы, стёрла пот и закрыла лицо руками. Скоро и её сердце откажет. Невозможно было такое вынести. Невозможно! Чувствуя себя разбитой и опустошенной, Ирина встала с постели и

прошла в ванную. Её вырвало. Недомогание и слабость мешали жить. Она словно спускалась в преисподнюю. Каждый день превратился в ад. И она осталась одна...

Девушка нервно проводила расческой по волосам, со злостью сжимая ручку. Что-то произойдет, что-то случится... Скоро. Тьма тянула к ней свои руки. Душила. Может, она она должна умереть? Если так, то нужно было сделать одну важную вещь — покаяться. Иначе душа не перестанет кровоточить. Не хотелось бы умереть, захлебываясь кровью.

Она сбежала вниз, схватила яблоко со стола и стала быстро одеваться. Никакого макияжа, причёсок, вычурной одежды. Джинсы, резиновые сапоги, куртка и главное — капюшон, чтобы никто не видел её лица. Ирина даже не проверила Алексея, был ли он дома. Всё

равно. Их отношениям пришёл конец, это было очевидно. Оставалось лишь ждать,

когда

он выставит её из дома.

Она давила на педаль газа автомобиля изо всех сил, желая быстрее оказаться на месте.

Алтуфьевское кладбище. Опять жизнь привела её на кладбище. Порочный круг. Не жизнь, а круговорот бесконечных смертей и расплат за грехи. Почему было больно ей самой?

Ведь Макс получил по заслугам. Почему же боль отрикошетила в неё саму? Слёзы снова

подступили к глазам. Когда она их уже все выплачет, эти чертовы слёзы?! Припарковав машину, Ирина побежала к могилам. Она знала наизусть, где находится могила Джека.

Он

же снился ей каждую ночь. Его могильная плита стала её могильной плитой.

— Простите, Джек! Молю, простите, — заплакала она, падая на колени перед надгробием.

— Всем, что есть, молю — простите! Боже, разве я хотела когда-нибудь стать убийцей? Но

это написано на моей судьбе. На чертовой, поганой судьбе! Простите, Джек... —
Девушка

села на мокрую землю и разрыдалась. — Я не хотела, правда. Не знаю, как это вышло.

Сам дьявол тогда вселился в меня. Ваши слова о моей малышке... Поймите, я любила её, хоть и знала о беременности всего ничего. Любила! Так же, как вы любили своего сына. — Ирина зашлась в слезах. — Это не оправдывает меня, знаю. Господи... Как тяжело.

Простите меня, Джек. Простите... Вернуть бы всё назад. Но если Бог заберёт мою жизнь, он правильно сделает. И пусть никто не поможет, как я не помогла вам. Ведь таблетки

могли вас спасти!

Реальность закружилась вокруг неё, голова еще сильнее затрещала по швам. Ирина отползла к ограждению и оперлась на него. Слезы молчаливо текли по щекам, она держалась из последних сил. Струны души уже рвались, лопались, забрызгивая ее кровью.

Здесь, рядом с ней, под землей лежал мертвый человек. И его убила она... Её тело обмякло и расплзлось по заборчику. Руки схватили решетки. Её разрывало изнутри, на части, на молекулы и атомы. Прах. Душа в пыль. Пальцы ослабли и отпустили решетки. Холодно... Такой неприятный ветер. Ужасный холод пронизывает тело, замораживая горящие внутренности. Девушка с трудом поднялась, координируя движения, отряхнула

одежду и на негнущихся ногах прошла к автомобилю.

Напиться! Вот, что ей было необходимо. Иначе сердце остановится, или она сама порежет

себе вены. В голове копошились черви, съедали её день за днем. Девушка остановилась у

первого бара. Сложно было ощущать себя, мир размывался. Да что с ней происходило?

Рука потянулась к дверце. Промархнула. Это не ручка. Ирина протерла глаза, но лучше не

стало. Она закрыла уши руками и согнулась пополам, упираясь головой в руль. Как плохо!

Собрав все силы, она вышла из машины и зашла в бар. Заняла место в темном уголке и заказала виски. И водку. И коньяк. Всё в больших дозах. Телефон отключила. Теперь нужно было отключить сознание. Первый стакан пошёл. Второй, третий. Рюмки. Легкость

И разлилась по венам, голову застилал туман опьянения. Стало темней, или ей кажется? И ещё темнеет. Лёгкость всё больше растекалась по жилам. Что-то не то... Девушка упала на диванчик, потеряв сознание.

Макс плохо понимал, что делал. Вообще, всё приобрело какой-то оттенок абсурда. Фарс.

Театр жизни. Бездарная постановка наихудшего режиссёра. И сценарист подкачал. Актёры

тоже были выбраны не самые лучшие. Шлюха и больной извращенец.
— Именно, извращенец, — сказал мужчина и толкнул дверь в бордель.
Алкоголь и сон не спасали. Ничто не спасало. Только добивало. Боль Стефана добавляла

масла в огонь. Брат метался, как загнанный зверь в клетке. И он был прав. Он не чувствовал к Заре ненависти. Он её... понимал. Так сложились обстоятельства. Макс тряхнул головой. Попробует другой способ забыться или, хотя бы, скинуть напряжение.
— Добрый вечер, — приветствовала его девушка за стойкой. — Что вы...
— Ни слова больше. Покажите мне всех брюнеток.
— Но...
— Ещё вопросы остались? — Кинул пачку зеленых банкнот.
— Нет. Сейчас всё будет, — сказала она, пряча деньги. — Пройдемте за мной.
Его привели в комнату с большим диваном и попросили подождать. Через какое-то время в

помещение ввели девушек, брюнеток, как он и просил. Глаза Макса зажглись. Сколько бабочек... И так похожи на неё, на любимую бабочку. Мужчина подошел к девушкам. Шлюхи всех мастей. Какую же выбрать? Взгляд упал на девушку с короткой стрижкой. Ирина Валерьевна Нарватова. Макс посмотрел на неё и усмехнулся. Нет, Ирину Валерьевну он будет трахать лично. Ирина Валерьевна ещё покричит под ним... Сейчас хотелось наматывать на кулак волосы глубокого каштанового цвета, видеть в глазах блудницы мольбы о пощаде, целовать эти пухлые губы. Он дошёл до последней. Вот она!

Вылитая Зара. Прежняя Зара.
— Беру её.
— Правильный выбор, красавчик.
— Заткнись, — осадил её Макс. — Рот будешь открывать позже. И на уровне ширинки, — улыбка плавно перешла в оскал.

Девушка замолчала и сжалась. Видимо, поняла, ждет её та еще ночь... Макс ушёл обсудить некоторые вопросы с администратором и вернулся через

некоторое

время.

— Азалия, — улыбнулся он. — Почему у шлюх всегда такие дурацкие имена?

— Нормальное имя, — огрызнулась она.

— Ммм, какие мы дерзкие. Чего не строишь глазки, киска? Я же красавчик. Снимай тряпки.

— Даже никакой прелюдии? Все вы такие, — с отвращением сказала Азалия и начала снимать платье.

— Все, говоришь? — Подошёл к ней ближе и рывком поднял с дивана. Со всей силы потянул тонкую ткань платья и разорвал его. Сжал её шею и прошептал: «Это вы все такие. Дешевые и легкодоступные».

Мужчина кинул девушку обратно на диван и избавился от рубашки. Его Зара была такой

же дерзкой и, бывало, забывалась в своей дерзости. И волосы у неё были такие же... Мягкие и вкусно пахнущие. Как же он соскучился по ней. Макс задрожал, предвкушая забавы с этой крошкой. Азалия... почти Зара. Он расстегнул ремень брюк и перевёл

взгляд

на девушку, приглашая её вниз. Она слезла с дивана и устроилась перед ним на коленях.

Круговорот воспоминаний закружил его. Зара тоже часто стояла перед ним на коленях.

В

машине, когда он оплатил «лечение её матери». Это было потрясающе. По телу прошли импульсы фантомного удовольствия от воспоминаний о любимой бабочке, и мужчина издал стон, притягивая голову Азалии ближе, входя глубже в её горло. Руки схватили волосы девушки, сильно оттягивая... Вот он узнал об обмане от Алисии и насилует Зару

В

рот перед тем, как отправить в комнату... Снизу раздаются всхлипы и покашливание, но

он

ничего не замечает, не имея возможности вырваться из нирваны воспоминаний. Да и

не

хотел он...

Внезапно, мысли приняли дугой оборот. Теперь она была замужем и стояла на коленях перед другим мужчиной. Было больно. Значит, больно будет другому человеку.

Человеку, за которого он отдал деньги. Подняв девушку с колен, держа за волосы, Макс расстегнул

лифчик и скинул его на пол. Соски торчали твёрдыми горошинками, упругие груди чуть ли не подмигивали ему. Слишком большие сиськи, хоть и красивые. Он ударил по одной груди ладонью, выбивая из Азалии вздох. Потянул за сосок, выкручивая его. Целовать её

совсем не хотелось, только причинять боль, не сильную, легкую... Рука спустилась по животу к трусикам девушки. Мокрые. Мужчина усмехнулся.

— Ещё одна сучка.

— Что-то не так, сэр? — язвила Азалия.

Макс рассмеялся. Офигенная шлюшка. Трусики больше не мешали ему, будучи отправленными на пол.

— Всё так. Всё просто отлично, — сказал он и бросил её на стол, стоявший рядом.

Развел ноги девушки в стороны и провел ладонью по мокрому лону. Она дерзко смотрела

на него, словно бросая вызов. Взяла указательный палец в рот, ввела его в себя.

— Нет, детка, трахать тебя буду я. — Макс ворвался в её тело, сжимая до боли талию девушки.

Переместил руки ниже, на поясницу, и вжал её в себя сильнее. Девушка застонала и смяла

в руках груди. Истинная шлюха. Он будто в порнухе снимался. Азалия откинула голову назад и выгнулась, добавляя к движениям его члена руку, теребя клитор. Макс наклонился

к её лицу и прерывисто произнес, не прекращая сильных толчков: — Мы можем немного изменить сценарий этой порнушки.

Сказав это, он вытащил член и вошёл в анальное отверстие.

— Мы на анал не договаривались! — возмутилась она, привставая на локтях.

— Мне плевать. Я делаю с тобой всё, что хочу. А теперь заткнись. Ты можешь только кричать, — прорычал Макс и, пригвоздив её обратно к столу, ускорил фрикции, неистово

входя и выходя из неё. И она закричала, хватаясь за его сильные руки. Их глаза встретились. В его — горел беснующийся огонь, в её голубых — плескался жидкий лёд. Мужчина перевернул девушку на живот и прижал ягодицами к себе, открывая большой доступ. Темные локоны рассыпались по спине, и он, не удержавшись, собрал её волосы в

кулак. Вышел из неё, стянул Азалию со стола и прижал к себе, упираясь эрекцией ей между ног. Зарылся в эти прекрасные волосы и взял свободной рукой член, подвел его ко

входу в её лоно и потерся, дразня.

— Давай уже, — простонала она, прижимаясь к нему.

Долго тянуть он не стал. Заполнил собой её киску и после нескольких грубых проникновений кончил в неё, издавая глухие стоны. Его Зара... Макс заключил девушку в

объятия, опять утопая в нежном аромате волос, мечтая вернуть всё назад.

— А ты, правда, красавчик. Я так давно не кончала. Твой конёк — грубость, — сказала Азалия, не замечая его настроения. — Только на анал мы не договаривались! Это цена сверху.

Макс очнулся и отпихнул её от себя. Это не Зара, это платная сука.

— Хорошая шлюха, — произнес он, держа её за подбородок. — Тебя только в жопу и трахать. Держи, — бросил пачку из нескольких пятитысячных, даже не смотря, сколько

там.

Он ушёл, чувствуя больше липкое омерзение, нежели облегчение. Зато потрахался. Но ирония не помогала прийти в норму. Да и поможет ли что-нибудь, вообще?..

Глава 11.

Вязкое чувство усталости обволакивало вены. Словно сама ДНК устала нести информацию о ее наследственности, устала быть ответственной за то, что она имеет.

Усталость скрипела на зубах, заливалась звуками расстроенной скрипки в голове. Нейроны заново оживали, отходя от стрессового состояния. Жизнь запустила ток по венам. Пробуждение было наполнено болью. Девушка распахнула глаза, но, сразу же

их

закрыла. Дернула рукой, желая протереть их, но рука не поддавалась. Что-то удерживало ее.

Она дернула еще раз.

— Девушка, успокойтесь! — приказал мужской голос, накрывая ее руку своей. — Люда, проследи, чтобы она не сорвала катетер. Я сейчас вернусь.

Что за голоса? Кто они такие? И какой катетер... Где она была? Слова рождались в голове, она понимала смысл своих мыслей, но вот сказать это вслух было гораздо трудней.

Губы

словно онемели, будто она никогда раньше не говорила.

— Где... я... — пошевелила сухими губами, стараясь артикулировать четко, но мышцы лица не слушались.

— Все хорошо, милая. Вы в больнице, — говорил уже женский голос.

Ирина открыла глаза, делая это очень медленно и осторожно. Все расплывалось.

Светлые

стены, очертания каких-то предметов, совсем рядом, перед ней, белая фигура. Она протянула к ней руку, но та упала. Слишком слабая...

— Больная пришла в себя? — спросил доктор, возвращаясь.

Больная? Девушка прыснула от смеха. Она не больная. Но так смешно! Ирина закашлялась, в горле запершило от смеха.

— Вижу, все хорошо. Смех — первый признак стабильного состояния. Или...

психических отклонений, когда смех не в тему, — весело добавил он и посмотрел на пациентку. — Какой вариант выбираем, Ирина Валерьевна? Первый или второй?

— Первый.

— Вот и отлично. Сейчас я введу внутривенно вам лекарство, станет лучше.

— Не станет, — сказала она и отвернулась. Воспоминания всегда появлялись быстро,

не

давали шанса оттянуть этот болезненный момент, когда ты все вспомнишь. И боль

начнет

свою кровавую игру с тобой опять...

— Станет, станет, — приговаривал врач, пуская по трубкам лекарство. — Милая, вы такая

молодая, красивая девушка. И нервное истощение! Где ж это видано? Еще и алкоголь принимать, когда организм чуть ли не кричит о надвигающейся катастрофе.

— Пусть больше не кричит. Это неважно.

— Нет, важно! Я не психиатр, и не буду выпытывать, что у вас случилось. Просто знайте, здоровье — не единственное, чем можно пожертвовать, чтобы решить проблемы.

Жизнь у

вас всего одна. Все решаемо, не нужно доводить себя до такого состояния.

— Ничего не решаемо. Его не вернуть, и он никогда уже меня не простит, — прошептала

Ирина, закрывая глаза. Лучше бы не приходила в себя.

— Простит, куда он денется. Сейчас позову его, и он сам вам все скажет. Что с вами? Глаза девушки расширились. В смысле «сейчас его позову»? Джека?!

— Пульс участился. Что вас заставило нервничать? Ничего не пойму!

Мужчина открыл дверь и кого-то позвал. Ирина задержала дыхание. Если сейчас появится

Джек, значит, она, точно, сошла с ума. В палате появился Леша.

— Господи, какая я дура... — еле слышно прошептала она, и слезинка скатилась по щеке.

— Людочка, поправьте катетер, и оставим их наедине, — сказал врач и вышел, качая головой. Пациентка находилась в ужасном состоянии.

Медсестра все доделала и тоже вышла.

— Не плачь, Ира. Все хорошо. Как же ты меня напугала. — Леша дотронулся до ее руки, но она ее выдернула.

— Не трогай руки убийцы, не отмоешь их потом.

— Успокойся. И посмотри на меня. Посмотри, Ира.

— Я не Ира. Не хочу быть Ирой. Она монстр! — Слезинки мокрыми дорожками прорезали бледную, истонченную кожу. — Боже мой, Леш, что я наделала? Он же умирал

там... Все случилось слишком быстро, но мне хватило времени, чтобы сделать неверный выбор.

— Ты — Зара, и, наконец-то, поняла это. Не беги от себя. Остановись. Хватит бежать.

Ты устала, я вижу. Просто, остановись.

— Я на краю. Толкни меня, дай уже упасть, — всхлипнула она.

— Ты можешь отойти от края, Ира. Сделай шаг назад. Останови эту кровавую бойню, жертв слишком много, и ты — среди них.

— Как ее остановить? Джек мертв, я убила его. Я никогда не хотела такой быть.

Правда. Клянусь. Это не судьба, Леш, это я такая, да? Зло всегда жило во мне. Ты был прав, мне

место в аду. Поскорей бы туда отправиться. И больше не мешать жить никому: ни тебе, ни

ему, никому...

— Ты не мешаешь мне.

— Не надо, не ври. Я знаю, что между нами все кончено, причем, давно. А может, ничего и

не начиналось, чтобы кончаться?..

— Может, и так. Только ты можешь знать, были ли чувства. Оставь правду при себе, мне

она не нужна.

— Ты уже перевез мои вещи? Или после выписки съехать из твоего дома?

— Мой дом — твой. И пока ничего не изменилось. Решай сама, когда тебе съезжать и съезжать ли вообще.

— Съезжать. Ты ничем не заслужил «счастье» в лице меня.

— Этот вопрос мы обсудим позже. У меня есть новости. Комиссия вынесла решение по

тендеру в нашу пользу.

— По идее, это должно было меня обрадовать, — губы девушки дрогнули в нервной улыбке. — Но, не радостно...

— Тендер станет официально и безвозвратно нашим только после подписания бумаг, — добавил Алексей.

— К чему ты это говоришь?

— К тому, что мы можем отказаться от него.

— Отказаться?! Ты с ума сошел? Мы так долго к нему шли.

— Не мы, Ира, не мы. Ты. Поставь точку — сама, своей рукой. Отдай ему этот тендер, и все закончится. Он уедет, вы больше никогда не увидите.

— Какой смысл теперь давать заднюю? Уже поздно ставить точку, стоит многоточие.

— Я не буду ничего подписывать, пока ты в больнице. У тебя еще есть время. Подумай обо всем. Это — реальный шанс.

— Да на что шанс? — взорвалась Ирина. — Получить скидку в аду? Убила старика, но отдала тендер Максусу? Так, да? Пусть черти посмеются!

— Ира, я сорвался с работы из-за этого происшествия, мне нужно идти. Но у меня для тебя есть сюрприз. Думаю, он приведет тебя в чувство. — Леша наклонился и чмокнул

ее

в лоб.

— Прости меня, Леш. За все. Я встану перед тобой на колени, когда поправлюсь. И буду

стоять до тех пор, пока ты не простишь меня, дуру.

— Тебя, дуру, я давно уже простил. Осталось тебе простить себя. Все, я пошел.

Выздоровливай, дорогая. Еще зайду.

Он ушел, а в дверь заглянул тот самый сюрприз. Маринка! Ирина широко улыбнулась, но

улыбка быстро погасла, когда подруга втянула за собой Стефана. А этот сюрприз был уже

не таким приятным.

— Привет! — Маринка аккуратно обняла ее. — Как ты? Лучше себя чувствуешь?

— Лучше я никогда себя уже не почувствую, — тихо сказала Ирина.

— Не надо, дорогая Зара. Зачем ты довела себя до такого состояния? Ну, зачем? Ты же

знаешь, что мы делим одну душу. Мне тоже плохо, так же, как и тебе.

— И тебя я обидела. Прости. Господи, днями перед всеми извиняюсь. Что со мной случилось?

— Ты запуталась, очень запуталась. — Марина встала на колени у ее кровати и взяла подругу за руку. — Я не обижаюсь на тебя, просто не могу. Я же люблю тебя.

— Я убила его отца, — заплакала девушка и посмотрела на Стефана. — Убила! А ты говоришь, что любишь меня! Совсем больная! — Выдернула руку из руки Марины и закрыла лицо ладонями, давясь слезами. Присутствие Стефана, как всегда, спокойного и

невозмутимого, еще больше добавило.

— Да, люблю. И всегда буду любить, — шептала Марина, глядя ее по голове. — Стефан

расскажет тебе все. Не плачь, а то позову доктора, он поставит тебе болючий укол. Ирина слегка улыбнулась шутке про укол и перевела взгляд на Стефана. Если он сейчас

начнет читать ей нотации и винить в смерти Джека, ее сердце разорвется.

— Я дам вам поговорить, позовете, как закончите.

— Не уходи, Мариша. Ты можешь и должна слышать все, что он ни скажет.

— Хорошо. Я в уголке посижу, — сказала она и села подальше в угол, чтобы даже

вздохом

не разрушить такой важный и откровенный момент. Момент, когда две половинки ее жизни, наконец-то, найдут общий язык и сойдутся.

Стефан занял место на стуле, а Ирина с трудом отняла руки от заплаканного лица, но не

посмотрела на него.

— Прости меня, Стефан. Перед тобой я должна встать на колени — в первую очередь.

Всю жизнь я должна стоять на коленях.

Он видел, что, вот-вот, и отчаяние поглотит ее. Как бы он ни был зол или расстроен, человек всегда в нем брал верх. Ему было жаль ее, слезы, что текли по щекам, были пропитаны горечью, а глаза полны раскаяния. Стефан сжал ее пальцы в своей руке. Девушка замерла и подняла на него недоверчивый, испуганный взгляд, но сжала его пальцы в ответ.

— Ты не виновата в смерти моего отца. — Ее глаза еще больше распахнулись, а пульс застучал сильнее. — У него не было таблеток в пиджаке.

— Нет, ты врешь. Тебе жалко меня сейчас, поэтому ты врешь. Он... он сам просил достать

таблетки.

— Видимо, забыл, что их не было. Макс рассказал мне об этом. Они утром торопились, и

отец не мог найти таблетки. Так и ушел без них...

— Нет...

— Да, Зара, да! Это правда. Иначе я бы не держал тебя сейчас за руку и, вообще, не пришел бы сюда.

Слезы бежали ручьями по ее щекам, которые уже должны были размокнуть, столько она

плакала. Он свободной рукой вытер ей глаза, но она заплакала сильнее.

— Не плачь. Все хорошо. У Джека был врожденный порок сердца, его время пришло.

— Боже, — всхлипнула она. — Боже, я... не знаю, что сказать. Будто в конце тоннеля снова зажегся свет. — Она облегченно улыбнулась, а слезы все бежали и бежали по щекам.

— Ну, не реви. Уверен, ты бы поступила иначе, если бы все можно было переиграть.

— Ты слишком хорошего мнения обо мне.

— Я правильного мнения о тебе, поверь. Хотя, Макс так же всегда говорит, — усмехнулся

он.

— Ты слишком хорошего мнения о нас обоих. Мы этого не достойны...

— Сейчас не об этом. Хватит себя принижать. Просто, знай, что ты не виновата в

смерти

Джека. Прекращай загонять себя в могилу.

— Неужели ты приехал, чтобы сказать мне об этом?

— Почти, — встряла Маринка, подходя ближе. — Мы... собирались на свидание, когда Леша позвонил и сказал, что ты тут. Стефан решил, что это будет правильным решением

— все тебе рассказать.

— Действительно, правильное решение. Самое правильное. Дайте, я вас обниму. Каждого, по очереди. — Она обняла Марину первой. — Люблю тебя, Маришка. И пусть я иногда

говорила, что одинока, знай, это не так. Я никогда не была одинокой. Только не с тобой, мое белокурое солнышко.

— И я люблю тебя, Зара. Повторю в сотый раз, любишь ты об этом забывать, — сказала

подруга и чмокнула ее в макушку.

— Стефан, — Зара протянула к нему руки. — И тебе спасибо. За все. Просто за то, что ты

есть — наша путеводная звезда. Без тебя мы бы все заблудились, к чертовой матери. И прости меня за все, за каждое плохое слово. Не держи зла.

— Не держу, не имею такой привычки. Поправляйся, Ира... Или Зара? — подмигнул ей.

— Зара, — рассмеялась та и почувствовала, как слезы опять подходят к глазам. Но при них

она плакать не будет.

— Выздоровливай быстрее, милая! И замутим что-нибудь веселое втроем. Я буду ждать

тебя в нашем тайном месте, — тоном заговорщика произнесла Марина и взяла Стефана

под руку. — Мы пойдем, ладно? А то — поздно, времени мало остается.

— Конечно, идите. Пока! — помахала им рукой, провожая их взглядом. Когда Марина со

Стефаном скрылись за дверью, она позволила себе еще одну слезу облегчения. В ее мире

снова горел свет...

— Думаешь, она поправится? — спросила Марина, устраиваясь рядом со Стефаном на

диване и укрываясь пледом, хотя, с ним ей и так было всегда тепло.

— Уверен в этом. Она сможет. Зара сильная. Только сильные могут винить себя и признавать свои ошибки. Только сильные люди могут быть готовы встать на колени.

Слабость, обычно, прячется за показной бравадой и равнодушием.

— Какой ты у меня умный. Всегда говоришь правильные слова, — восхищенно сказала Марина и положила голову ему на плечо. — Я так люблю тебя. Спасибо за то, что ты сегодня сделал. Не дал ей окончательно сойти с ума.

— Я сделал это, отчасти, и из-за тебя. Ведь, если Зара сойдет с ума, то и ты — тоже.

Как я

буду без тебя? Я не протяну долго без солнца, — сказал он и поднял ее голову, заглядывая

ей в глаза. — Когда ты будешь греть только меня, Марина? Когда я смогу засыпать без одеяла, и мне не будет холодно?

— Зима близится, все равно, замерзешь...

— Когда это я мерз с тобой, моя девочка? — взял в руки ее лицо. — Ты выжжена раскаленным железом у меня на сердце, и оно вечно горит от одной только мысли о тебе.

А когда твои нежные руки просто касаются моей кожи, она плавится. Кровь застывает и

превращается в воду. Скажи, что я должен сделать, чтобы ты не отнимала своих рук от меня? Что? Скажи, и я сделаю. Даже, если нужно будет отдать свою жизнь.

— Никогда не отдавай свою жизнь по пустякам, Стефан.

— Что ты сейчас сказала? Да ты — единственная, кто стоит моей жизни! Что опять происходит?

Она на это только пожала плечами. Что происходит? Ничего хорошего. Скоро уходить, а ей

было так мало его...

— Он обижает тебя? Скажи честно. Просто кивни, и я убью его сию же минуту. Найду и убью. Дело пяти минут.

— Успокойся. Все хорошо, — прошептала Марина и прикоснулась губами к его губам.

—Хватит болтать.

— А я не болтаю, — ответил он ей в губы, перехватывая инициативу в поцелуе. — Я серьезно тебя спрашиваю. Должна же быть причина, почему ты не уходишь от него? — Оторвался от нее. — В чем причина?

— Неважно, это все неважно сейчас. Мне скоро уходить, займись делом, сколько можно

чесать языком, — страстно сказала она, расстегивая блузку и распуская собранные в хвост

волосы.

Стефан зарычал. Она знала, как заставить его забыть обо всем и замолчать. Скинув футболку, он повалил ее на диван и начал покрывать поцелуями шею.

— Мы еще вернемся к этому разговору. Но сначала я хорошенько тебя оттрахаю.

Марина вздохнула, заведенная его грубостью.

— Обязательно вернемся... О боже... — вздрогнула, когда его язык остановился перед трусиками. — Ниже...

Глава 12.

Марина встала сегодня рано, с первыми лучами солнца. Довольно потянулась, ощущая приятную слабость во всем теле, и села на постели, довольно смотря в окно. Осень сейчас

была в самом разгаре. Краски были самыми яркими, солнышко — самым лучистым. Еще чуть-чуть, и листья опадут, и на смену пестрой осени придет белоснежная зима. По коже

пробежал холодок, она покрылась мурашками. Стало холодно от одной мысли о том, что

эту зиму она опять будет встречать одна. Без любимого мужчины рядом.

— Дорогая, ты уже встала? Доброе утро! — услышала она голос Вадима из-за двери.

— Я

в кухню, тебе — чай, кофе?

— Кофе, любимый. И тебе доброе утречко! — ласково ответила Марина, хотя, сердце предательски заскрипело.

Сейчас бы Стефана сюда, чтобы он зашел к ней в спальню в одном полотенце, мокрый после душа... И сделал ее такой же мокрой. Девушка застенчиво улыбнулась,

прикрывая

рот ладонями. Господи, его показная грубость жутко заводила ее. С ним она была согласна

на любые эксперименты, да, даже на ошейники и наручники, ведь он никогда не причинит

ей боль. Только она сама.

Марина встала с кровати, уже не чувствуя себя такой радостной и счастливой. Все было не

то, совсем не то, что она хотела. Да, с ней рядом жил красивый, успешный, сильный мужчина. Но имя ему было Вадим, а не Стефан. Чертова жизнь. Спасает тебя, но за это

ты

навсегда попадаешь в кабалу.

— Как спалось? — спросил Вадим, когда она появилась в кухне.

— Нормально. Ничего не снилось, и хорошо, — соврала она. Сны после встреч со Стефаном всегда были яркими и такими волнительными...

— По-моему, ты кого-то звала во сне. Правда, я сам спросонья не понял. Бабайка снился, своего защитника звала? — Он обнял ее сзади, зарываясь лицом в волосы.

— Д-да, тебя. Бабайки эти... Приходят, пугают, — промямлила Марина и вывернулась из

его объятий. — Кофе пахнет изумительно. Спасибо.

— Подожди, кофе успеется. Я хочу с утра сладенького, — сказал Вадим и снова взял ее в

кольцо своих рук.

— В холодильнике есть торт...

— Не-ет, я хочу сладенького, которое, с утра, по дому ходит в коротких шортиках и маечке. Догадалась? — Руки забрались под майку, и Марина вся съежилась.

— Так не пойдет, — слишком резко сказала девушка и оттолкнула его. — Мне надо в ванную, я так не могу, — и убежала.

В ванной прислонилась к закрытой двери и закрыла глаза. Она ощущала себя предательницей. И... не по отношению к Вадиму, по отношению к Стефану. Чужие руки на ее коже, губы... Марина тряхнула головой. Нет, нет, нет. Она, как-нибудь, этого избежит. А пока, на самом деле, примет душ и умоется.

Тем временем, на кухонном столе завибрировал ее телефон, извещая хозяйку о новом сообщении. Вадим глянул на него, подозревая что-то неладное в этом сообщении, но сдержался, не тронул телефон. Секунд через тридцать пришло еще одно сообщение.

Он не

выдержал и открыл папку входящих. От Стефана. Ну, конечно. Рука сжала чашку с

чаем, и

кипяток выплеснулся на кисть.

— Твою мать, — зло прошипел мужчина и поставил чашку на стол.

«Как встретила утро моя любимая киска?» Во втором сообщении вдогонку шли смайликипоцелуйчики.

— Гребаный детский сад.

Со стороны ванной комнаты раздался звук открывающейся двери, и оттуда вышла Марина.

Вадим быстро пометил сообщения, как непрочитанные, и отложил телефон.

— Освежилась?

— Да, душ с утра — залог успешного дня.

— Я тебе сделал новый кофе, торт ждет на столе. Приятного аппетита, любимая.

— Спасибо, дорогой.

Марина расположилась подальше от него с чашкой кофе и, первым делом, взялась за телефон. Стефан должен был написать. Да! Два сообщения. Девушка открыла сообщения

и улыбнулась.

«Твоя киска пьет кофе сейчас в кухне... и очень по тебе скучает», — быстро напечатала ответ, порхая пальцами над сенсорным экраном.

«Как ОНА может пить кофе?»

«Фу, ну, ты и пошляк! ОНА только что вышла из душа. Где, кстати, вспоминала о тебе... Струи воды... Ты понял.»

«О боже, я понял. Это был намек. Сегодня — секс в ванне.»

Марина издала еле слышный смешок, расплываясь в улыбке.

— Что смешного? Кто, кстати, пишет? — поинтересовался Вадим.

— Эм... рассылка от мейла, ерунда всякая. Просто смешно...

— Покажи. Мне ничего смешного не приходило, хотя, я тоже на мейл подписан.

— Ой, я удалила уже, — притворилась она и поставила беззвучный режим на телефоне.

— Ну, ладно. Я пойду на работу собираться. Ты сегодня работаешь?

— Конечно. Сейчас допью кофе и тоже пойду.

— Еще пришлют чего смешного, покажи, — улыбнулся он и развернулся. Улыбка исчезла, он недовольно поджал губы, желваки заиграли на челюсти. Пора было действовать.

Марина решила больше не подставлять себя дома, убрала телефон и пошла собираться на

работу. Возможно, сегодня получится встретиться со Стефаном, вечером... Она мечтательно вздохнула и вытащила из шкафа черное, донельзя сексуальное платье.

Глубокое декольте, обтягивающее в нужных местах... До ванной они не дойдут.

Девушка

закусила губу, предвкушая их встречу. На шею — пару капель духов Chanel, дорогие украшения, туфли на высокой шпильке, с красивым подъемом. Волосы не стала собирать в

прическу, он любил видеть их распущенными.

Закинув телефон, кошелек, косметику и еще некоторые важные вещи в сумку, она

Вышла

из гардеробной. Внизу ее встретил Вадим. Черт, она думала, что он уже ушел.

— Прекрасно выглядишь, моя красавица.

— Спасибо, дорогой.

— Твой вид заставляет меня чувствовать сильное напряжение...

Марина покраснела, испытывая тошноту от его сексуальных намеков. Лишь бы другой мужчина испытал такое же напряжение...

— Приглашаю тебя вечером в ресторан. Не пропадать же такой красоте в стенах офиса.

— Что? Нет, не надо. Я сегодня допоздна работаю. Давай, завтра?

— Марина, это твой салон. Ты можешь и не работать допоздна. Тем более, я так соскучился по своей киске. — Вадим обнял ее сзади, кладя руки ей на ягодицы.

Киске... Фу. Марина закатила глаза. Ну, почему именно это слово он выбрал?

— Давай, все же, потом? Я как-то не планировала сегодня поход в ресторан...

— Ладно, не буду тянуть.

— О чем ты?

Не успела она и глазом моргнуть, как он упал на колени перед ней и протянул маленькую

черную коробочку.

— Выходи за меня замуж, Марина.

На ее лице пронеслись сразу десятки эмоций: от удивления до полного разочарования.

Она

никак не могла собрать себя в кучу. Он... делал ей предложение?!

— Ты согласна, Марина?

— Я...

Нет, нет, не согласна! Она не могла сказать ему «да», никак. Но должна была...

— Я согласна.

— Так и думал, любимая. — Он открыл коробочку и достал волшебной красоты кольцо,

с

переливающимися бриллиантами, и надел ей на палец. — Вы идеальная пара.

— Кто? — В голове все так же был бульон из хаотичных мыслей.

— Ты и это кольцо...

— Ну да...

Марина стояла, как истукан, и просто сверлила глазами кольцо. Сорвать бы его с пальца!

Как же быть теперь? Как же Стефан? К глазам подступили слезы.

— Не вижу радости, — холодно сказал Вадик, и она подняла на него взгляд.

— Я... я рада... Очень...

— И только попробуй еще раз меня опозорить — пожалеешь.

— О чем ты говоришь?

— Только попробуй еще раз с ним встретиться.

— С кем?

— С этим американским ублюдком! Если ты сорвешь мне сделку, я тебя не пощажу.

— О чем ты? Про что ты говоришь сейчас? Я ничего не делала...

— Тварь, — процедил сквозь зубы он и дал ей пощечину.

Марина задохнулась от неожиданности. Вадим схватил ее за волосы.

— Я знаю о каждой вашей встрече, даже в каких позах он трахал мою почти жену!

Читал

все ваши сопливые смс-ки, знаю, для кого ты каждый день наряжаешься, и кого видишь во

сне. Если это увидят другие люди, тебе придет конец.

— Отпусти меня, — прошептала она, испытывая сильнейший страх перед ним.

Он отбросил ее от себя и произнес:

— Тебе мало того, что ты имеешь, неблагодарная сука? Мало элитного салона, дорогой машины, брендовых шмоток, особняка и кучи денег? Что он тебе дал, чего не дал я? На пару сантиметров член длинней?

— Я люблю его.

— Ср*ть я хотел на твою любовь. Уясни это. Забыла о нашем уговоре? Хер Шрайер ясно

дал понять, что подписание договора возможно только после моей женитьбы. Ты ему нравишься, я с тобой не ошибся. Свадьбу сыграем зимой, раздражают слякоть и грязь.

— Что, если я откажусь?

— Да ничего особенного. Просто все узнают правду о тебе и твоей подружке.

— Нет...

— Да. Ты сама подписала контракт, что согласна на такие отношения. Бизнес превыше всего. Мы изначально договорились, что я тебя обеспечиваю, даю тебе все, что нужно для

комфортной жизни, а ты — через какое-то время, в случае необходимости, становишься

моей женой.

— Ты ничего не говорил про компромат!

— А зачем мне о нем говорить? Мелким шрифтом внизу, на пятой странице.

— Урод...

— Можно и так.

— Ты блефуешь. У тебя ничего на меня нет.

— О, нет. У меня много чего есть. Успел сохранить, перед тем, как вся информация сгорела в пожаре в «Шкатулке». Это Леша подстроил, да? Чтобы свою шлюху защитить.

— Заткнись. Ты же и Лешу подставишь тоже.

— Плевать на него. Спасибо, что познакомил с тобой, и пусть идет лесом.

Марина сжала кулаки от злости.

— Подонок!

— Окей. Можешь пока выбирать платье и все, что невесте надо, — усмехнулся Вадим. — Я на работу, киска.

Он ушел, а Марина зарычала от злости и досады. Сумка врезалась в стену, волосы готовы

были воспламениться. Урод, подонок, сволочь! Она поднесла руку с кольцом близко к лицу, и слезинка упала на сверкающий бриллиант.

— Все хорошо? — спросил Алексей, заглядывая в комнату к жене.

Ирина убавила звук на телевизоре и высморкалась.

— Да, нормально.
— Нормально? Поэтому платок уже можно выжимать?
— Это все сериал. Хулио, все-таки, ушел от Марианны, — всхлипнула она.
— Чего?

— Не слушай меня. Простуда сделала свое дело, я лежу лужицей на кровати и смотрю мексиканские сериалы. Почему я раньше не видела этот канал?

— Может, это и к лучшему? — улыбнулся Леша.

— Наверное, — рассмеялась она. — Не подашь апельсинку? У меня аллергия высыпет, точно тебе говорю.

Леша взял апельсин побольше и начал его чистить.

— Да я сама...

— Я не могу своей больной жене апельсин почистить?

— Можешь, — Ирина смущенно покраснела.

— Тогда я тебе еще парочку почищу, — подмигнул ей.

— Спасибо.

— Тебе больше ничего не надо? Если что, звони мне или Ангелине. Лекарства, еда?

Что-то

еще?

— «Колдрекса» хватит. Есть кое-что, но ты не сможешь это для меня сделать... Маринку хочу увидеть, но она не выходит на связь. Или отделяется от меня парой дурацких

слов.

Чем я могла ее обидеть?

— Даже не знаю, дорогая. Подожди, может, занята. Уверен, все хорошо.

— Эх, ладно.

— И еще... — Леша замялся.

— Что?

— Мне нужно твое решение по тендеру, до конца месяца. То есть, уже через несколько дней.

— Почему такая спешка?

Он опять замялся. Чувствовал себя мальчишкой.

— Ле-еш, что происходит?

— Анна пригласила меня в Париж, в гости.

— Классно. И дальше что?

— Я согласился, — твердо сказал он и посмотрел ей в глаза.

Ирина лишь усмехнулась и кивнула головой. Вот он, конец, которого она так долго и с замиранием сердца ждала.

— Езжай, что я еще могу сказать. Ты же никогда не видел Париж.

— Ира, дело не в этом...

— Я знаю, в чем дело, Леш. Можешь не озвучивать. — Она отвернулась обратно к телевизору, не показывая расстройств ни единым движением лицевых мышц.

— Не обижайся, Ир...

— Не обижаюсь. Я тебя поняла, абсолютно точно. Ты уезжаешь в гости, поэтому не сможешь позже разобраться с документами. Гости — это хорошо, а гости из Парижа — еще лучше. А гости в лице красивых французских женщин...

— Ира!

— Да, да, ты ждешь решения по тендеру. Будет. Удачи на работе.

— Повернись ко мне.

— Не могу, — упорно твердила она, не имея желания смотреть на него. — Хулио, там, сейчас что-то важное сделает...

— Хулио, так, Хулио. До свидания, Ира.

Алексей, вздохнув, ушел. А Ирина продолжила бездумно пялиться на экран. Схватила пульт и выключила телевизор. К черту Хулио, со своими страстями бы справиться. Она отделила дольку апельсина и, поднеся ее ко рту, остановилась. Жизнь была похожа на этот

апельсин. Ее тоже можно поделить на дольки-отрезки. И сейчас одна долька почти отпала, и имя ей — Леша. Девушка задумалась о том, что же она испытывала в связи с этим. Она

была безмерно благодарна этому прекрасному мужчине за все, готова была отдать ему многое в благодарность. Он, правда, спас ее. Но она никогда его не любила по-настоящему.

Просто потому, что у нее больше нет сердца.

Ревновала ли она его к Анне? Наверное, нет. Всегда тяжело сталкиваться с разрушением, которое ставит точку в твоей прежней жизни. Они давно все для себя решили — им не

место в жизни друг друга. Так, пусть он будет счастлив. А она... она больше никогда не будет заводить никаких отношений. Хватит портить жизнь себе, да и всем остальным тоже. Черт, а так грустно.

Ирина развернула шоколадную конфету и поудобней устроилась на диване. Он уедет к ней, а ей что делать? Съезжать? Опять перемены, смена мест... Только, как все будет, на

этот раз? Девушка хлопнула себя по лбу. Тендер! Надо было решить, что с ним делать. Важное решение, которое никто за нее не примет. Что случится, если она оставит его?

А что, если отдаст? Станет ли Макс у легче? И хотела ли она, чтобы ему стало легче?

— Черт, черт, черт! — крикнула она в подушку, закрывая ею лицо.

Она не была готова увидеть его, отдать ему тендер. Иначе, к чему все это было? Так глупо... Принимать решения всегда сложно, еще сложнее — нести за них ответственность. Спустя два часа долгих размышлений, девушка, наконец-то, решила.

— Пусть боль закончится, — прошептала она, ища номер Макса в справочнике. Нашла,

но пальцы застыли. Звонить или нет? Ирина с силой надавила на экран телефона, собираясь с духом.

Гудки, и никакого ответа. Позвонила еще несколько раз — все то же самое. На улице стоял вечер, скоро совсем стемнеет. Она набрала Стефана.

— Привет. Где Макс, не подскажешь?

— Точно не знаю, но думаю, в каком-нибудь баре. Празднует еще одну «победу» с тендером.

— Ясно. Можешь узнать, в какой, конкретно, забегаловке он находится? Это очень важно.

— В семь часов вечера?

— Да!

— Сейчас, перезвоню.

Он отключился, а девушка начала нервно грызть ноготь. Давненько у нее не появлялась

эта привычка. За него, что ли, волнуется?.. Телефон снова ожил.

— На Парковой. Сразу узнаешь, там одно такое место. Не совался бы я туда, на твоём месте. Слишком много мешающих факторов.

— Какие факторы?

— Поздно. Ты — женщина. А там местечко — не очень...

— Ерунда. Спасибо, Стефан!

— Стой! Теперь ты мне помоги. Как дозвониться до Марины? Почему она не берет трубку?

— Не знаю, честно. Я тоже не могу до нее дозвониться. Завтра вместе попробуем.

— Странно все это. Что с твоим голосом?

— Иммуитет ослаб из-за нервов, вот, чихаю и апельсины тоннами ем. Простуда.

— Выздоровливай!

— Конечно. Спасибо еще раз, Стефан. И пока!

Она быстро встала с кровати, сбрасывая плед и разбрасывая лекарства. Поднялась бегом

наверх, достала документы на тендер из стола Леши, кинула в сумку, флешку — туда же.

Надела черный свитер с горлом, джинсы, куртку и выбежала из дома. Уже совсем стемнело, нужно было поторопиться, бар этот находился не близко. Минут через сорок, она подъехала к нужному зданию. Да уж, живописностью это место, явно, не отличалось.

Ирина зашла внутрь, на ходу теряя уверенность. Ладони резко вспотели, и ей захотелось

вернуться назад. Но отступить было поздно. Внутри была ужасная обстановка: пары алкоголя забивали нос, вокруг носились байкеры, рокеры и еще непонятные личности.

Девушку замутило. Где же Макс? Она высматривала его среди этой пестрой толпы, но не

могла увидеть. Глаза зацепились за мощную мужскую спину. Он сидел за барной стойкой в

одиночестве.

— Черт, — пробубнила себе под нос и стала пробираться мимо столиков.

— Эй, красотка! Как насчет часа с настоящим мужчиной? — пробасил кто-то и шлепнул ее по ягодицам.

— Пошел нахрен, придурок! — крикнула она и ударила его сумкой.

— Сука!

Девушка прошла дальше, не обращая ни на кого внимания. Остановилась позади Макса.

Частота биения сердце уже вдвое превышала норму.

— Привет, — села напротив него и попыталась перекричать музыку.

Он поднял на нее пустой взгляд, глаза на миг расширились. Она?!

— Ты? — все, что смог произнести он.

— Я, да. Пришла поговорить по поводу тендера.

— Что тебе еще нужно, мать твою? Забирай этот гребаный тендер и отвали от меня.

Или, что, хочешь выпить со мной за свою победу? Хорошо. Бармен, виски даме!

— Да успокойся ты, пьянь! Сразу бухать бежишь.

— Кто бы говорил... Что тебе нужно?

— Вот это, — ответила она и разложила перед ним бумаги.

Макс попытался, хотя бы, рассмотреть буквы, но все плыло перед глазами.

— Это мой отказ от тендера, — пояснила Ирина. — Поставишь в нужных местах свои подписи, и... все, — улыбнулась она. — Конец.

— Но... зачем? Почему? — в голове немного прояснилось. — Ты же столько сделала для

этого. Ты так хотела поставить меня на колени.

Она посмотрела ему прямо в глаза, вспоминая заново каждую черточку его лица.

Словно собиралась прощаться с ним навсегда.

— На колени я поставила себя. И хочу с них встать. Это — твоя флешка, — положила ее

рядом на стол. — Ну, я пойду...

— Ира! — схватил ее за руку. — Нет, не Ира. И никогда ею не была. Зара... Моя Зара, — притянул девушку в свои объятия. В ее глазах стояли слезы.

— Не надо этого. Я не твоя Зара. Свою Зару ты убил в той комнате, вместе со своим ребенком.

Его руки сжали ее плечи сильнее, буквально впились в них. Она сказала это, произнесла

вслух его проклятие. Убил свою Зару и своего ребенка.

— Больно.

Ее голос вывел его из ступора, который начал перерастать в медленно убивающую агонию.

Макс разжал руки и просто смотрел на нее. На свою Зару. Его любимые карие глаза были

полны слез, которые, вот-вот, сорвутся с ресниц и побегут по щекам. Ее полные губы были

слегка приоткрыты, дыхание рваными выдохами вырывалось из них. Его Зара...

— Прости за Джека. Жажда мести подчинила меня, просто снесла крышу. Как бы я ни ненавидела тебя, как бы ни хотела твоей смерти, но Джек был ни в чем не виноват. Я знаю

про таблетки, но мне от этого не легче. Собственно, я пришла сюда, чтобы поставить точку. В истории про нас. Раз и навсегда.

Она хотела освободиться от его рук, но он не дал.

— Не уходи, стой. Зара... Это был мой ребенок? Мой?..

— Твой, — глухо прошептала она и положила его руку себе на живот. — Здесь жила твоя

дочь, а ты вколол мне снотворное и убил ее. Как будто я — скот. А знаешь, как ее звали?

— Он молчал, впитывая каждое ее слово, как смертельный яд. — Диана. Красивое

имя, правда?

— Очень, — тихо сказал Макс, чувствуя, как яд потек по венам. — Прости меня, Зара. Забери этот тендер ко всем чертям, забери все! Только не уходи.

Она покачала головой и вырвалась из его рук. Развернулась и побежала к выходу, пока

слезы полностью не лишили зрения.

— Крошка, может, еще согласишься? — опять попытался дотронуться до нее тот же мужик, что и в первый раз.

— Отвали!

Ирина скрылась за дверью, Макс понесся за ней. Проходя мимо мужчины, который домогался до нее, со всей силы ударил его. Так, что тот упал вместе со стулом.

Выбежав на

улицу, он увидел, как она отъезжала. Девушка посмотрела в стекло, взглядом говоря

ему

«прощай», и нажала на газ.

— Стой! — заорал на всю парковку Макс. — Стой!

Он запрыгнул в машину, завел мотор и остановился. Ее не догнать. Ничего не вернуть.

Не

было смысла догонять разбитые мечты.

— Диана, — с болью прошептал мужчина, его глаза увлажнились. Еще одна любимая женщина, которую он убил.

Отчаяние ворвалось в мозг, нервные клетки корчились в агонии боли. Ядовитый пожар выжигал душу. Ничего не осталось. Больше ничего. А главное, больше не было смысла

ни

в чем.

— Антон, будь на месте. Я заплачу сверху, за переработку. Подготовь документы о передаче бизнеса. Немедленно, — проревел он, когда юрист стал спорить.

Макс кинул телефон на сидение, где уже лежали флешка и документы на тендер. Он собрал в ладони листы и разорвал их. Ему не нужно было больше ничего в этой жизни. Через полчаса он уже поднимался в офис Антона.

— Бумаги готовы?

— Да, но...

— Без лишних слов, скажи, где мне поставить подпись, что я отдаю свою долю ей?

Впиши

ее имя, кстати. Ирина Валерьевна Нарватова.

— Но, мистер Бекер...

Макс схватил мужчину за грудки и прошипел:

— Пиши, что я тебе говорю.

— Хорошо, хорошо, — сказал тот и начал печатать в ноутбуке. — Ирина Валерьевна Нарватова. Готово.

— Все? Печатай.

Антон распечатал листы бумаги.

— Так не делается. Это должен решать совет директоров и...

— Заткнись ты уже. Фирма принадлежит мне! Совет директоров может глотку порвать, оря, плевать я на них хотел.

— Вам принадлежит пятьдесят процентов акций...

— Я в курсе, — бросил Макс, ставя подписи в нужных местах.

— Получается, что вы отдаете...

— Я отдаю ей все! Все, мать твою! Жаль, я не могу отдать ей жизнь.

— Подождите. Что же вы делаете? Этот документ недействителен.

— Действителен, — сказал Макс, кинул пачку купюр и вышел из кабинета, оставляя юриста в полнейшем смятении.

Голова не держалась на плечах. Только одно слово стучало в ней: «Диана! Диана!»

Мужчина остановился посреди улицы, усмиряя головокружение. Реальность вращалась, он сходил с ума. Рядом он заметил круглосуточный магазин. Напиться. Еще раз. До

полного отключения. Вот, что ему было необходимо. Макс вернулся в машину с несколькими бутылками водки. Дрожащими руками открыл первую и приложился к горлышку. Но голос Зары не хотел затухать в голове.

— Замолчи, замолчи, ради бога! — крикнул он и сжал голову руками.

Надо ехать... Куда-то, но ехать, не стоять на месте. Руль под его руками горел, шины не успевали сцепляться с дорогой. Он выжимал максимум из своего спортивного автомобиля.

Двести сорок, так мало. Скорость отключила разум, водка соединялась в крови с ядом от

ее слов, и он умирал. Внезапно в глаза ударил яркий свет, и Макс отпустил руль. На такой

скорости и в таком состоянии он не видел и не понимал ничего. Дерево перед ним и мысль

о Диане были последним, что он увидел перед тем, как темнота вонзила в него свои когти.

Глава 13.

Тяжелая стеклянная дверь, духота, и сердце болезненно стучит внутри. Ирина приложила

к прозрачному стеклу ладони. Больно. Она чувствовала боль, которой не было. Стекло, просто-напросто, было холодным... Зачем она здесь стоит? Зачем она пришла сюда? Не

все ли равно ей, что происходит с человеком за этой дверью? Это не ее дело. Она не имеет

никакого отношения к этому человеку. Он для нее никто. Его больше нет в ее жизни. Он навсегда остался там, где слезы и боль, там, где страх и отчаяние. Девушка приложила руку к двери, ощущая неприветливый холод, исходивший от стекла. НИИ скорой помощи

имени Н. В. Склифосовского. Куда их только ни заводила судьба. Вот он, конечный пункт, точка невозврата. Он лежит сейчас здесь, в критическом состоянии, почему же опять грустно? Почему опять не радостно? Почему мечты никогда не приносят удовлетворения, когда сбываются? Чертовы законы Вселенной. Зло возвращается злом. В нее оно уже

ударило дважды. Девушка смотрела в стекло, пытаясь прожечь в нем дыру взглядом, но

оно не плавилось. Ладони вспотели, было сложно это сделать.

— Девушка, вы куда? Туда нельзя. Только родственникам, — мужской голос прорезал туман грусти у нее в голове.

Ирина неожиданно толкнула дверь и вошла внутрь. Стерильная чистота, угнетающая тишина, и лишь редкие всхлипы медицинских приборов раскрашивали эту

въедающуюся в мозг тишину. Она словно увязла в липком болоте.

— Девушка! Я сказал, посторонним нельзя!

— Ей можно, — ответил Стефан, показывая свою взъерошенную голову из-за двери,

где

стоял небольшой диванчик.

— Она жена, сестра или... кто? — допытывал его врач.

— Ей можно, — с нажимом сказал Стефан и грозно посмотрел на доктора.— Она

заменит

меня. Не бойтесь, она не отравит его во сне. Ведь так, Ира?

— Конечно, нет, — прошептала она, слегка качнув головой. Там, немного дальше,

лежал

он, а она не могла посмотреть на него. Не хватало мужества.

— Хорошо, — сказал врач и, поджав недовольно губы, вышел.

— Как он?

— Живее всех живых, — грустно пошутил Стефан. — Он уже два дня тут. Почему ты не приехала сразу?

— Я не могла. У меня были проблемы. В телефоне поменяла симку, и только сегодня утром увидела сообщение. Но я сразу заподозрила что-то неладное, когда в офис не пришли документы по тендеру, — говорила она, не скашивая взгляд даже на градус,

чтобы

не видеть белую простыню, белые стены и его, без сознания.

— Тендер... Вот, держи, — протянул ей листы бумаги.

— Что это... Я не пойму...

— Все кристально ясно. Он отдал тебе свои акции. Фирма Макса — твоя.

— Нет, нет. Зачем? Ерунда!

— Зара, очнись. Он, перед тем, как попасть в аварию, влетел в офис нашего юриста и заставил его распечатать эти документы. Фирма твоя.

— Хватит это повторять, Стефан. Я поняла и в первый раз. Это можно изменить?

Отменить, порвать бумаги? Боже, что он наделал...

— Я, как вице-президент и, по совместительству, брат этого оболтуса, имею право оспорить любое его решение. Но я не буду этого делать.

— Почему?

— Потому, что он захотел так. Захотел отдать все своей самой любимой «бабочке», —

горько усмехнулся он. — Отныне ты — генеральный директор фирмы «Beker Development Company».

Ирина с непониманием смотрела на листы в ее руках. Что же за бред происходил сейчас?

Какая фирма, какой из нее директор? Ее бы в психушке закрыть на пару дней, а он ей фирму отдал. Идиот! Она закрыла глаза, считая про себя, открыла их и посмотрела на Стефана.

— Забери. Мне это не надо.

— Мне тоже не надо. Фирма принадлежит ему, — посмотрел на Макса, и взгляд Ирины повторил движение его глаз. Она заметно побледнела, стала такой же, как и Стефан.

— Это его собственность, понимаешь? Он мог отдать ее бродячей собаке, первому встречному человеку на улице, кому угодно. А отдал любимой женщине.

— Я не его любимая женщина...

— Это вы решите потом. А сейчас я оставлю вас, только перед этим хотел спросить. Что

с

Мариной? Что вы скрываете? Почему я не могу до нее дозвониться?

Только сейчас она заметила, какие уставшие были у него глаза, глубокие морщины прорезали всегда такое свежее и жизнерадостное лицо. Мешки под глазами напоминали

опухоли, волосы торчали в разные стороны. Сколько же он не спал?

— Клянусь, я не знаю. Меня тоже удостоили парой слов, попросили не отрывать от работы

и обещали перезвонить. Но, как видишь... — развела руками.

— Работа... Точно! Как я не додумался съездить туда. Ты побудешь с ним, пока я навещу

Марину?

— Конечно. Удачи, Стефан. Передай ей, что ее ждет взбучка от меня за такое поведение!

Стефан улыбнулся и ушел, а Ирина так и осталась стоять спиной к Максиму и лицом к двери.

Стерильная чистота, холод и чувство безнадежности. Белые стены безжалостно давили на

мозг, заключая в свои удушающие объятия. Стало трудно дышать. Горло сдавило, руки снова вспотели. Что с ней происходит? Из-за чего она волнуется? Мужчина, лежащий перед ней, не стоил и секунды ее волнения, но сердцу было плевать на выводы, сделанные

мозгом. Сердце так и осталось с ним, оно простило ему все. Даже то, что прощать было нельзя. Она не смогла простить, но сердце было добрей. Предатель. Она воевала каждый

день с этим проклятым сердцем, желая позвонить ему, сказать совсем другие слова, сделать совсем другие вещи, но гордость и обида не позволяли. Так, из раза в раз, она засыпала с кровоточащим сердцем, зная, что тот, кого так ждет ее душа, пытается сейчас

выстоять в борьбе с жестокой реальностью. Но он проигрывал. Она знала это, поэтому помогла ему сорваться в пропасть, рассказав всю правду. Как часто эта самая правда свергала их в пучину ненависти и злости? Душа была насквозь прошита дырами от гребанных признаний у обоих. Но они сами выбрали этот путь. Только они сами.

Сейчас она повернется, еще минуту... Две, три, четыре... Девушка развернулась к нему лицом и задержала дыхание. Приблизилась к койке и сжала в руках документы. Она подошла к нему и села рядом. Минут пять девушка провела в разглядывании человека, который просто смял в руках ее жизнь, как клочок бумаги, а затем разорвал его на сотни мелких кусочков. Только сначала он написал на нем любовные стихи и признания, дал

ей

надежду, а потом окропил этот лист кровью.

— Ты решил так откупиться от меня? — тихо спросила, сминая в руке листы. — Думаешь, твоя фирма стоит хотя бы взгляда нашей дочери? Знай, я верну тебе эти бумаги, как только

ты очнешься. А ты очнешься! Слышишь? Очнешься!

Ее голос сорвался, и она замолчала. Документы положила на тумбочку, стоявшую рядом.

Руки нервно дрожали. Что ему сказать? Его глаза были закрыты, он не шевелился. И только цифры на приборе знали, жив он или нет.

— Ты всегда доставлял мне боль. Даже сейчас. Ты лежишь полуживой, а мне больно. Понимаешь? Больно. Очень. Это наша судьба, наше проклятие, да? Причинять друг другу

боль... Думаю, окружающие от нас в шоке. Мы, действительно, самая странная парочка всех времен и народов. Значила ли я, хоть что-нибудь, для тебя? Или просто была шлюхой, еще одной бабочкой, попавшей в твой сачок? — Ирина слегка коснулась его руки, задерживая дыхание.

Когда-то она любила эти сильные руки, дававшие ей столько силы и защиты. И приносящие еще больше боли своими ударами, которые всегда были точны. Он никогда не

промахивался, только не с ней. Она помнила, как сгорала в неистовом пожаре страсти, когда эти руки исследовали ее тело, когда они касались каждого миллиметра кожи и души... Она помнила все. Его прикосновения навсегда выжжены на ее теле безумными узорами. Сейчас же его руки были неестественно холодны. Внезапно и девушке стало холодно.

— Холодно, правда? — Она опять говорила с ним. — А ведь, когда-то, наша жизнь была

огнем, вулканом, мы жили, как на пороховой бочке. Ты и сам себя боялся, признайся. Зачем столько боли? Ты не давал жить сам себе. Почему ты так ненавидел нас, бабочек?

Что мы сделали тебе плохого? Зачем ты отрывал нам крылья? Зачем?! Я больше уже никогда не взлечу, — горькая слеза скатилась по щеке, а рука непроизвольно, подчиняясь

эмоциям, сдавила руку Макса. — Ненавижу тебя! Ненавижу...

Она отдернула руку и вскочила со стула. Провела руками по лицу и отошла к окну.

— Какого черта ты сейчас валяешься без сознания в больнице, когда на улице такая красота? Какого черта ты все разрушил тогда, той осенью?! Что бы могло быть у нас сейчас, если бы не ты? Ты отобрал у меня всю семью — мою единственную дочь! Убил всю мою семью!

Слезы всегда были сильнее нее. Всегда... Девушка заплакала, смотря в окно. Господи, она

не выдержит, не выдержит! Она опять повернулась к нему.

— И почему меня угораздило полюбить монстра? Сука-судьба не умеет шутить! Из нее херовый юморист. Мы с тобой, словно, пародия на нормальных людей. Все в наших жизнях извращено... Мы оба больны и несчастны, наши руки запятнаны кровью, мы...

созданы друг для друга, — ошарашено прошептала Ирина, осознавая эту простую истину.

Она взяла его руку с прикрепленными проводами, провела по шершавым пальцам своими

нежными пальчиками и всхлипнула. — Ты очнись, ладно? Пожалуйста. Тут никого нет, поэтому я скажу. Скажу один раз, и больше не повторю. А ты и не вспомнишь, когда придешь в себя. Я... — Рот девушки открылся, но слова не покинули его. — Я... Ты знаешь, как это сложно сказать? Хотя бы, догадываешься? — Она набрала в легкие побольше воздуха и выдохнула. — Я люблю тебя!

Сказала это... Ее глаза закрылись, рука сильнее сжала его пальцы. Только эти стены слышали, только они знают, но они будут молчать.

— Я никогда не повторю эти ужасные слова вслух, и ты никогда ничего не узнаешь. Потому что любить тебя нельзя. Нельзя в этом признаваться. Это плохо, это ненормально.

Но все эти годы я убивала в себе не только печаль о смерти Дианы, а еще и безграничную

грусть от того, что ты выкинул меня, как собаку, из своей жизни. Весь мир знает, что ты лежал в клинике, и у тебя были проблемы с наркотиками. Я знаю, что тебе тоже тяжело все

это далось. Но пути назад нет, мосты полыхают. Скоро я уйду, и все закончится. Ирина замолчала. Вроде бы, все и сказала. В душе — пустота, словно она вытряхнула ее

всю. Нет, осталось сказать последнее...

— Кстати, знаешь, почему Диана? Я видела ее во сне. Были просветы, когда мне не снились кошмары, тогда в мои сны приходил черноволосый ангел. С глазами цвета шоколада, с темными кудряшками... Она называла себя Дианой. Говорила «мама» и показывала на меня, смеясь. Потом говорила «папа» и плакала, затем свет гас, и я просыпалась... Видимо, на этом — все. Прости и прощай.

Девушка собрала вещи и направилась к выходу. Сразу за дверью ее ждал врач. Все такой

же, недовольный.

— У вас тушь течет, — обратился к ней.

— А у вас нет, — огрызнулась она и вышла из больницы.

Тушь, и вправду, потекла. Слезы только-только остановились. Сколько же надо выплакать

этих слез, чтобы, хоть чуть-чуть, совсем незначительно полегчало. Ирина подправила в машине макияж и повернула в сторону дома. Пустота тянулась за ней, его лицо стояло перед глазами. Выкарабкается ли он? Стефан сказал, состояние критическое, но шанс есть.

Дурак, идиот! Пошел, напился и сел за руль. Конечно, так всегда проще. Еще и бизнес свой отдал. Она просто кипела от злости и раздражения. Но, на самом деле, ее съедал изнутри страх. Страх, что он может не выжить...

Девушка затормозила у дома. Автомобиль Леши стоял у входа. Он дома? Странно...

— Привет!

— Ира, привет. Думал, ты там надолго удержишься. Как он? — спросил Леша,

складывая

вещи в сумку.

— Он... плохо... А что ты делаешь?

— Я собираю вещи. — Мужчина остановился и поднял взгляд на жену. — Анна

поменяла

билеты, мы вылетаем через три часа.

—Ммм понятно. В гости не терпится?

— Ир...

— Нет, нет, все хорошо. Я бы тоже торопилась посмотреть Париж, особенно, дом и,

если

быть совсем точным — спальню этой барышни...

— Перестань.

— Да, ты прав. — Она устало вздохнула и села рядом, на кровать. — Я несу чушь. Это нервы. Я — просто комок электрического тока сейчас. Не трогай — убьет, — так же устало улыбнулась.

— Ир, я не хотел трусливо сбегать, ты не подумай. Меня известили о том, что планы изменились, как только ты уехала в больницу. Дозвониться до тебя я не мог — телефон был выключен. Я бы обязательно оставил тебе записку.

— Я ни в чем тебя не виню. Даже, наоборот... А знаешь, что? — воодушевленно

сказала

она.

— Что же?

— Я так тебя люблю! По-человечески, как настоящего мужчину и человека. — Ирина крепко обняла его, глядя по спине. Он обнял ее в ответ. — Нам, правда, пора расстаться.

Нет смысла держаться за какие-то глупые иллюзии и только отягощать друг другу жизнь.

Леш, — отстранилась от него, заглядывая в глаза, — я так тебе благодарна. Если только у

тебя появится малейшая мысль, как я смогу тебя отблагодарить — скажи, хватит даже намека, я пойму.

— Уже есть такая мысль, — загадочно улыбнулся он.

— Колись!

— Просто, позвони мне однажды, в любое время суток, в любую страну, где бы я ни находился, и скажи, что ты счастлива. Мне этого будет достаточно.

Ее глаза увлажнились, и она снова его обняла.

— Боже, как же я тебя люблю. И буду повторять это вечно! Спасибо тебе за все.

Можешь

мне тоже кое-что пообещать?

— Конечно, если это не превышает пределы разумного и возможности моего кошелька, — пошутил он.

— Не превышает ни то, ни то. И ты мне обязательно позвони и скажи, что счастлив. С

Анной, с другой француженкой, китайкой, американкой, с кем угодно. Главное слово —счастлив.

— Договорились. В общем, мы — на созвоне.

Оба рассмеялись этой шутке.

— Боже, еще один груз упал с плеч, — сказала она, вытирая слезы облегчения.

— У кого-то — упал, а кому-то еще сумки тяжелые тащить, — скосил взгляд на сумки.

— Я тебе помогу! Уже идем?

— Да, можно выдвигаться.

Они спустились вниз, Алексей загрузил вещи в багажник. Ирина смотрела на него и улыбалась. Наконец-то, все встает на свои места.

— Но просто так ты от меня не избавишься, — произнес он, подходя к ней.

— В смысле?

— В прямом. Ключи от дома остаются у тебя, ты можешь жить в нем столько, сколько захочешь. В моем кабинете, на столе, лежат деньги — это тебе, чтобы устроить свою жизнь, ключи — это от твоей новой квартиры в центре, и ключ от офиса — ты можешь остаться на своем рабочем месте.

— Зачем ты опять заставляешь меня плакать?

Леша посмотрел на нее в растерянности.

— Это так мило! Спасибо-спасибо, дорогой мой человек!

Они обнялись в последний раз, и Леша сел в машину, показывая ей пальцами знак дозвола. Ирина помахала ему рукой, смеясь. Вот и подошли к концу три года их совместной жизни. Но ничего никогда не будет забыто. Потому, что ничего забыть нельзя...

Стефан стоял перед входом в салон. Он так соскучился по Марине, не видел ее так долго.

Даже день ощущался годом. Толкнув входную дверь, он вошел внутрь.

— Это он! — крикнула девушка-администратор так, что, должно быть, разбудила самого

Дьявола.

Внезапно перед ним вырос охранник.

— Вас запрещено пропускать. Прошу вас, покиньте помещение.

— Вы что-то путаете. С чего это меня запрещено пропускать?!

— Ваше имя.

— Стефан Хейз.

— Все верно. Покиньте помещение.

— Почему? Что происходит? И только не говорите ваше коронное «это секретная информация», — съязвил Стефан.

— Вы правильно поняли. Прошу на выход.

— А если нет?

— А если нет... — Охранник хрустнул шеей и демонстративно размял кулаки.

— Хорошо, — Стефан притворился, что уходит, и двинулся к выходу. Охранник — за ним.

Он незаметно сгруппировал руки и ударил охранника локтем в живот. Тот согнулся пополам, и он смог пробежать внутрь.

За секунду добрался до двери кабинета Марины и, со всей силы, рванул дверь.

— Что такое? — воскликнула Марина. — Стефан?!

Он оглянулся на дверь, слыша шаги и крик охраны, и закрыл ее на ключ.

— Стефан, Стефан. Что же это такое происходит, куколка моя? Охрана? Запрещено пускать меня внутрь? Когда я стал твоим главным врагом?

— Всегда им был, — холодно ответила она. — Уходи.

— Нет. Не уйду, пока ты не скажешь, что происходит.

— Ничего не происходит. Ты здесь лишний.

— Марина...

— Просто сделай так, как я тебе говорю! Уйди!

— Ни за что! Объясни, что происходит.

Он подошел ближе. В ее глазах — сталь и холод, ни проблеска прежней Марины. Взял

ее

за руку, но неожиданно пальцы нащупали что-то твердое.

— Что это...

— Кольцо, — сказала Марина и выдернула руку. — Я выхожу замуж. Приглашение не пришлю. Теперь можешь идти.

— Что?! — Он схватил ее руку, чтобы рассмотреть кольцо. Настоящее. — Как — замуж?

Мы же только недавно...

— Никаких «мы», никаких «недавно». У меня есть жених, уходи.

В дверь забарабанили, выкрикивая угрозы.

— Марина...

Два охранника выломали дверь и ворвались внутрь. Один подбежал к Стефану и со словами, что он гребаный ублюдок, ударил кулаком по лицу.

— Не трогать его! — распорядилась Марина, ее сердечко и так расклеилось, его крови

она

не перенесет. — Мистер Хейз сам уйдет. Да, мистер Хейз?

— Да, миссис сука. Которая вытрепала мне все нервы! — зло прошипел он и сплюнул

на

пол кровь. — Отдала ему свое сердце, да? Сколько же оно стоит?

— Уведите его.

— Я сам.

Стефан ушел, охрана вышла следом за ним. Марина подошла к окну и проводила его взглядом. Душа уже умерла, было не больно. Или, по крайней мере, хотелось в это

верить.

— Мое сердце навсегда с тобой, — прошептала ему в спину, касаясь холодного стекла окна. — Но никто меня не спрашивает...

Глава 14.

— Я опять здесь, — сказала Ирина, располагаясь напротив Макса. — Почему ты не просыпаешься? Уже две недели прошло, а ты не подаешь признаков жизни. Врачи говорят, что показатели колеблются на грани. Что, кажется, ты проснешься, но ты никак не можешь

этого сделать. Что тебе мешает? — ласково спросила она, глядя его по руке.

Девушка посмотрела в окно. Листья почти опали с деревьев. Природа дышала холодом, люди уже оделись в зимние вещи, когда они говорили, в воздухе проносились клубы густого пара.

— На улице почти декабрь, пару дней осталось. Представляешь? Скоро Новый год. И

снег

скоро выпадет, уже по утрам иней лежит. Ты любишь зиму? А я, вот, даже не знаю.

Холодно, брр, но зато можно в снежки поиграть! Вообще, весело зимой. — Она замолчала, не зная, что еще ему сказать. Ее размышления прервал врач.

— Должен вас прервать. Мне нужно снять показания с приборов.

— Конечно. Я буду за дверью.

Врач, видимо, всегда был в таком расположении духа. Или она ему не нравилась... Но еще

ни разу на его лице не появилась улыбка. Особенно, к ней он всегда был холоден.

Неужели

из-за того, что она тогда ему нагрубила? Мог бы и понять, в каком состоянии она находилась. Через какое-то время доктор вышел в сопровождении медсестры.

— Что с ним, доктор? Все хорошо?

— О «хорошо» мы, в принципе, не можем говорить, в данной ситуации. Он словно хочет очнуться, но не может. Чертовщина. Лекарства не помогают вывести его из комы.

Ничего

не понимаю...

Ирина хотела его расспросить подробней о состоянии Макса, но доктор, весь погруженный в думы, прошел мимо нее.

— Ладно... — пробубнила себе под нос она и вошла обратно в палату. Села рядом с Максом. — Доктор говорит, что показатели скачут, что-то тебе мешает... Но, что? Что тебе

мешает? Молчишь...

Ее рука коснулась его ладони. Все так же, без движения...

— Тебе, наверное, интересно, почему здесь я, а не Стефан? Он... у него трудный период в

жизни. Как и у всех нас... Марина выходит замуж. Можешь себе такое представить? И не

за

Стефана. Вот... что тебе еще рассказать? Почему именно я заменяю твоего брата, а не

не

платная сиделка? Я так хочу. Мне больше нечего делать. С Лешей мы расстались, он

уехал

в Париж со своей новой пассией, — говорила Ирина, нервно теребя свои пальцы. — В общем, я опять одна. Отчего бы не навестить тебя?

Она опять взяла передышку и замолчала. Темы для бесед подходили к концу, а уходить от

него не хотелось. Вдруг, он прямо сейчас, на ее глазах, очнется.

— Есть еще новости! Притом, смешные. Думаю, не надо спрашивать, помнишь ли ты Эндрю.

Линия на приборе резко пошла вверх и опала. Девушка издала тихий смешок.

— Точно, помнишь! Даже сейчас хочешь его убить? Знаешь, он никогда мне не нравился.

Этакий смазливый мальчишка, привыкший ко всему хорошему с детства. Просто я видела, как ты ревновал, как ты бесился. Меня привлекают настоящие мужчины... Вернемся к

к

нашим баранам, то есть, к Эндрю. Он потерял все! Прикинь? Интернет полон информации

и фоток об этом. Видно, жизнь так и не научила его принимать правильные решения.

Бизнес трещит по швам, с отцом разругался. Такой дурак!

Линия на приборе опять сделала движение. Девушка нахмурилась. Может, врача позвать?

Это нормально, что она так скачет? Расскажет еще одну историю и позовет.

— Приготовься к еще одной истории. Это, вообще, атас! Теперь на очереди Алисия.

Да, да, ее ты, конечно, помнишь. Только, на этот раз, ревновала я, и ты этим пользовался. Мы с

тобой идеально друг другу подходим. Даже методы доставления боли выбирали одни и те

же. Плюс ли это? Слушай, что с ней произошло. Она, все-таки, вышла замуж! Никогда не

догадаешься, за кого. За олигарха Браумана, — засмеялась Ирина. — Он такой неприятный внешне: два подбородка, одышка, двести кило лишнего веса, кудри, как у пуделя. Лучше не буду продолжать. Столько всего произошло... Вроде, ты совсем недолго

лежишь в больнице, а мир успел перевернуться с ног на голову. Нельзя так долго спать!

Ты все пропустишь...

Она смотрела на его лицо, и грусть наполняла душу. Черт, сейчас она была там, где всегда

хотела быть ее душа. Какая глупость. Когда он был на грани смерти, когда в ее жизни не

осталось ничего, она, наконец, обрела покой.

— Прости за то, что я жива, за то, что помню о тебе, — прошептала она строки из песни.

— Прости за тот недолгий путь. Пожалуйста, постой. Прошу, не уходи, побудь еще немножечко со мной...

Его пальцы сжали ее, чего она никак не ожидала. Ирина вскрикнула, подскакивая на месте. Приборы все разом запищали. Она закричала, зовя помощь. В палату вбежали медсестры и доктор.

— За-ра, — по слогам прохрипел Макс, сжимая и разжимая пальцы.

— Больной подал признаки жизни! Всем посторонним — вон из помещения! — распорядился врач, но она не сделала и шагу в сторону двери.

— За... ра...

Услышав еще раз свое имя, девушка выбежала. Понеслась вниз и пулей вылетела из больницы. Ее не было там. Не было. Он звал ее. Да, как же так? Он же лежал без сознания!

Она не могла отдышаться и прийти в себя, понять, что происходит. Ирина зажгла сигарету

и затянулась. Хорошо! Давненько она не курила. Никому это не нравилось, ни Леше, ни Максусу...

— Немедленно потушите сигарету! — заорал на нее доктор. — Здесь запрещено

курить!

— Можно узнать ваше имя, доктор? — спросила она, делая еще одну затяжку.

— Валентин Иванович.

— Так вот, Валентин Иванович, отвалите от меня уже! — крикнула она и, бросив на крыльцо сигарету, придавила ее носком сапога, сверля взглядом врача. Достал.

— Как вы смеете так со мной разговаривать?! Между прочим, я лечащий врач вашего... вашего... Кем он вам, все-таки, приходится?

— Не ваше дело.

Валентин Иванович насупился, но произнес:

— Мое дело — привести к нему каких-то Зару и Диану. Кто это? Он зовет их, просто сходит с ума. А нервничать ему сейчас категорически нельзя.

Ирина замерла, даже пульс замедлил свое биение. Он звал их...

— Так, вы можете им позвонить, чтобы они приехали?

— М-могу, да.

Она развернулась и пошла обратно, к нему. Доктор что-то кричал ей вслед, но ей было плевать. Ирина на миг остановилась перед его палатой. Лишь бы сердце не выпрыгнуло на

пол. Толкнула дверь и зашла. В палате находились две медсестры.

— Зара... — еле слышно произнес Макс, его голова была повернута в ее сторону.

Медсестры покинул палату, а Ирина подошла к нему.

— Ты тут.

— Я... да, тут. Случайно оказалась здесь. Стефан занят... — неуверенно ответила она, избегая смотреть ему в глаза. Лицо было все в ссадинах, синяках и кровоподтеках.

— Ты была тут, долго... Что-то говорила...

Девушка про себя молилась, чтобы он не вспомнил ее главных слов. Человеческая память!

Был без сознания, а что-то помнит.

— Зара... — протянул к ней руку, но она не ответила. Макс закрыл глаза, выравнивая дыхание. — Быть овощем — чертовски неудобно.

— Ты поправишься. Овощеподобное состояние временно, — ее губы дрогнули в улыбке.

— Подойди ближе, пожалуйста. — Она подошла. Он прикоснулся к ее руке, учась заново

двигать пальцами. — Ты дашь мне шанс все исправить? Ради Дианы...

— Не произноси ее имя вслух! Ты не имеешь на это права, — покачала головой Ирина, вырывая руку. — И никакого шанса. Никогда. Не в этой жизни, нет...

— Зара... — прохрипел Макс, чувствуя свинцовую тяжесть во всем теле, даже в веках. Сейчас уснет.

— Зары нет, и можешь ее не искать. Она умерла. Прощай навсегда.

— Стой...

Она убежала, только ее черные волосы мелькнули в дверном проходе. По щеке мужчины

скатилась слеза. Зара ушла. Свинец отравил кровь, и Макс провалился в бессознательность снова.

Ирина полулежа сидела на диване под одеялом, согреваясь чаем с корицей. За окном валил

снег, пушистые снежинки кружились в немом танго, иногда прилипая к ее окну. Она переключала каналы со скоростью света, ища, что бы посмотреть. Все каналы пестрели рекламой новогодних концертов, отрывками из «Иронии судьбы» и «Елок». Всюду витала

радость, предвкушение большого праздника. Ее максимум — это гирлянда на окне. На этом вся радость заканчивалась.

— Достало, одно и то же, — сказала она и выключила телевизор. Душа требовала чего-то

иного, может быть, музыкального... Она нашла в интернете песню Глюкозы и удобно устроилась на диване. — Самое то! А снег идет... — подпевала девушка, улыбаясь и потягивая горячий, ароматный чай.

Прошла неделя, как она сбежала из больницы. Что было с Максом — загадка. Она просто

надеялась, что он пришел в себя окончательно и пошел на поправку. Стефан звонил ей, но

она не брала трубку. Нельзя. Иначе не выдержит и побежит к нему. Его несчастный вид заставлял сердце обливаться кровью, это было невыносимо. Но, ведь... ей нельзя быть

с ним. Это неправильно?..

Бедный Стефан, тоже страдал. Маринка, конечно, выдала. Замуж!

— А позвоню-ка я ей... — Она набрала номер подруги и стала ждать.

— Алло, — ответила Марина.

— Что, алло, подруга? Что происходит? Ты с ума сошла?

— Зара...

— И чего это сегодня ты решила трубку взять? Или сейчас меня тоже пошлешь, куда подальше? Нигде нет охраны?

— Прекрати! — крикнула Марина. — Не тебе осуждать меня, ясно? Что хочу, то и делаю!

— Он же любит тебя! Да, даже не это главное. Ты любишь его. Его, а не Вадика. Что ты

творишь, Марина?

— Это моя жизнь, я сама решу, как ею распорядиться. И только я знаю, кого люблю на самом деле.

— Хватит прикидываться сучкой, рассказывай, что случилось.

— Хватит со мной разговаривать, как с дитем, — отрезала Марина. — Я твои решения никогда не осуждаю, вот и ты мои не осуждай.

— Мариш, я не хочу тебя обидеть. Почему ты такая колючая в последнее время? Я же люблю тебя. Ты помнишь об этом?

— Я помню, Зара, — тише произнесла та и закрыла глаза, сдерживая слезы.— Моя любовь

к тебе меньше не стала. А с мужчинами я разберусь сама, ладно?

— Ладно, — грустно ответила Ирина, сердцем чувствуя что-то неладное. — И когда свадьба?

— Я, как раз, хотела начинать высылать приглашения. Двадцатого января.

— Так скоро?!

— Да, а чего тянуть?

— Ты уверена? У тебя есть шанс все изменить, все отмотать назад...

— Прекрати ты уже, Зара! Прекрати рушить мою уверенность в себе!

— Стефана позовешь?

— Нет.

— Марин...

— Ладно, мне пора. Удачи, дорогая. Может, с Максом у вас все наладится.

Ирина даже рта не успела раскрыть, как в телефоне послышались гудки. Н-да... Одни проблемы. Она вернулась к прослушиванию песен и не заметила, как уснула, утомленная

медленной мелодией и мыслями о превратностях судьбы. Через какое-то время ее разбудил звонок охраны.

— В чем дело? — сонно спросила она, плохо соображая, с кем говорит.

— Не идентифицированный посетитель.

Девушка закатила глаза. Эти охранники вечно фильмов пересмотрят. Она выглянула в окно и узнала машину Стефана. Что он тут делал?

— Пропустите его.

— Вы уверены?

— Что за дурацкие вопросы?! Естественно, уверена!

— Извините, пропускаю.

Ирина накинула сверху тяжелую вязаную кофту, сапоги и вышла навстречу гостю. Но внизу ее ожидал сюрприз. Стефан припарковался у входа в дом, вышел из машины и... достал инвалидную коляску. Собрал ее, затем помог выйти Макс и посадил его туда.

Ее

глаза достигли бровей. Господи, он стал инвалидом?

— Открой, Зара, — глухо сказал Стефан, стуча в дверь.

Она совсем потерялась в мыслях. Тряхнув головой, Ирина отворила дверь и пропустила

мужчин внутрь.

— Я подожду в машине. Позовешь, когда закончите.

— Закончим что? — не понимала она. — Стефан!

— Закончим говорить, — произнес Макс и посмотрел на нее. — Ты же не выгонишь меня, Зара?

— Н-нет, конечно. Боже мой, почему ты в инвалидной коляске? И почему ты не в больнице? Давай, пока, в кухню пойдём, я тебе чай сделаю.

Она покатила его в кухню, а он начал отвечать на вопросы.

— Я настоял на том, чтобы меня выписали. Врача чуть инфаркт не хватил, когда главврач

дал добро.

— Как он мог дать добро? Ты всего неделю, как пришел в себя! — негодовала Ирина, заваривая черный чай и нарезая лимон.

— Ты знаешь ответ — деньги.

— Да уж, кое-что не меняется никогда, — улыбнулась и поставила перед ним чашку. —

И

зачем нужно так рисковать своим здоровьем? Ты похож на мертвеца.

— Зачем... И ты опять знаешь ответ. Ради тебя.

Девушка потупила взгляд, сильно сжимая в руках кружку с чаем.

— Не стоит...

— Стоит, Зара! — Макс накрыл ее руку своей. Какая нежная кожа. Как же он по ней скучал. — Еще как стоит. Дай мне шанс.

— Какой шанс? О чем ты говоришь? У нас с тобой нет шанса ни на что нормальное в этой

жизни. Просто, нет... — выдернула руку, разливая чай. — Черт! Горячий.

— Уйди от него. Я отдам тебе все. ВСЕ!

— Только и можешь, что деньгами мерить эту жизнь. Но я не продаюсь.

— Это ты сейчас подумала про деньги. Я же имел в виду свою жизнь, свое сердце, всего

себя. Ты и так сейчас стоишь на осколках моей прежней жизни. И я не хочу их склеивать.

Выбрось их. Забери все. Я уже отдал тебе фирму, забери теперь сердце.

— Мне не нужно твое сердце, когда-то, тебе не нужно было мое.

— Тебе не нужно мое сердце, Зара, потому, что его нет. Но оно хочет быть. С тобой оно хочет жить. И оно может биться даже разбитым.

— Зара... — начал он и протянул к ней руки. — Моя Зара. Мне чертовски трудно говорить. Ты даже не представляешь, как. Тело почти не слушается меня, голова — тоже.

Но я тут, я на коленях перед тобой. Дай мне шанс. Мы сможем... Я уверен.

— Да, ни черта мы не сможем! — крикнула она и отошла к столешнице. — Ничего...

— Это из-за Алексея? Ты любишь его?

— О, да, из-за Алексея. Он сейчас в Париже со своей новой женщиной.

— Тебе больно от этого, да? — ревностно спросил Макс.

— Ни капли. Мне плевать.

— Почему ты тогда живешь в его доме?

— Не знаю, хочется так.

— Зара, посмотри на меня. Ну, повернись же ко мне.

Она повернулась, стараясь спрятать глаза, полные слез.

— Господи, прости меня, любимая Зара, за все. И за Диану, — надрывно сказал он и замолчал. — Я убил свою дочь.

— Да, ты убил свою дочь! Как тебе это откровение, спустя три года? Ты даже не задумывался никогда об этом, тебе было плевать. А теперь ты просишь меня вернуться

к

тебе, дать еще шанс. Чтобы ты еще раз убил меня.

— Нет, нет, никогда. Я люблю тебя, Зара. — Макс попытался встать с коляски, но не смог, слишком слабы были ноги. А он так хотел обнять ее. Его любимая женщина сейчас плакала...

— Самая любимая бабочка, да? — усмехнулась Ирина. — Только я осталась в живых?

— Не бабочка. Больше нет. Просто женщина, подарившая мне жизнь. Во всех смыслах этого слова.

— И, в благодарность, ты забрал жизнь своей дочери, — сквозь слезы нервно улыбнулась

она.

— У нас родится другая Диана. Или мальчик, или и мальчик, и девочка... У нас будет другой ребенок. У нас... Я... я хочу от тебя ребенка. Я...

— Что — ты?! Что — ты?! — заорала Ирина, давясь слезами. Закрыла руками глаза и заплакала. — Я больше не могу иметь детей.

Мужчина замер. Не может иметь детей. Его любимая Зара не может больше иметь детей...

Сердце кольнуло острой болью. Она так горько плакала сейчас перед ним, ее плечи тряслись. И на его глаза навернулись слезы. Не вернуть уже никогда Диану, и другой не

будет. Что же он натворил... Макс сжал зубы и, собирая все силы, встал с кресла. Пару секунд стоял, держась за подлокотники, усмиряя головную боль, дополненную ее всхлипами.

— Не подходи ко мне!

Он и не собирался. Макс упал перед ней на колени и задрал ее кофту. Ирина ахнула.

Он приложил руки к ее плоскому животу, слезы потекли и по его щекам тоже. Девушка не

шевелилась, только успевала проглатывать соленые слезы с губ.

— Диана... — прошептал Макс и прикоснулся к ее животу щекой, закрывая глаза. — Прости меня, любимая дочь. Прости, — поцеловал нежную кожу, покрывшуюся мурашками.

— Уходи, — сказала она, переставая плакать и отталкивая его, а то, правда, простит.

— Нет. Только с тобой.

Ирина сорвалась с места и вылетела из кухни, а Макс остался стоять на коленях и проклинать себя. Она позвала Стефана на помощь. Он, на миг, растерялся... Все в слезах...

— Макс! Вот ты идиот. Доктор же сказал, нельзя даже из-за футбольного матча нервничать! — отчитывал брата, поднимая его с пола и усаживая в коляску.

— Я люблю ее... — донеслось до Ирины, когда Стефан выкатывал Макса на улицу.

— А она тебя, видно, нет. Заметь, имеет на это право.

Мужчины ушли, а девушка прислонилась к двери и наблюдала за снежинками и отъезжающей машиной Стефана. И что она тут делала, в квартире Леши... Пора было съезжать. Собрав быстро свои вещи, она оставила Алексею прощальную записку, рядом

положила деньги, ключи и все, что он ей оставил. Ничего не надо. Он и так дал ей слишком много.

— Прощай, старая жизнь, — сказала девушка и вышла на улицу ожидать такси.

Глава 15.

Она проснулась сегодня рано. Долбаный Новый год. Нужно было, хоть как-то, украсить

дом. Черт с ней, с елкой. Но пара гирлянд, мишура, еще какая-нибудь новогодняя ерунда

не помешают. Ирина открыла шторы, заново привыкая к виду из окна.

— Давненько я тут не была.

В этой квартире она прожила столько лет до того, как Макс ее купил. Здесь Маринка спасала ее, когда он выкинул ее из своей жизни. И здесь же она спасалась сейчас. От чего?

От самой себя. От своих чувств. От гребаной реальности.

Она прошла в кухню и окинула равнодушным взглядом содержимое холодильника.

Фрукты, овощи, кондитерские изделия... Была не была, «Наполеон» ждал ее. Заварив чай, Ирина отрезала себе большой кусок торта и с видом истинного блаженства стала завтракать. Сладкое, все же, отлично помогало в те моменты, когда хотелось держать в руках только мыло и веревку. Или телефон... И набирать его номер, звонить ему, звать его

к себе, говорить, что она все простит.

— Нельзя, — мотнула головой девушка и откусила еще кусок. — Больше сладкого, и я не

сорвусь, буду мыслить трезво.

Когда торт был на исходе, она остановилась. Нужно было умыться и выдвигаться в магазин. Действия были доведены до автоматизма. Ни капли осознанности. Поесть, чтобы

заглушить боль, умыться, пойти в магазин. Потом, наверное, она опять поест... Девушка нанесла макияж, оделась и уже обувалась у выхода, когда в дверь позвонили. Хм... кто это

мог быть? Только Марина знала об этой квартире. Дурацкий глазок не работал!

— Минуту, — крикнула она, завязывая шнурок на ботинке. Открыла дверь.

— Зара...

— Только не ты! — Ирина попыталась закрыть дверь, но Макс втиснулся в нее, закрывая

собой проход.

— Давай поговорим.

— Мы уже все друг другу сказали.

— Ты, может, и сказала. Я — нет.

Макс запер дверь и встал горой перед ней. Она даже не догадывалась, что голова у него до

сих пор кружилась, тошнота не оставляла ни на минуту, а доктор каждый день что-то колот ему в вену. Ей не нужно было знать, как херово он себя чувствовал. Ради нее он может говорить, умирая. Лишь бы выслушала. Его любимая Зара стояла сейчас, нахмурившись. Она была дико недовольна его поступком, но она выслушает его.

— Не хочу тебя видеть. Не хочу с тобой говорить. Не хочу иметь к тебе никакого отношения, — ушла в отказ она, скидывая ботинки и проходя в комнату. — Не ходи за мной! Не хочу...

— Не хоти и дальше. Просто выслушай меня. Можешь закрыть глаза, отвернуться, как хочешь, просто выслушай.

— Нет! Уходи, уходи!

— Зара, я люблю тебя.

— Это я уже слышала, у бабочки хорошая память.

— Ты никогда меня не простишь?

— Никогда.

— Зара... — он протянул к ней руку, но она отшатнулась от него, отходя к дивану. — Я

не

могу без тебя. В груди зияет дыра. Ты — единственная мне нужна.

— Не надо мне этих заезженных песенных слов, — фыркнула она.

Мужчина остановился посреди комнаты, насупился. Он был похож на быка,

целящегося в

красную тряпку. Ирина почувствовала дискомфорт. Одна, с ним наедине. Убьет ее, и

никто

не спасет. Макс оглянулся назад, увидел небольшую вазу на столе. Схватил ее и кинул

об

стену.

— Придурок!

Он подошел к кучке осколков и взял один, самый большой. Посмотрел на него

безумными

глазами и двинулся к ней.

— Нет, нет... Что... что ты хочешь сделать? — испуганно шептала она, птясь к дивану.

Его расширенные зрачки и раздувающиеся ноздри пугали ее до чертиков. Ирина

дошла до

дивана и села на него, дальше двигаться было некуда. Она заплакала и закрыла голову

руками.

Макс упал на колени, опять. Только перед ней он мог стоять на коленях. Всю жизнь...

Девушка выглянула из-за скрещенных рук и закричала, когда он сделал первый порез.

— Я, — вонзил осколок глубоко в запястье. — Никогда, — ударил рядом, кровь потекла

густым потоком по руке. — Не причиню, — осколок впился выше, в вену на сгибе локтя.

— Тебе боли, — еще раз резанул руку.

Поднял на нее сумасшедший взгляд.

— Потому, что я люблю тебя, — занес руку для нового удара, но она перехватила ее.

По

лицу девушки неслись быстрой рекой слезы, а по его руке — кровь.

— Не надо. Что ты делаешь?

— Доказываю тебе поступками свои чувства. Больше никаких заезженных песенных слов, только мои собственные, оригинальные поступки.

— Придурок, идиот, дебил! — орала она на него, поднимая его тяжелое тело с пола. —

Проваливай из моей квартиры, больной!

Ирина вытолкала его за дверь и заплакала, уткнувшись в металл двери лицом. Че-ерт,

по

всей квартире тянулся кровавый след. У него же рука... Она открыла дверь и бросилась

к

нему, не давая ему упасть на пол.

— Идиот, какой ты идиот, — сквозь слезы отчитывала его и тащила обратно в квартиру.

— Хочешь, чтобы мое сердце остановилось?! Этого ты хочешь? — Кинула его тело на диван и убежала за аптечкой.

— Нет, Зара. Я хочу, чтобы ты жила вечно. Ведь я люблю тебя... — прошептал Макс,

теряя сознание.

— Не засыпай, — дала ему пощечину. — Говори, говори, мать твою! Что хочешь, только не спи, — приказывала ему она, обрабатывая раны.

— Мать, — прохрипел мужчина. — Это она во всем виновата. Она вырастила монстра. Это она, Зара.

— Говори дальше, я сейчас вернусь, бинтов не хватает, — сказала Ирина и ушла в кухню.

С собой она захватила еще и стакан воды. — Выпей, ладно? Ты в очень плохом состоянии.

Сейчас я тебе на лоб положу мокрую повязку, у тебя, походу, температура.

Девушка наклонилась к нему, располагая кусок влажной ткани у него на лбу. Когда ее лицо

было совсем близко, Макс приподнялся и коснулся ее губ в легком поцелуе. Она громко вздохнула, но не оттолкнула его. И он воспользовался этим. Его губы нежно соединялись с

ее, словно он впервые в жизни целовался. Правда, впервые. Впервые целовал женщину

просто потому, что он ее любит...

— Ну, все, хватит. Не наглей, — отстранилась та, выглядя смущенной.

Макс улыбнулся. Смущенная, а не злая и плачущая, Зара... Такую он ее любил еще больше!

— Ты выслушаешь меня? Я расскажу тебе все.

— Хорошо, — согласилась она, хоть и не считала это таким уж необходимым. Ее решение

не изменится.

— Мою мать звали Олей. По крайней мере, все мужики так ее называли. Я не знаю, зачем

она меня родила. Нет ни одной мысли. Нет... вру. Есть мысль, но я стараюсь о ней много не думать. Но выходит, что именно так и есть...

— Как — так? Я ничего пока не понимаю. Она родила тебя потому, что хотела ребенка, логично.

— Она хотела зарабатывать больше денег. Ее сутенер славился отменной фантазией. у

него шлюхи могли выполнить любое желание клиента. И под словом «любое» я имею в виду любое, даже самое мерзкое. Чем аморальней и грязней запрос, тем выше цена. А если прихоть клиента превышала границы, установленные законом, цена становилась неподъемной.

— Причем тут ты? — тихо спросила Ирина, ощущая тянущее чувство под ложечкой.

— А как ты думаешь? Шлюха с маленьким ребенком. Какие идеи приходят тебе в голову?

Она смотрела на него огромными, испуганными глазами, и он решил не мучить ее загадками.

— Они пользовались мной, Зара.

Девушка ахнула.

— Насиловали?..

— Нет, слава богу. Иначе я бы стал Чекатиллой, — хрипло рассмеялся Макс. — Они... поначалу, просто занимались сексом на моих глазах. Знаешь, сажали меня на стул, а сами

располагались на диване.

— Не надо дальше рассказывать...

— Знаешь, каково это — наблюдать, как твою родную мать трахают?

— Не надо, Макс. Я поняла...

— Как ее трахают разные мужики, куча мужиков. Куча абсолютно разных мужиков.

Они

трахали ее в зад, в рот, как только могли. Бывало, ее имели сразу по два или три мужика. В

конце они спускали на нее и уходили, а она считала деньги. Клево, правда? И мне, по праздникам, перепадала жвачка, из этих денег.

Его глаза были безумны, она видела, что он не здесь, а в своем далеком прошлом... И, как

бы оно его не убило!

— Макс, я поняла тебя...

— Не хочешь слушать? Зря. Тебе нужно услышать все это дерьмо, чтобы понять на сто процентов, почему я стал таким ублюдком. Вот и слушай. Лет до шести-семи она просто трахалась на моих глазах. В первом классе я знал о сексе все. Даже то, что кончать

внутри прикольной, а на лицо — унижительней. Уже тогда у меня появлялись мысли забраться какой-нибудь девчонке под юбку и оттрахать ее. Вернемся к главному. Лет с семи дело приняло серьезный оборот. Однажды пришел очередной мудака к мамаше, меня посадили в

партер этого грязного шоу. Когда он кончил, меня попросили подойти к ним. Сняли одежду, приговаривая, чтобы я не боялся, что все будет хорошо. Она говорила, что дядя — врач, и просто осмотрит меня.

Ирина слушала его с тяжелым сердцем. Бедный маленький Максим. Господи, как было противно это все слушать. А ему пришлось это пережить...

— Он трогал меня... в разных местах. Просто трогал, — он закрыл глаза и тяжело задышал, словно не давая прошлому задушить его. Женская рука сжала его руку, и он открыл глаза. Его любимая Зара...

— Они насильовали тебя? — прошептала она, сжимая до хруста его пальцы.

— Нет, до этого не дошло. Они просто трогали мой член, мою задницу, все, в общем.

Потом мамаша одевала меня, а эти уроды частенько драчили. Ненавижу ее и этих уродов, — прошипел Макс, держась за ее руку. Только ее поддержка помогала ему выстоять. Но

пора было посмотреть прошлому в лицо.— Затем я вырос. На какое-то время меня оставили в покое, но однажды она привела двоих, когда мне было лет пятнадцать. Я не позволил им прикоснуться к себе. Одному — разбил голову, второму — сломал руку.

Мамкин сутенер разорился, оплачивая их лечение, возмещая им моральный ущерб и

суя взятки полиции. Тогда был огромный скандал. Я думал, меня убьют. Как ни странно, после

того случая, сука оставила меня в покое.

— Что было дальше?

— Ничего интересного. Я стал слоняться по улицам, пить, курить. Ты и сама понимаешь все. Потом появился Джек.

— Он любил ее, да?

— Спрошу, когда буду на том свете. Но при жизни он уверял меня, что было в ней что-то.

Что-то... Вагина, размером с тоннель! — Зара нервно хихикнула. — Да, смешно, согласен.

Я понимаю отца. У него была жена Марта. Она погибла в автокатастрофе. Она... была беременна, — он замолчал. Его отец тоже потерял ребенка... Каково же ему было узнать, что его сын своими руками убил его внука? — После этого, говорят, он надолго ушел в

себя. В общем, все было плохо. Поехал в Россию развеяться, и, вот, сама знаешь, вляпался

в кучу дерьма, в лице меня и моей мамы.

— Не говори так. Не говори! Понял? Это твоя мамаша — сука конченная, не смей так же

думать о себе. Джек был, поистине, великим человеком, — сказала Ирина и грустно улыбнулась.

— Не думай о том, что бы было, если бы таблетки оказались при нем. Не надо. Это события другой реальности. В этой нам повезло. Иди ко мне, Зара, — позвал ее он и показал на место рядом с собой на диване.

Она колебалась, но, все же, перелезла через него и легла рядом. Макс притянул ее к себе

свободной рукой и крепко обнял. Не вырвется никуда из его объятий. А она и не хотела...

— Мы с тобой самые странные люди на этом свете. Общество бы осудило нас, знай оно всю правду.

— Тебе есть дело до общества? Мне плевать на них. Они — никто. Всего лишь — безликая, серая масса людей. И они вечно будут говорить, навязывать свою мораль, вливать тебе в уши свое мнение. Мне все равно, я давно оглох. Я люблю свою Зару. Я готов стоять перед ней на коленях. И пусть хоть кто-нибудь на этом свете скажет слово против, я убью его. Ты, — повернулся к ней и взял ее лицо в руки, — самое дорогое,

что есть у меня. Самый дорогой человек.

— А Стефан?

— Стефан, безусловно, мне очень дорог, об этом даже говорить не надо. Он встанет под

пули за меня, отдаст свою жизнь, пойдет против всех за меня. Но... он не зажигает огни в

моей душе, мысли о нем не заставляют мое сердце лихорадочно сжиматься в груди. И я...

не хочу его день и ночь, — слабо рассмеялся Макс и наклонился к Ирине для поцелуя.

— Слава богу, что ты не хочешь его день и ночь, — прошептала она ему в губы,

отрываясь

от поцелуя на секунду, чтобы сказать это.

— Я вообще его не хочу. Никого, кроме тебя, — сказал Макс, перекатывая ее на спину

и

ложась сверху.

— Мне тоже есть, что тебе рассказать. Выслушай теперь ты меня.

— Давай отложим все разговоры на потом. Умоляю тебя...

— Нет! Выслушай. Это очень-очень важно. Это... касается моего вранья тебе три года назад, — выпалила она.

— Окей. Я — весь внимание.

Ирина отползла к стене, прислонилась к ней спиной и начала свой рассказ. Будет трудно...

— Однажды, в один проклятый день, в Саратовский детдом доставили черноволосую девчонку с дебильным именем — Зара Аль-Фатуми. Лучше бы меня в роддоме и задушили, или, как котенка — утопили.

— Или ты рассказываешь о себе нормально, или я не буду ждать конца, а всыплю тебе прямо сейчас, котенок мой. «Лучше бы убили», — Макс скривился. — Они подарили мне

смысл жизни! А ты так говоришь.

— Ладно, ладно. Я еще помню, что такое — твой ремень. В общем, рассказывать о детдомовской поре жизни особо нечего. Росла отшельником, одинокой девчонкой.

Воспитательницы пытались заменить мне мать, но, разве это возможно? Не поверишь, но

мог про месячные и секс я узнала от них, а не во дворе, трахаясь с местной гопотой, как ты

думать раньше. Я была девственницей до восемнадцати. И кто знает, как долго ею бы оставалась, если бы не Михаил...

— Он лишил тебя девственности?

— Нет, не он. Слушай дальше. Жизнь в детдоме — это прекрасно, просто удивительно.

Каждое утро встаешь, а вокруг — стены, и ничего не меняется, только стены, день ото дня, твоя компания. С другими детьми я почти не общалась. Все смотрели на меня, как на пришельца. Тупое имя, восточная фамилия, сама чернявая. Мне сразу сказали, что я чужая. И ладно. Я много читала, наверное, всю классику за школьные годы перечитала.

— И твоя любимая книга — «Мастер и Маргарита», — довольно вставил Макс.

— Ты прав. По сей день любимая. Помню, как читала ее в десятом классе.

Незабываемая

книга, столько смысла в ней. Столько не всегда есть в реальной жизни... У меня была любимая опушка в парке. Саратовский парк — это нечто. Я там жила летом и весной.

Могла часами просто сидеть и молчать, слушая природу. Знала наизусть все тропинки, каждый куст и ягоду. И деревья знали меня, сколько я с ними говорила... Закончила я одиннадцатый класс. Я строила грандиозные планы на жизнь, просто сумасшедшие. Мечтала уехать в Москву, отучиться там. Возможно, на филолога или литературоведа. Выйти замуж, пару детишек родить, стать любящей женой и мамой. Типичные девичьи мечты, правда? Что в них не понравилось Богу, раз он исказил всю мою жизнь?

Макс пересел к ней и притянул к себе. Она положила голову ему на плечо и

продолжила.

— Но в один день, я его про себя называю «судным», все изменилось. Девочка Зара поплатилась за свои мечты. Как поется в одной песне: «И за все наши грёзы нас Небо накажет». В тот день я гуляла в парке, был конец июня. Экзамены все сдала, знала результаты почти по всем, выбирала ВУЗы, куда подать документы. И, как всегда, я отправилась на ту полянку. День проходил замечательно, когда, непонятно откуда, там появились эти сволочи. Их было трое. Они... они накинулись на меня, с ходу. Что-то орали, били, потом повалили на землю. А потом — мрак. Не помню ничего. Очнулась я на опушке, с окровавленным камнем в руке... Один из них лежал в траве, его голова была вся

в крови. Остальные двое валялись рядом, тоже в крови, но дышали.

— Они выжили, я надеюсь?

— Конечно, нет. Из кустов совершенно случайно появился Михаил. Я тогда так обрадовалась. Это же дядя Миша, который часто заходил к нам в детдом, он спасет меня! Так думала глупая, наивная Зара. И дядя Миша спас. Он предложил мне уехать в Москву и работать там на очень выгодной работе, — она посмотрела на него, — иначе глупую Зару посадят. Тот парень, который был весь в крови, умер на той же поляне, сразу.

Двое лежали в больнице, дали против меня показания и тоже умерли. На мне висело три трупа. Как я могла еще поступить?!

— Тшш, моя любимая, не кричи. И не плачь. Хрен с ними, мудаками. Надо было и Михаила, падлу, приложить кирпичом. Почему он не помог тебе по нормальному? Все это

попахивает подставой.

— Не знаю, уже — неважно. Тогда он казался мне спасителем, просто, ангелом. До тех пор, пока не привел в свой рай... Рай, где ангелы насиловали меня, чтобы он мог собрать

компромат. Где... — она остановилась, глотая слезы.

— Не надо, малышка, — успокаивал ее Макс, про себя сгорая от злости.

— Нет, уж, теперь твоя очередь узнавать, почему же я стала шлюхой. Его люди насиловали

меня группой, имели по кругу. Супер, не находишь? Они сломили дух той Зары. Растоптали ее, унизили, облили отборным дерьмом так, что ей за несколько жизней не отмыться. Собственно, так я и работала у него около десяти лет. Стала его собачкой. Он, кстати, тоже меня трахал иногда.

— Перестань, — крикнул Макс и кинул в стену подушку. — Я все понял.

— Потом появился ты, — продолжила она. — Он поставил условие — отсылать ему деньги каждый месяц, в обмен на его молчание. Еще не истек срок давности преступления, на тот момент. Вот тебе и весь секрет, мама, деньги...

— Падла. Тварь. Скотина. — Макса рвало на части. Ему было плевать с высокой колокольни на ее прошлое, на то, что она — бывшая шлюха. Она — его любимая Зара,

и ничего больше не имеет значения. Убить бы Михаила заново. Своими руками, вырывая

ему кишки. — Подожди... а «Шкатулка», она сгорела...

— Да, да, да. Это я.

— Я серьезно.

— И я не шутки шучу. Когда мы с Маринкой вернулись в Россию, мы стали жить здесь.

Больше было негде. А эту квартиру Марина, по моей просьбе, сдавала. И мне не повезло, в

который раз — сдавала она ее по сниженной цене Люське, которая работала с нами.

Противная баба, всегда меня не любила, но я согласилась помочь ей. В тот момент я много

проводила времени в церкви. Знаешь, просветление наступает всегда внезапно. Я днями

стояла на коленях, перед иконами, и молилась. Слова молитвы были, чуть ли, не единственным, что я могла произносить. Там я встретила Лешу. Он — очень верующий человек, его мать была, если я не ошибаюсь, фанатиком. Суть в том, что Люська, сучья дочь, сдала нас папочке Мише, и он нагрязнул на квартиру. Требовал либо деньги платить, либо возвращаться на панель.

— И ты вернулась? — спросил Макс, переставая дышать. Хоть бы нет...

— Нет. Вернулась за меня и за себя — Марина. Я еле ходила, еле ноги переставляла.

Раздвинуть я бы их, точно, не смогла в таком состоянии. Моя любимая Маришка получала

за нас двоих. Каждую ночь она возвращалась поздно домой, в синяках, порой, и царапинах, следах от ремня и так далее. — Девушка взяла паузу, чтобы отдышаться. —

Он опять отдавал ее этим ублюдкам, которые любят трах втроем, а то и впятером! — Она стукнула по дивану кулаком. — Ненавижу. Через какое-то время мне это осточертело. Осточертело каждый день видеть свою сестру, а я именно такой ее и считаю, избитой и прячущей глаза по дороге в ванную, лишь бы я не увидела слез. Я заняла у Алексея деньги. Представляешь, он дал мне их, без всяких вопросов. Помню, тогда еще подумала, какой же он наивный дурак. Теперь дико стыдно.

— И ты подожгла «Шкатулку»?

— Ну, конечно, нет. У меня были контакты одного человека. Он связан с преступностью.

Опережу твой вопрос — это мой бывший клиент. Те, кого я особо хорошо обслуживала, оставляли свои контакты. Он согласился помочь. Короче говоря, его люди устроили профессиональный поджег.

— Чертов фильм с Уиллисом! Крошка, да я тебя всю жизнь недооценивал. Твою мать, ты

можешь и мой дом спалить так, что, хер, кто узнает!

— А то, — коварно улыбнулась Ирина. — Остерегайся меня.

Она встала и отошла к окну. Что сейчас произошло? Они выбросили тонну мусора друг на

друга сейчас. Открыли все карты.

— О чем думаешь, Зара?

— О том, что мы только что сделали.

— И что же?

— Ты не заметил? Мы вытащили все свое гребаное грязное белье наружу. Я, будто, хорошенько проблевалась, рассказав тебе свою историю жизни. Мемуары шлюхи.

— Не надо этого, любимая моя девочка. Не могу, так нравится называть тебя девочкой, — произнес он и обнял ее сзади. — Просто, девочка. И, просто, любимая. Твое прошлое давно перестало меня волновать, твой обман — тоже. Это дела давно минувших дней. Лишь бы ты узнала, почему я такой. Я не мог от этого вылечиться, никак избавиться.

Жил

в окружении демонов. А потом появилась ты, и... демоны сами захотели умереть.

— Я — шлюха, и этого не стереть с моей биографии, с моего тела, — всхлипнула

Ирина.

— А я — больной извращенец, которого в детстве лапали мужики.

— Не смей так говорить про себя, маленького! — ударила его в грудь. — Будешь плохо говорить про маленького Максима, я буду тебя бить!

— А я буду ставить тебя в угол и пороть, если ты будешь плохо говорить про мою любимую, взрослую Зару! Никто не имеет права ее оскорблять. Даже она сама.

Девушка прижалась к его груди щекой и спросила:

— Неужели это правда? То, что сейчас происходит? Мы вдвоем, и мы знаем друг о друге

все. Мы не оскорбляем друг друга, не причиняем друг другу боль, не издеваемся друг над

другом. Что же тогда мы делаем?

— Любим друг друга, — просто сказал он и подхватил ее на руки. — Не уверен, что выдержу тебя...

— Тогда отпусти!

— Не-ет. Для любимой женщины мои руки всегда будут сильными.

Она улыбнулась и поцеловала его. Пальчики нежно касались щетины на щеках, притягивали его лицо еще ближе, чтобы слиться в поцелуе раз и навсегда. Пусть люди говорят, что хотят. Она тоже оглохла. И хочет слышать только его...

— Есть еще кое-что! — воскликнула Ирина. — После пожара не осталось ничего, кроме

нескольких папок каких-то документов Михаила и... его дневника. Я попросила, чтобы сохранили максимальное количество документов. Не знаю, зачем... Все это время я их не

касалась. Мне страшно. Там, конечно, ерунда, но вдруг...

— Неси их сюда.

Ирина принесла бумаги, и они сели читать.

— Ничего себе! Макс, у тебя тоже такие есть?

— Что там?

— В этой папке — хренова куча компромата на его партнеров и клиентов, — удивленно сказала она, перебирая страницы.

— Ничего удивительного. В бизнесе у настоящих мудаков, идущих по головам, должны быть такие бумаги. У меня тоже есть...

— Тут какие-то счета, выписки... Фигня, — отложила папку. — Его дневник. Я боюсь его открывать.

— Давай, я.

— Нет, я сама.

Она листала его записи, и глаза все больше округлялись. Да, тут же... схемы подстав девочек! Ирина закрыла рот рукой, кидая тетрадь на пол.

— Что там, Зара? — Макс схватил тетрадь, пробежался глазами по ней. — Ублюдок. Мухлевал в покере, тем самым, подставив отца Марины, и заставил его отдать дочь?! Подкупил мать Анны, она сама привела дочь к нему, якобы, для работы официанткой. Инсценировал ДТП со смертельным исходом, чтобы поймать в сети Женю... Зара, там есть твое имя.

Девушка отрицательно покачала головой, отказываясь смотреть, что там было написано

про нее.

— Тогда я?

— Нет! Я... я прочту первая.

Она взяла дрожащими руками тетрадь и, выдохнув, начала читать.

«Сегодня навестил детдом, в надежде среди этих безродных выроdkов найти новую шлюху. Бывает, попадаются хорошие девки и в этих бараках. И не прогадал.

Понравилась

парочка, рыжая и брюнетка. Рыжая оказалась туповатой, да еще и с манерами быдла.

А

вот, брюнетка — самое то. И имя блядское — Зара, еще и фамилия восточная. Можно будет впаривать ее, как восточную шлюху, мол, султана обслуживала с пяти лет, теперь — вас. Зарка мне понравилась еще больше после личного знакомства. Открытая, добрая, наивная. То, что надо, чтобы без особых усилий загнать ее в угол. Пришлось пустить в расход трех гопников с улицы. За бабки они готовы были на все. Одного из них я убил на

месте, камнем, а камень вложил ей в руку. Двух других прикончил в больнице, когда они

сдали ее с потрохами моему знакомому менту. Мент этот был в vip-зоне нашей клиентуры. Зару допросил, что называется, с пристрастием, даже опробовал ее аппарат

пару раз. Федька запросил нехилую сумму за помощь, но доход этой шлюшки был в разы

выше.»

— Запись, сделанная, когда ты забрал меня, — дрожащим голосом сказала она, перелистывая тетрадь.

«Мою любимую шлюху забрал себе миллиардер Бекер. Придурок. Зато она будет присылать мне кругленькую сумму за мое мнимое молчание. Мы с Федькой до сих пор потешаемся над этой дурой. Развести ее оказалось проще простого. Она столько мне жаловалась, что мама бы ее не простила. Ведь она убила троих человек, еще и шлюхой стала. Смешно. Настолько, что слезы текут из глаз. Мать ее, видать, тоже была той еще шалавой. Оставила доченьке записку в детдоме. Интересно, что там было? Зря я не прочитал, воспиталка же предлагала. Черт с ней. Шлюха на крючке, большего и не надо.»

Руки Ирины тряслись, ее била крупная дрожь. Нервный озноб. Она хотела заорать, но

внутри все сковало льдом. Слезы крупными каплями падали на листы.

— Зара, — позвал ее Макс, видя, что она сейчас взорвется.

Девушка сорвалась с места и побежала в ванную. Там упала на пол и зарыдала, стуча рукой по плитке пола. У нее могла быть другая жизнь! Если бы она не приглянулась этому

паршивому сутенеру!!! Все рухнуло. Ушло под землю. Небо над головой разверзлось, адское пламя жгло пятки, пока она висела над пропастью, держась за нить прошлой жизни.

— Все могло быть иначе, — судорожно шептала она, хватаясь за голову и корчась на полу от душевной боли.

Макс поднял мокрые, от ее слез, листы и прочел написанное. Его лицо исказила гримаса

ярости. Тварь!!! Он побежал за ней, постучал в дверь ванной.

— Моя любимая Зара, открой. Не сходи с ума одна. Зара!

Он слышал ее громкие всхлипы и невнятное бормотание. Сердце в грудной клетке разбилось и острыми осколками ранило стенки, заливая его кровью. Мужчина с разбегу

врезался в дверь и, снося ее с петель, влетел внутрь. Она лежала на полу и плакала. У ее

лица уже образовалась лужица из слез. Он поднял ее на руки, и сердце разбилось еще раз.

Ее глаза опухли, руки не переставали трястись.

— Я не убийца, — прошептала она, поднимая на него взгляд.

— Конечно, нет, мой ангел. Конечно, нет, — говорил Макс и целовал ее в макушку, неся

в комнату. Аккуратно уложил на постель, накрыл одеялом и лег рядом. Она лежала у него на

груди и просто плакала. Он ничего не делал, не говорил, не прикасался к ней. Его тоже жгла сумасшедшая боль. А ее слезы, падающие на его рубашку, прожигали кислотой кожу.

— А теперь спи, моя девочка. Моя маленькая, самая любимая, самая лучшая девочка.

Я буду рядом. И... мы еще поквитаемся с этим ублюдком.

— Как?

— Когда я буду на том свете, клянусь, я найду его в чертогах ада и убью еще раз.

— Ты попадешь в ад?

— А куда ж еще, моя сладкая? Мне только там и место.

— И я с тобой, туда же. Вдвоем веселей. И убивать эту мразь проще, — улыбнулась девушка, обнимая его сильнее, чтобы согреться. — Он там что-то говорил про записку моей матери...

— Завтра едем в Саратов.

— В Саратов?

— Да. Найдем воспитательницу и ту записку. А теперь спи.

— У Маринки послезавтра торжественный ужин по поводу свадьбы. Много гостей...

— Мы успеем. Все, нет никакой Маринки, свадьбы, Саратова. Спи, солнце, — поцеловал

ее в лоб и накрыл одеялом, про себя прося Сатану поквитаться с Михаилом, раз он не может.

Глава 16.

Ирина и Макс остановились в ближайшем от вокзала кафе. Сутки ехать в поезде, чтобы

найти какую-то бумажку у воспитательницы, которую они еще могут и не разыскать... сумасшествие.

— Боже, как я замерзла, — сказала она стучащими зубами. — Срочно закажи мне горячий

чай, а лучше — глинтвейн.

— Давай пока обойдемся без алкоголя. Нам предстоит поиски Валерии Николаевны. Ты

должна мыслить трезво. Что будешь из еды?

— Даже не знаю... Я дико хочу жира и калорий. Тут есть картошка фри с кетчупом и гамбургер?

— Волнуешься?

— Есть такое. Никак не могу придумать, что же написано в этой записке. А если опять что-то такое, что выбьет почву у меня из-под ног? Как было с дневником Михаила.

— Думаю, в записке она просит прощения у тебя. Может, расскажет о причинах своего поступка. В любом случае, это не имеет никакого значения в нашем настоящем. Ни Михаил, ни твоя мать. Имеешь значение только ты.

Макс сделал заказ и посмотрел на девушку напротив себя. Она нервно теребила салфетку, не поднимая на него взгляда. И, все равно, она вела себя немного отстраненно, словно они

были знакомы не так давно. Но, если подумать, то, и правда, знакомы они были совсем недолго. Два дня, как. Новый Макс и новая Зара, знающие друг о друге все.

— О матери думаешь? — спросил он, вытаскивая ее из болота ненужных мыслей.

— Вообще, обо всем. Все так завертелось, меня укачивает, и голова кружится. Мозг не может справиться со всей этой новой информацией. Я, словно, заново родилась.

Жизнь обнулилась. То, что преследовало меня и днем и ночью на протяжении более десяти лет, оказалось неправдой. Все оказалось неправдой... И все было зря.

— Мы — правда, Зара, — ласково сказал Макс и взял ее за руку. Он любил трогать ее ручки, такие мягкие и нежные. — Все было не зря. Может, тебя это не утешит, но... если бы не эта цепочка событий, длиною в полжизни, мы бы не встретились. И... я бы, точно, никогда не стал счастлив.

— А ты счастлив?

— Конечно. Пока ты рядом, нет надобности задавать этот вопрос. Ответ не изменится — да. Счастлива ли ты, Зара?

— Я, вроде как, все еще, Ирина... И... я не знаю, счастлива ли я. Могу ли я быть счастлива?

— Меня очень и очень волнует один вопрос. Почему ты до сих пор Ирина Валерьевна Нарватова? С кем я сейчас сижу тут? Почему ты не меняешь имя, а главное,

фамилию?

— как можно спокойней, спросил Макс, но ревность пробивалась сквозь обманчиво спокойный голос.

— Я не хочу больше быть Зарой. Зара — шлюха. Пусть она умрет вместе с Михаилом.

Он

ее создал, в ад ей и дорога. А фамилия... какую мне тогда взять? Свою, старую? Ни за что.

Макс

закончит разговор об именах и фамилиях. Но он не собирался ничего заканчивать.

Оставив на время еду, Макс продолжил допрос.

— Чем тебе не нравится моя фамилия? — в его голосе звучала обида.

— Твоя? Разве я что-то про нее сказала? Мне не нравится моя.

— Хорошо. Значит, после ужина у Марины ходим в ЗАГС, сменим твою фамилию. И

имя.

Она чуть не подавилась. Вот он, ее прежний Макс. Опять все решает за нее, командует.

— Сменим на... твою?

— Естественно. Ты — моя женщина. Чью еще фамилию ты должна носить?

— А имя...

— Я люблю Зару. И точка.

— Нет, не точка. Не надо на меня давить, хорошо? Зары больше не будет, по крайней мере, официально. Ты можешь звать меня, как хочешь. Но в документах — никакого блядского

имени.

Макс недовольно посмотрел на нее, но она не спрятала взгляд, а твердо ему ответила.

Ее

карие глаза, подчеркнутые ярким темным макияжем, затягивали его в черную дыру.

— Ладно. Зарой ты будешь только для меня. Есть одна просьба — никаких Василис,

Ален

и Марф.

Девушка прыснула от смеха.

— Окей. Мне, как раз, приглянулась Авдотья, — засмеялась она.

— Делай так почаще, — умиленно сказал Макс, наблюдая за ней, смеющейся, с громко стучащим сердцем.

— Как так?

— Улыбайся. Ты прекрасна.

— Спасибо. Это все картошка... — смущенно ответила девушка. — Очень жирная.

Нервная система любит такое...

— А я люблю тебя.

Она немного замялась. Он стал так часто в этом признаваться.

— Ты говоришь эти слова слишком часто, будто, боишься их забыть.

— Я боюсь, что ты их можешь забыть.

— Нет, я... я помню.

Официант принес счет. Макс вложил туда кредитку и ухмыльнулся.

— Спасибо, что вернула мне фирму. Теперь я снова могу рассчитывать за двоих в кафе.

Ирина не удержалась и кинула в него салфетку.

— Прекрати меня смешить, дай бургер доесть.

— Куда мы теперь?

— Берем такси, и на склад «Юринат».

— Прости, куда?

— Как куда, Макс! Новый год через несколько дней. Давай порадуем детишек. Ты же можешь себе это позволить? Фирма у тебя.

— Все, что хочет моя принцесса. Склад, так склад. Надо поторопиться, вечереет.

Через два часа они подъехали к воротам детдома. Пришлось позвать директора, чтобы охранник их пропустил. Слава богу, директриса была все та же. Ирина прошла внутрь, пока Макс с водителем выгружали сладкие подарки. Душа сжалась в комок. Здесь провели капитальный ремонт, но планировка осталась прежней. Она знала наизусть это место. Девушка приложила руку к стене, вспоминая, как бегала тут, играла, училась... одним словом, жила. И опять Бог привел ее сюда. Наверное, за чем-то важным.

— Зара, — позвала ее директор, Наталья Ивановна. — Дорогая моя, как ты? Что же тебя

привело в родные стены снова?

— Они, действительно, родные. Хоть, и донельзя чужие, в то же самое время. Я даже не

знаю, как сказать, Наталья Ивановна, что я здесь забыла...

— Говори, как есть. А пока пройдем к деткам, подаришь им подарки. Они будут рады.

— Я знаю, — улыбнулась она. Конечно, знает. На Новый год она тоже прыгала, как ненормальная, когда приходил Дед Мороз с подарками.

Наталья Ивановна открыла дверь и поздоровалась с детьми.

— А эту девушку зовут Зара. Она, когда-то, тоже жила здесь, теперь приехала поздравить

нас с Новым годом. Ну, что, хотите вкусных подарков?

Их оглушил детский хор, дружное «да!». Девушка рассмеялась и отошла с прохода, чтобы

мужчины занесли мешки с подарками. Детишки накинулись на них, с ярко горящими глазами и криками радости. Стали разбирать цветные коробки и сразу их открывать, набивая рты конфетами. Ирина примкнула к Максиму, с неподдельной радостью наблюдая за малышами.

— Так, все же, Зарочка, что ты хотела? Не просто же так приехала, — обратилась к ней

Наталья Ивановна.

— Я хотела поговорить с Валентиной Николаевной. Она здесь?

— Дорогая моя, боюсь, нет. Она уже давно не работает. Ушла на пенсию.

— Ну, вот. Зря ехали из Москвы, — расстроилась Ирина.

— Отчего же, зря, солнце? Сейчас напишу тебе ее адрес, съездишь к ней, поговоришь. Подожди минутку, найду только листок с ручкой.

— У меня есть, — сказал Макс, доставая ручку и ежедневник.

Ирина повернулась к детям, посмотреть, что они делают, и заметила девочку, одиноко

сидевшую в сторонке. Какая красивая малышка. Так похожа на нее...

— Я сейчас, — пошептала Макс, пока он говорил с директором, и подошла к девочке.

— Красавица, а ты почему не кушаешь конфеты?

Какие карие глазки. Невозможная девочка, прекрасная...

— Не хочу, — пробурчала девчонка. — Я хочу маму, мне не нужны конфеты.

Сердце девушки подскочило к горлу. До боли знакомые слова. Я хочу маму...

— Маленькая моя, мама пока не пришла. Но она придет, обязательно. А пока кушай конфетки. — Она сходилась за оставшимся подарком и отдала его девочке.

Макс тихо подошел сзади, увидев, как она разговаривает с милой девчушкой. Какое сходство с его любимой Зарой!

— Спасибо, тетя Зара. Я буду кушать конфеты и ждать маму. Может, после Нового года

она заберет меня? Дедушка Мороз, ведь, не обидит меня? Он подарит то, что я так сильно

хочу? Маму.

— Конечно, дорогая моя. Конечно, он подарит. Ты же такая хорошая, красивая. Я верю, что он подарит тебе маму. — Она взяла ее за руку и не хотела отпускать. Эта девочка заставила ее сердце сжиматься быстрее обычного, гоня кровь по венам. — Как тебя зовут, малышка?

— Диана.

Ирина удивленно вздохнула и сжала руку девочки. Диана... Она услышала сзади такой же

удивленный вздох Макса и обернулась.

— Вот адрес, — протянул ей бумажку, сверля взглядом девчонку. Диана...

Девушка встала и взяла листок.

— Пока, Диана!

— Пока, тетя Зара! Приходи еще.

— Конечно...

Макс взял ее под руку, и они вышли, попрощавшись со всеми. Она еще раз оглянулась на

детдом. Диана... Жуткое совпадение. Просто, жуткое совпадение.

— Где она живет? — спросила Макса, стараясь заглушить голос Дианы в голове.

Он назвал ей адрес.

— О, так это ж близко. Надо купить торт.

Полчаса спустя, они с Максом звонили в дверь Валентины Николаевны. Она открыла почти сразу.

— Зара... — ошеломленно сказала та, встречая их. — Не верю своим глазам! Дорогая моя

Зара! — обняла ее, целуя в щеку. — Да уж, моя самая любимая воспитанница выросла. Стала настоящей женщиной, распустилась, подобно цветку.

— Не смущайте меня, тетя Валя, — покраснела она, будучи счастливой видеть свою добрую воспитательницу. — Познакомьтесь. Максим. Мой...

— Муж, — подсказал Макс и поцеловал руку Валентине Николаевне.

— Ну, как же все чудесно! — всплеснула руками та. — Проходите, что же вы стоите на пороге, гости дорогие. И торт какой вкусный, ммм. Пойду, поставлю чайник.

Все устроились в кухне, за столом. Ирине не терпелось перейти к главному, но пришлось

поговорить немного о жизни, чтобы не обижать дорогого ее сердцу человека.

— Тетя Валя, у меня есть к вам вопрос. Очень важный.

— Так я и знала, что ты не в гости приехала! Выкладывай.

— Я... знаю, что у вас есть записка от моей мамы...

— Откуда ты это знаешь?

— Это неважно, правда. Она у вас сохранилась?

— Да, милая, сохранилась. Я забыла о ней на много-много лет, ты выросла, а я ее тебе

не

отдала. Потом ты уехала в Москву, и след твой пропал. Но эту вещицу я всегда хранила, ждала тебя, моя девочка. Сейчас принесу.

Женщина вернулась с очень старым листком, уже пожелтевшим от времени. Девушка взяла его, аккуратно к нему прикасаясь, будто он был древним пергаментом и мог рассыпаться в пыль.

«Моя любимая девочка, доченька, тебе пишет твоя мама. Сейчас тебе, наверное, много лет.

Прекрасная девушка в роддоме согласилась передать эту записку в детдом, куда тебя, скорее всего, отправят. Но, может, тебе повезет, моя малышка, и тебя удочерят хорошие люди. Тогда и не нужно тебе видеть эти строки.

Все, что я хочу тебе сказать, и буду говорить всегда, это два слова — люблю и прости.

Всегда буду любить тебя, Зара. И всегда буду на коленях молить у Бога о прощении.

Думаю, ты обязательно задашь себе вопрос о своем происхождении. Я отвечу.

Однажды я познакомилась с шейхом. Это была головокружительная, сказочная во всех смыслах, история. Я тогда отдыхала в ОАЭ. Молодой была, глупой. Роскошь, красота, блеск драгоценных камней пленили меня. Так я стала женой шейха. Мать моя была из Саратова, куда иногда меня отпускали, в гости к ней. В один из таких визитов я узнала, что

беременна. Эта новость ужасно меня расстроила. Но, не потому, что я не хотела тебя, дочка. А потому, что твой отец был страшным человеком. Я была у него не единственной женщиной, и их традиции леденят кровь! Что они делают с девочками! Тогда я не решилась делать аборт, так как женщины шейха проходя постоянную проверку у лучших

гинекологов. Если бы он узнал об аборте, мне не жить... Я решила дать тебе жизнь, мое солнышко, и оставила в роддоме, заплатив все мамины деньги акушерке, чтобы она выписала документы о том, что ты родилась мертвой. Я очень, очень, очень надеюсь, что

твоя жизнь наполнена только радостью и улыбками, что ты не знаешь горя, моя девочка!

Как же тяжело это писать. Прости, что нарекла тебя этим именем. Мне хотелось, чтобы ты

знала, что ты — необычная малышка. Не одна из миллиона брошенных.

Я... я люблю тебя, моя Зара. Знай, мама всегда с тобой рядом.»

Руки снова стали слабыми. Девушка закрыла глаза, забывая, что ее ждут Макс и Валентина Ивановна. Сколько она так простояла, Ирина не знала. Просто, внутри она

плакала и звала маму. Последний удар судьбы. Последний пинок.

—Зара, — позвал ее Макс.

Она открыла глаза, но его лицо расплывалось, слезы мешали видеть. Девушка протянула к

нему руки, и он прижал ее к себе, глядя по голове. Такой сильный. Единственный, кто всегда поймет ее. Тоже знаком с демонами, тоже побывал в аду, стоял на краю.

— Я люблю тебя, — наконец-то она произнесла это вслух и уткнулась лицом ему в грудь.

Валентина Николаевна смотрела на них, тихо стирая слезинки с глаз. Вот оно, единение

людей, настоящая любовь. Вот оно — счастье.

— Господи, еще этот ужин по поводу этой дурацкой, абсурдной свадьбы Марины! — возмущалась Ирина, застегивая бриллиантовые сережки.

— Не ворчи, крошка. Хотя, я тоже уже мечтаю вернуться, — сказал Макс и нежно обнял ее

сзади, касаясь обнаженной спины. — Тебе не кажется, что слишком много спины открыто?

— А тебе не кажется, что брюки тесноваты? — она придвинулась ближе к нему, потираясь

об его эрекцию.

— Это все твой слишком откровенный вырез на спине... Платье будет первым, что я порву, когда мы вернемся домой!

— Мечтай. Я устала, как не знаю, кто. Не было времени даже отдохнуть, толком, от поездки, как надо опять куда-то бежать.

— Как ты? — серьезно спросил он, покрывая поцелуями ее шею.

— В норме. Хочу похоронить свое прошлое навсегда. Новая жизнь началась сегодня утром, когда я проснулась с тобой в одной постели. Сегодня мой день рождения.

— Скоро еще и имя сменишь, — довольно прошептал он и прикусил мочку ее уха. — Я испытываю оргазм от одного только словосочетания «Зара Бекер». Детка, одно твоё

имя заставляет меня кончать.

Она хитро улыбнулась ему в зеркало и, резко повернувшись, сжала его пах рукой. Макс задохнулся. Но потом накрыл ее руку своей и надавил сильнее. Она издала стон и прижалась к нему.

— Не играй с огнем, любимая. Сгоришь, — произнес он, последний раз сжимая ее руку

своей руке, и отпустил. — Стальная хватка.

Ирина ухмыльнулась и вернулась к зеркалу. Больше ей не было страшно рядом с ним, только хорошо... Райски хорошо. Чувствовать себя любимой — лучшее чувство на земле.

Любить в ответ — самое благодарное дело!

...В ресторане уже собрались люди. В основном, партнеры Вадима. Марина была вся на

иголках. После этого вечера ей не вернуться уже назад. Дав согласие публично, перед столькими важными людьми, она навсегда попадет в кабалу. Платье цвета молока

идеально контрастировало с ее кожей и волосами. Сверкающие бриллианты в ушах, на шее и на пальцах ослепляли. Локоны, уложенные лучшим стилистом Москвы, закрывали часть лица. Так и хотелось заплакать.

— Марина, господин Шрайер хочет что-то тебе сказать, — приказным тоном известил

ее

Вадим, появляясь рядом. — Не забудь улыбаться, милая. Сделка.

— Марина! Какая прекрасная девушка. Очень мне нравится, — сказал господин

Шрайер и

поцеловал ее руку. — Вы будете прекрасной парой с Вадимом.

— Конечно, мистер Шрайер, — улыбнулась она. — Мы же любим друг друга. А любовь может делать даже невозможное.

— Любовь, действительно, волшебная штука. Ради нее можно пойти на многое, — добродушно произнес он, восхищаясь их парой. До чего милая девушка.

Он отошел к другим гостям, а Вадим прошипел ей на ухо: — Улыбайся шире, или я поставлю тебя на колени и расширю твой ротик!

— Пошел нахрен, подонок, — прошептала ему в ответ, мило улыбаясь для остальных людей.

Вадим отпустил ее, чуть ли не скалясь. В дверях появились Зара и Макс. Девушка бросилась к ним. За ними вошел Стефан, которого никто не звал.

— Зара! — только и успела сказать Марина, когда Вадим рванул ее за руку к себе.

— Мы начинаем раньше, дорогая. — Его злой взгляд был направлен на Стефана. Не

дай

бог, эта сука сорвет ему ужин. — И почему я не в курсе, что будет еще один гость?

— Я его не звала...

— Я сам пришел. Выпью, поем, познакомлюсь с бизнесменами, кого не знаю. А может,

и с

женщиной хорошей... — Стефан, с безразличным выражением лица, прошел мимо них.

Ирина показала Марине глазами знак поддержки и ушла с Максом за стол.

— Дорогие гости, прошу вас занять свои места за столом. Мы начнем немного раньше.

Сегодня я бы хотел познакомить всех вас с изумительной девушкой, с которой мне

посчастливилось связать свою жизнь. Зовут эту красавицу Марина, — представил ее

гостям, и она ответила им широкой улыбкой, держа в руках бокал. Гости громко

зааплодировали. — Совсем недавно я сделал ей предложение. Скоро состоится

свадьба.

Хочу признаться при всех, как робкий мальчишка, — Вадим театрально смутился и опустил взгляд. — Я люблю тебя.

— За любовь! Пусть она живет вечно! — выкрикнул Стефан и осушил бокал. — Выпьем же за любовь, господа! А молодые пусть целуются! Горько!

— Выведите этого алкаша! — распорядился Вадим. Охрана уже направилась к

Стефану.

— Опять охрана... Какие вы трусы! Я сам уйду. Сам пришел, сам ушел, — пьяно сказал он и поставил бокал на место.

Уже стоя у самой двери, Стефан обернулся и серьезным голосом произнес: — Прощай, Марина, — и ушел.

Ее сердце сейчас разлетелось на мелкие осколки, словно стеклышко. Прощай, Марина.

Нет, нет!

— Подождите минутку, не пейте без меня. Хочу поцеловать свою невесту, — Вадим посмотрел на нее в упор, ожидая действий с ее стороны.

Марина перевела растерянный взгляд на подругу, спрашивая, что же ей делать. Ее любимая Зара качнула головой в сторону выхода.

— Да пошел ты, ублюдок! — крикнула Марина и, сняв кольцо с пальца, кинула его мистеру Шрайеру. — Это ваше.

Девушка кинулась за Стефаном, но его и след простыл. Она во все горло крикнула его имя.

Где же он?! Боже, где он?

Стефан зашел в соседний ресторан, который находился за углом, за бутылкой виски. Ктото звал его. Она... Он поторопился. Его звала Марина.

— Убью, сука! — прорычал Вадим, вылетая на улицу вслед за ней. — Зовешь этого ублюдка, тварь? — с размаху ударил ее по лицу. Девушка упал на землю.

— Марина!!! — Стефан увидел ее, лежащую на земле, у ног этой твари. — Тебе не жить, мразь!

Он врезался в Вадима и опрокинул его на землю, нанося удары по лицу. Откуда у него появилось столько сил, ведь он выпил? Наверное, когда видишь свою любимую женщину, свою жизнь, лежащую на полу и избитую, становишься Гераклом. На улицу повалил народ

из ресторана, услышав шум драки.

— Мариша, солнышко, вставай... — говорила подруга, поднимая ее с земли. — Сволочь, — выплюнула она, увидев на лице Марины след от удара.

— Останови их, Зара...

— Ни за что. Пусть Стефан набьет ему морду.

— Стефан, — тихо позвала его Марина, и он остановился. Она протянула к нему руки, по щекам текли слезы.

Мужчина кинулся к ней, оставляя Вадима лежать в траве. Обнял ее, плачущую, и понес в

машину. Ирина хотела подойти и пнуть этого козла, пока он валялся, но Макс остановил ее. Вадим поднялся, отряхнулся и, шатаясь, направился ко входу в ресторан, мимо них. Макс замахнулся и свалил его с ног одним ударом.

— Тебе-то это зачем? — спросила, пораженная его поступком, Ирина.

— Никому не позволено обижать женщину моего брата.

Марина заливалась слезами и целовала лицо Стефана.

— Он меня заставил, — отрывисто говорила она. — Нет, я сама согласилась. Но я не знала

про компромат! — Девушка опять разрыдалась. — Прости меня. Я люблю тебя одно. Тебя!

— Тише, солнышко. Моему солнышку не идут слезы. Тогда в моем мире — дождь, — сказал Стефан и стер ее слезы, будучи очарованным светом любимых глаз. — Рассказывай все с самого начала, без всяких слез.

— Я тогда находилась в очень плохом состоянии, в ужасном. Жуткая депрессия скрашивала каждый мой день. Заре сносило крышу, она умирала. Я, вообще, ни на что

не

наделась... Потом в ее жизни появился Леша, он познакомил меня с Вадимом. Тот сразу, без всяких церемоний, предложил сделку: я стану его женой, понравилась я ему, а у него

тогда в бизнесе появился этот, как он говорит, хер Шрайер, не работающий с холостыми

бизнесменами. Теперь я знаю, почему он не церемонился. У него уже был компромат на

меня, пока «Шкатулка» не сгорела, успел собрать. Недавно начал этим шантажировать, —шмыгнула носом она. — Но я же не могла! Там и на Зару, тоже, — опять заплакала Марина. — Как теперь быть? Я сорвала ему важную сделку.

— Не думай об этом, моя маленькая. Я решу этот вопрос. А не захочет сотрудничать, просто убью его.

— А еще он все у меня отберет...

— Что «все»?

— Салон, например. Я его уже полюбила.

— Зайчик мой любимый, какая чушь! Я куплю тебе все салоны Москвы. Тогда ты будешь

улыбаться?

— Нет.

— Нет?

— А ты будешь со мной?

— Что за вопрос? Конечно!

— Тогда буду улыбаться, — тихо сказала она, нежно вовлекая его в поцелуй.

Стефан ощутил соль на своих губах. Ее слезы. То, чего не должно быть в жизни его малышки никогда. Его руки сжали ее талию, а губы продолжали все глубже и сильнее сливаться в поцелуе. Любимая девочка... Только его! Навсегда. Навеки.

— Люблю тебя, Стеша, — пошептала сорванным голосом Марина и прижала его голову

к

груди, целуя и обнимая.

— Стеша?

— Да. Мой любимый Стеша. Самый-самый любимый!

Два одиноких сердца, наконец-то, запели в унисон. Абсолютная гармония, инь и янь...

Макс прижал девушку к стене. Его била крупная дрожь, так он хотел ее. Так скучал по своей Заре.

— Хочу тебя, крошка... Сильно, — шептал ей в шею, покрывая ее страстными поцелуями и пытаюсь расстегнуть сзади молнию платья. — Чертово платье! Снимай сама.

Быстрее, малышка. Умоляю, быстрее.

Она хитро улыбнулась и стала медленно стягивать лямки платья, видя, как его разрывало.

Желваки ходили ходуном, глаза горели, изо рта дыхание вырывалось шипящими выдохами, а брюки... красноречиво бугрились в известном месте.

— Так не пойдет, любимая. Играть сегодня я не намерен, — сказал он и подошел к ней.

Их

взгляды встретились, он собрал ткань платья в кулак и дернул со всей силы. Раздался треск, платье порвалось. Она расстроено вздохнула. — Я куплю бутик с платьями этого

дизайнера. — Макс подхватил ее на руки и отнес в комнату.

Черное, кружевное... Она знает, что он любит.

— А ты почему в одежде?

— Потому, что дело не во мне, — с жаром произнес он и, скинув рубашку, накрыл ее тело

своим. — Дело в моей любимой Заре. И эта ночь только для нее. Все ночи — для нее, — говорил он, спускаясь поцелуями по шее до ложбинки между грудей.

Осторожно коснулся губами открытой части груди, ее руки обнимали его за голову, он слышал ее прерывистое дыхание. Мужчина спустил ляжки бюстгалтера и отодвинул чашечки, обнажая ее грудь. Припал к соску на левой груди в нежном поцелуе, слегка прикусил, удостоверился, что ей нравится, услышав стон, и прикусил сильнее. То же самое проделал с соском на второй груди.

— Макс...

— Да, солнышко, называй меня так. Всегда. И везде.

Его губы продолжили свой путь вниз, то легонько покусывая мягкую кожу живота, то осыпая поцелуями. Он остановился у пупка. Провел по нему пальцем и поцеловал. Там могла быть его Диана...

— Люблю тебя, дочь, — тихо сказал он и еще раз прикоснулся губами к ее животику.

Она

тихонько всхлипнула. — Прости, моя любимая Зара.

Макс дошел до трусиков и, оттянув кружево, хлопнул ими по горячей коже. Ее ноги сомкнулись, показывая ему, как сильно она хотела его. Он не стал тянуть и подвергать себя

пыткам, спустил трусики и поцеловал ее лобок.

— Черт... да... — простонала она, сжимая его голову в руках.

Он раскрыл пальцами вход в ее лоно и собрал влагу. Дотронулся до влажных складочек, играя с ней. Ввел палец внутрь и припал к ее сочащейся киске ртом. Девушка забилась под

ним, но он крепко держал ее бедра. Он собирал ее желание языком, проводя им вверх и

вниз, получая неземное удовольствие от ее громких стонов.

— Боже мой, — крикнула она, сжимая сильнее бедра. Что он делал с ней... — Я сейчас...

Боже...

— Что ты сейчас, девочка моя? — спросил Макс, усиливая движения пальцев.

— Кончу, мать твою! — закричала девушка и выгнулась под ним, получая сильнейший оргазм.

Он поймал волну ее наслаждения и ускорил фрикции пальцами, сильнее бил языком по клитору. Она выгнулась дугой, но он удержал ее на месте, придавливая рукой обратно

к

постели. Твою ж... такими темпами он кончит в брюки. Запах ее возбуждения, скользящего по пальцам и отдающегося на языке на языке, срывал тормоза.

— Люблю тебя, малышка, — хрипло прошептал Макс ей между ног, даря последние поцелуи ее киске.

— А в лицо сказать слабо? — подначила его она.

— Бросаешь мне вызов? — изогнул бровь. — Так и быть, не привык отступать.

Макс лег на нее сверху, и она сразу вытащила ремень из шлевок и растянула брюки, сжала его член.

— Твоя очередь получать удовольствие, — засмеялась девушка и хотела опуститься вниз, но он удержал ее на месте.

Положил ей на щеку ладонь и сказал:

— Ты так и не поняла?

— Что?..

— Я уже его получаю. Твоей улыбки — за глаза. Чего уже говорить о вкусной малышке, которую я только что опробовал.

— Но я хотела сделать тебе приятное...

— Тогда просто молчи и позволь мне доставлять наслаждение тебе, — поцелуи посыпались на ее лицо, и она обняла его. — Хочу заняться любовью. Впервые в жизни, — прошептал Макс и вошел в нее.

— Я люблю тебя, — ее голос потерялся в его тяжелом дыхании. — Люблю! — крикнула она, когда он мощно ударил по ней, вошел и снова вышел. Его тяжелое, потное тело придавливало ее к дивану, и лучшего места нельзя было найти на свете... — Люблю...

— Чертов рай... Оказывается, всегда был так близко. В тебе.

Он зарычал и вошел в нее до упора, крепко держа ее тело. Только его, никогда ее не отпустит! Никогда! Они оба кончили, но не расцепляли объятий.

— Повтори то, что ты сказала минуту назад.

— Я люблю тебя.

— Еще.

— Я люблю тебя, Макс. И я — твоя Зара, — сказала она ему на ухо, глядя по спине, успокаивая дыхание.

— Никогда не отказывайся от своих слов. Или я умру.

— Никогда. Не в этой жизни.

Он поцеловал ее, с каждым поцелуем, вновь и вновь, из раза в раз, обретая смысл жизни...

Вот она, его жизнь и его смерть... Здесь. В ней.

Эпилог.

— Пора маму будить!

— Тише, Ди! — Макс приложил палец к губам. — У мамы же день рождения. Давай дадим ей поспать.

— Ладно. Но сколько она будет спать? Уже полдня прошло! — надула губки она.

— Солнце, сейчас только семь утра! Это мы с тобой обалдели — так рано не спим. Ну,

ты

помнишь, кто так говорит, — рассмеялся Макс и чмокнул дочь в щеку.

— Ага, помню. Мама! А еще она часто говорит, что мы с тобой — одно лицо, и ее самая большая проблема и радость в этом мире.

— Насчет проблемы она врет. Какие от нас проблемы? Ну, нарисовали мы с тобой один раз трансформеров на тему «мой любимый мультик» в школу, и что? — весело спросил

он, надувая шарики.

— А надо было — кукол! — прыснула от смеха малышка, подавая ему следующие.

— Так, держи. Много там еще этих шаров? У меня скоро легкие взорвутся.

— Нет, теперь ты врешь! Мама говорила, что ты у нас самый сильный, а значит, твои легкие не взорвутся.

— Мама преувеличивает, Ди.

— Нет. Она часто мне говорит, что очень сильно любит тебя. Получается, она может говорить о тебе только правду, если она тебя сильно любит?

— Получается, что, да, котенок. Какая ты у нас умница, все на лету схватываешь!

Макс расплылся в улыбке от ее слов. Жена каждый день говорила ему о своей любви, выкрикивать эти слова в постели, на пике сумасшедшего оргазма, стало нормой, но... ему было мало. Так же мало, как и смеха Дианы, ее улыбки. Так же мало, как упреков Зары, что он слишком много позволяет дочери, что она села ему на шею, свесила ноги, а он за

поцелуй в щечку готов был весь мир бросить к ее ногам. Чего спорить, это так...

— Папа, папа, оглянись! Как красиво! Мы с тобой не зря не спим два часа, — она обвела

рукой кухню, украшенную шариками и плакатами. Праздничные колпаки, дуделки и конфетти ждали пробуждения Зары.

Мужчина подхватил девочку на руки и подошел к холодильнику.

— Ну, что, свечи поставим? Держи, три и четыре. Ставь, — распорядился он, а сам отошел поправить плакат. Когда вернулся — обомлел. — Сорок три?! Ди-и! Сколько

маме

лет? Она же у нас совсем еще маленькая. Сорок три — это мне.

— А-а, ей тридцать четыре. Какая разница, как поставить свечи? Мама, все равно, останется самой лучшей.

— В чем права, в том права, — еще раз чмокнув ее, отпустил. — Неси рисунки пока.

Малышка убежала в свою комнату, взяла рисунки, но потом передумала нести их папе.

Когда же мама проснется уже? Диана вернулась в спальню родителей и легла рядом с мамой, перебирая ее мягкие коричневые локоны.

— Кто тут красоту мне наводит? — неожиданно спросила Зара и перевернула малышку на

спину, щекоча. — Кто это не спит с утра пораньше?

— Папа, папа! Мама меня щекочет! — закричала она, заливаясь смехом.

— Ди! Зачем ты маму разбудила? Я же тебя просил.

— Я и так все слышала! Шпионы, тоже мне. Ходите, шушукаетесь все утро.

Макс и Диана загадочно переглянулись и вышли из комнаты, оставляя Зару в удивлении.

Эти двое когда-нибудь доведут ее до психушки... Через минуту они появились в комнате с

шариками и свистелками. Диана бросилась Заре на шею и, поцеловав ее в щеку, сказала: — Дорогая моя мама, самая лучшая, самая любимая мама на свете! С днем рождения тебя!

Папа сказал, что ты совсем маленькая, тебе всего тридцать четыре, поэтому вырастай скорей. А это мой подарок.

Зара взяла в руки альбомный листок. Ее глаза были на мокром месте. «Семья». На нем были нарисованы три человека: она, Макс и Диана. И подпись: «Спасибо, мама, за то, что

ты есть». Она отложила листок и шмыгнула носом.

— Мама, почему ты плачешь?

— От счастья, котик мой! От чего же еще?

— Ну, а это — мой подарок, — Макс протянул ей букет белых роз и маленькую коробочку.

Диана убежала в кухню, а Зара открыла коробочку. Кольцо с бриллиантом в виде сердца.

— Это мое, любимая. Всегда носи его при себе, тогда оно будет биться.

Девушка с улыбкой стянула праздничный колпак с его головы и поцеловала, проникая языком глубоко в его рот, желая напиться им. Ее всегда мучила жажда, его всегда было

мало.

— Посмотри внутрь кольца.

Она перевернула колечко. Гравировка. Зара Бекер ... По ее щеке скатилась слезинка, Макс

ее стер.

— Ты моя жизнь. Я люблю тебя, Зарина Бекер.

Зара повалила его на постель и опять поцеловала. Остановилась, уткнувшись ему в плечо, и замолчала. Счастье плескалось, переливаясь за край. Ее глаза освещали этот мир ярче

миллиона маяков. Ведь теперь она была счастлива. Их идиллию прервал громкий хлопок, и по комнате вихрем закружилось конфетти. Диана засмеялась и внесла торт, напевая

песенку «С днем рождения!».

— Иди уже к нам, солнышко, — позвала ее Зара и усадила на колени. — А теперь приготовься... — Они с Максом поцеловали ее с двух сторон и стали тискать. Малышка опять засмеялась и поцеловала родителей в ответ. — Мама, папа, я хочу торт, и чтобы дядя

Стеша пришел с тетей Мариной!

Ближе к обеду в дверь позвонили гости. Диана побежала вниз, перепрыгивая через три

ступеньки. Открыла дверь и кинулась Стефану на шею.

— Дядя Стеша! Ты пришел! Ура-а!

— Хах, Ди, ты шею только мне не сверни. Тетя Марина и так каждый день меня за уши таскает, если я тарелку, например, не помою, — в шутку сказал он и чмокнул малышку в щеку.

— Тогда почему ты с ней живешь?

— Я ее люблю, малышка Ди. Мне для нее ушей не жалко.

— Так, так. Кто тут опять жалуется на тарелки? Ди, не слушай его. Ему лень в посудомоечную машину чашку загрузить, представь! — парировала Марина, целуя ее с другой стороны.

— Мужики, — изрекла девочка и лукаво глянула на Марину.

Та сделала вид, будто не слышала, и пошла в сторону гостиной.

— Дорогая, где это она могла услышать? — спросил Стефан, идя за ней следом.

— Ой, даже не знаю...

— Дядя Стеша, это они с мамой так говорят, когда вас с папой обсуждают! — зашлась

от

смеха Диана.

— Ди, хватит меня дядей Стешей называть. Что за «Стеша»? — Он укоризненно посмотрел на жену. Научила.

— Ну, что ты смотришь так. Нет, пусть лучше, как Макс, тебя Стефом зовет.

— Зато по-мужски, а твой Стеша... — он скривился.

— Мой Стеша — самый лучший, — ласково сказала она и подарила ему легкий поцелуй

в

губы.

— И тут целуются, — пробормотала Ди и только сейчас заметила какие-то вещи у

входа.

— А что там?

— Там кому-то подарки, — произнесла Зара, внося огромного мишку в комнату и плетеную корзину.

— Ого, а что там?

— Не знаю... Наверное, мне подарки. О, сколько киндеров. Точно, мне!

— Ну, мама! Это же мне, дядя Стеша и тетя Марина?

— Конечно, тебе, золотце!

Зара прошла к дивану и села рядом с подружкой.

— Как жизнь молодая, миссис Хейз?

— Явно, лучше, чем жизнь мисс Нимериной.

— Стеф, здорово, — поздоровался Макс. — Марина, — кивнул ей. — Где тебя черти носят, брат? Почему я один с этими... австралийскими... ладно, партнерами, не буду выражаться при детях, должен вести переговоры?

— Брат, у меня... медовый месяц. И мы, с миссис Хейз, послезавтра улетаем на Гавайи.

— Гавайи! — встряла Диана, съедая уже второй киндер. — Можно мне тоже?

— Милая, почему ты вечно все выпрашиваешь у Стефана? Будто, твои родители нищие,

— пожурил ее ласково Макс и усадил рядом с собой.

— С дядей Стешей прикольно. Он все-все мне покупает и все разрешает.

— Конечно, потому что у дяди Стеша нет своего бесенка, и он не знает, как с такими кадрами себя вести, — сказал Макс и дернул Ди за хвостик.

— Дядя Стеша, а у вас когда будет свой ребенок?

— Когда тетя Марина захочет мне его подарить.

Марина залилась краской и смущенно опустила глаза.

— А что, ей денег не хватает?

Вся компания рассмеялась, Макс подхватил дочурку на руки и поцеловал в щеку,

которая

выпирала, занятая шоколадом.

— Счетовод ты наш, идем уже чай пить? Мама с утра нам кучу вкусняшек наготовила.

— Идем!

Зара подошла к мужу и дочке и, умиленно покачав головой, взяла Диану на руки. Макс

обнял ее за талию, и они пошли в кухню.

— И когда вы мне подарите такую же малышку, миссис Хейз? — томно спросил Стефан, обнимая Марину за талию.

— Когда ты научишься тарелки мыть за собой! Тогда я подумаю, — засмеялась она, и они проследовали за хозяевами дома.

— Она спит, — сказала Зара, устраиваясь за столом напротив Макса. — Сейчас опять спела мне песенку-поздравление с днем рождения.

— Ди — чудо, — просто ответил Макс. Его глаза больше не были злыми и холодными, или пустыми и равнодушными. Никогда с его любимыми женщинами.

— Спасибо тебе за нее, — она подошла к нему и обняла его сзади, кладя голову ему на плечо.

— Мне-то, за что?

— За то, что ты согласился ее удочерить.

— Нет, я не соглашался. — Зара посмотрела на него с непониманием. — Она — моя дочь.

Я никого не удочерял, просто нашел потерянную частичку себя. — Он усадил жену к себе

на колени и зарылся в ее волосы. — Вы — две частички меня. И если вы перестанете меня

любить однажды — я умру.

— А мы не перестанем! — подарила еще один поцелуй ему и вернулась за стол. — Судьба

так мудро распорядилась нашими жизнями...

— За моих любимых девочек? — спросил Макс, протягивая ей бокал вина.

— И моего любимого мальчика, — пошутила она и отпила из бокала. — Мы... счастливы... Это так... круто!

— Это больше, чем круто. Каждое мое утро отныне наполнено смыслом. Первый смысл только и знает, что говорить в семь утра: «Папа, папа, чего ты спишь? На «никелодион» уже сто мультиков прошло, идем смотреть!» А второй... специально ложится спать без трусиков, в тонкой комбинации, и жалуется на головную боль.

— Сегодня я не надену даже комбинацию... В честь праздника. А насчет головы — не знаю...

— Что нужно сделать, чтобы она не болела?

— Ммм... Например, разреши мне работать, — Зара захлопала глазками.

— Нет. Мы это уже обсуждали.

— Но я не хочу сидеть дома! Мне нечего делать.

— Ничего себе заявления, милая. У тебя есть работа. Самая важная и почетная профессия в мире!

— И какая же? Брюнетка в шоколаде? Ходить на маникюр, модные показы, торжественные ужины?

Макс недовольно посмотрел на нее.

— Мама.

Зара перестала дышать. Господи, да... Она была мамой. Это ее работа.

— Но Ди вырастет. И что я буду делать? Вся в морщинах и старая.

— Будешь воспитывать внуков.

— Ты так просто подпустишь к ней парней?

— Конечно, подпущу. Тот, кто выживет в пыточной — пусть подходит к ней, значит, достойный парень.

— Макс! — засмеялась она. — Ты не исправим.

— Ты тоже. Все-таки, заставила меня это сделать.

Он достал из кармана брюк ключи и протянул ей. Девушка удивленно на него посмотрела.

— Это что? От новой квартиры? Уже выгоняешь меня?

— Дорогая, пить тебе вредно, однако. Это ключи от... твоей книжной галереи.

Она захлопала глазами, забирая у него ключи. От ее галереи?..

— Спасибо, спасибо большое!!! — подбежала к нему и поцеловала. — Спасибо, дорогой.

Это... восхитительно!

— Ну-у, ты ведь сегодня не наденешь трусики и комбинацию на ночь? — прошептал ей на

ухо и поцеловал в шею. — Значит, мы в расчете.

— Боже мой, как это классно! Моя собственная галерея?

— Да, ты — директор. Это новое здание, ремонт недавно закончили, с книгами сама разберешься.

— Книга «Мастер и Маргарита» будет на самом видном месте, — мечтательно сказала она. — Это лучший день рождения в моей жизни.

— Из-за галереи?

— Фи, дурак ты. Из-за вас. Тебя и Ди. Вы же мое все, вы мои рассветы и ночи, мои слезы

и радость, вы — это я.

— И мы тебя любим, Зара. Кстати, все никак не могу насладиться твоим новым именем — Зарина. Зарина Бекер... Это лучшее, что я слышал в своей жизни.

Макс не дал ей и слова сказать в ответ, впился губами в ее губы, оттягивая волосы назад.

Снова длинные, снова можно собирать их в кулак, поддаваясь сжигающей страсти.

— Черт, — хрипло простонала Зара. — Я хочу, чтобы ты меня трахнул. В честь праздника, просто жестко трахнул, как ты любишь. Чтобы не церемонился со мной...

— Малышка, — Макс тяжело дышал, стараясь взять своих монстров, что просыпались от

ее пошлых словечек, под контроль. — Я проигрываю... Придется тебя оттрахать жестко, как я люблю.

— Мама, папа! — в кухню влетела Диана, растрепанная ото сна, но такая радостная. — Опять целуетесь, — хитро улыбнулась. — А я не могу уснуть. Давайте посмотрим мультик. У мамы же праздник, значит, мне все можно сегодня!

— Милая, но праздник же у мамы. Значит, все можно ей? — спросил Макс, усаживая

дочь

на второе колено.

— Но она же меня любит!

— Против такого аргумента не пойдешь, — вздохнул он. — Ну, что, мама, отложим

наши

дела до лучших времен? До следующего дня рождения?

Зара сверкнула на него глазами, давая понять, что он никуда от нее не денется.

— Пойдем, хитрюга. Включай мультик. Чур, никаких спайдерменов и черепашек

ниндзя!

Знаю я ваши с отцом предпочтения.

Девочка убежала, оглашая мир вокруг себя звонким смехом. Макс подхватил Зару на

руки

и понес в комнату. Они устроились на кровати в детской, Диана между ними, и на

экране

высветилась заставка «Диснея». Зара сжала руку Макса, всем своим существом

осознавая, что же значит «семья». Он сжал ее руку в ответ, тоже чувствуя всю

грандиозность

момента, всю правильность жизни. Здесь, с его самыми любимыми женщинами...

Навсегда.

Зара тихонько достала телефон и набрала сообщение. Леша, как-то, просил написать

ему... Она выбрала из списка контактов бывшего мужа и нажала «отправить».

«Я счастлива!»